

ХРИСТИАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ ГРЕЦІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

О ДРЕВНИХЪ ЦЕРКВАХЪ ГОРОДА АѢНИНЪ.

Славное имя АѢниѣ и на жителя отдаленнаго Сѣвера дѣйствуетъ самымъ увлекательнымъ образомъ. Золотое дѣтство наше, при многихъ другихъ радостяхъ жизни, имѣло еще и пріятость близкаго, живаго и теплаго сочувствія тому, что слышало объ этой странѣ, гдѣ подъ яснымъ небомъ воображеніе населило горы, рощи, воды сверхъестественными существами и жизнь человѣческая протекала, какъ казалось, во всей полнотѣ, простотѣ и красотѣ. Волшебная панорама древней жизни Греческой приводитъ въ восторгъ самую разсудительную и степенную фантазію Нѣмецкую. Берлинъ и Минхенъ соперничаютъ въ своей любви къ АѢнинамъ. Ученые Профессоры спорятъ до слезъ о томъ, какое значеніе имѣла та или другая АѢнская развалина, къ чему служила *Панова* пещера, что значило *Эрехтево* подполье, и т. д.; задаютъ книги, и, въ случаѣ несогласія, угрожаютъ ѣхать къ самому Эрехтею для рѣшенія дѣла. И точно ѣдутъ, напередъ рисуя себѣ въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ отечество идей и миссовъ. Мечта имъ

предшествуетъ, мечта сопутствуетъ. Богиня *Атѣне* незримо несется съ ними, какъ въ древности съ *Одьюсеусомъ*, направляя путь ихъ прямо въ любимый городъ. Уже мысленно они видятъ себя въ кругу всѣхъ своихъ давнихъ знакомыхъ и пріятелей. *Сократесъ*, *Диогенесъ*, *Айсклюосъ*, *Периклесъ*, *Альцибіадесъ* спѣшатъ имъ на встрѣчу, берутъ ихъ подъ руки, и ведутъ на *Пнюксъ*, гдѣ съ *беми* (βῆμα) гремитъ не менѣе знакомый имъ *Демостенесъ*. Въ пріятномъ обольщеніи, при первомъ шагѣ на классической землѣ, они спѣшатъ высказать свое сочувствіе, и чистымъ Швабско-Греческимъ (пятымъ) діалектомъ привѣтствуютъ перваго встрѣчнаго, который пожимаетъ плечами, и на вопросъ товарища: τί λέγει ὁ φράγχος, отвѣчаетъ: ξέρω γῶ? ὀμίλει γερμανικά. ἴσως ζητεῖ ξενοδοχεῖον (1), — и равнодушно отходитъ отъ посѣтителя. Послѣ двухъ, трехъ подобныхъ встрѣчъ и привѣтствій. Филеллинъ начинаетъ думать, что онъ вовсе не въ Греціи, что эти люди совсѣмъ не Геллены, а либо Турки, либо Арабы. Онъ пытается еще спросить объ Эректеѣ. Ему отвѣчаютъ: ὁ ἅγιος Ἐλευθερίου? ὄχι. Δὲν εἶμαι ἐδῶ. Онъ усиливается объяснить дѣло; вокругъ него собирается толпа любопытныхъ, озирающая его съ головы до ногъ, и чуждаяся его дивному нарѣчію. Бѣдный Гелленоманъ радъ бываетъ, когда какой-нибудь землякъ его, старожилъ Аѣнскій, укроетъ его въ своей квартирѣ.

(1) «Что говорятъ Франкъ-то»? — Почему я знаю (ἤξευρα ἐγὼ). Говорить по-Нѣмецки. Вѣрно ищеть гостиницу...

(2) «Св. Элеверіи (т. е. церковь Св. Элеверія)? Нѣтъ здѣсь такого». Подобнаго рода встрѣчи и бесѣды Геллена съ Грекомъ здѣсь не рѣдкость.

Надобно сказать правду, что рѣдко Европейецъ находитъ въ Аѣннахъ то, что думаетъ найти. Идеализирующая большею частію все, Европа разумѣетъ Грецію и теперь такъ, какъ она оставила ее въ учебникѣ древней Исторіи, т. е. въ полномъ развитіи древней жизни. Между тѣмъ той Греціи давно уже нѣтъ, и память ея изглажена изъ чувства народнаго точно такъ же, какъ изглажена вся древняя Мифологія. Самое ложное понятіе о Грекѣ то, что онъ похожъ сколько-нибудь на тѣхъ Грековъ, которые возбуждаютъ такой трогательный энтузіазмъ въ зрителяхъ на университетскомъ театрѣ въ Берлинѣ. Грекъ въ идеѣ, въ книгѣ, и Грекъ въ дѣйствительности— это предметы совершенно различные. Нынѣшній Грекъ есть Грекъ Византійскій, а не Элливскій, если можно такъ сказать. Первое, главное и существенное въ нынѣшнемъ Грекѣ есть то, что онъ *Православный Христіанинъ*. Если Европа думаетъ о Греціи, какъ объ Элладѣ, и, пользуясь симъ именемъ, старается вдунуть въ мнимый «родъ боговъ и героевъ» чуждый ему свой *западный духъ*, то она ошибается, и трудится совершенно напрасно. Заманчивое и много-обѣщающее для нея, въ этомъ случаѣ, имя Аѣннъ нисколько не поможетъ ей.

Съ тѣхъ поръ, какъ огласило Аѣины тихое слово Апостольской проповѣди, исполненный идиоловъ городъ быстро сталъ наполняться чтилищами Бога, дотолѣ невѣдомаго. Замѣчаніе Апостола (Дѣян. XVII. 22) о благочестіи Аѣинянъ указало на самую глубокую и рѣзкую черту характера Аѣинянъ всѣхъ временъ. Можетъ быть, въ всей языческой древности не найти другаго города, который бы столько былъ приверженъ къ богослуженію, столько имѣлъ въ себѣ храмовъ (*ναὸς τέμενος*) и часовенъ

(βασιλεύς), столько наблюдаемъ и отправляемъ праздниковъ, какъ Аѳины. Та же самая черта отразилась своимъ образомъ и на Христіанскихъ Аѳинахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Христіанство болѣе, нежели въ какомъ другомъ мѣстѣ, боролось здѣсь съ язычествомъ, которому покровительствовала и Философія, хотя при этомъ и имѣемъ причину думать, что духъ нетерпимости и гоненія, столько времени господствовавшій въ Римской Имперіи и столько пролившій святой, неповинной крови мученической, въ Аѳинахъ болѣе, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, былъ ослабляемъ и умѣряемъ краткимъ объясненіемъ спокойнаго изслѣдованія и холоднаго скептицизма. За то при первомъ формальномъ паденіи языческой вѣры, религіозное чувство Аѳинской жизни со всею силою и любовью прилѣпилось къ Христіанству. Мало однакожь мы имѣемъ памятниковъ историческихъ и археологическихъ первоначальнаго состоянія Христіанства въ Аѳинахъ. Кромѣ двухъ-трехъ именъ Аѳинскихъ Философовъ, принявшихъ Христіанство или возстававшихъ на Христіанство, не имѣемъ почти ничего. Неясныя извѣстія о первыхъ Аѳинскихъ Епископахъ, скудныя, нѣмыя подлиси соборныя нѣсколькихъ позднѣйшихъ первостоятелей Аѳинской Церкви только-что не отнимаютъ у насъ возможности заключить, что если были Епископы, то значить были и вѣрующіе, и что если были вѣрующіе, то, конечно, были и храмы молитвенные. Но свидѣтельства живаго и пребывающаго отъ этихъ отдаленныхъ временъ для насъ не осталось, или почти не осталось (*). Обыкновенно

(*). Говоримъ почти, въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, видныя теперь остатки основаній огромной и, какъ надобно думать, преукрашенной церкви съ мозаическимъ поломъ на мѣстѣ древнихъ малыхъ Элевзинъ, позади храма Юпитера Олимпійскаго, раз-

венно эдиктъ Іустиніановъ о закрытіи языческихъ храмовъ и училищъ считаютъ эпокою въ Аэниской жизни (*). Если не живая уже вѣра, то привычка, и если не религиозное чувство, то привязанность и благоговѣніе къ памятникамъ роднаго изшества архитектурнаго до сихъ поръ все еще привязывали Аэнианъ къ древнимъ храмамъ, а черезъ храмы къ ихъ божествамъ. Теперь эта связь должна была прерваться. Народъ, научившійся вѣрить, что *боги языкъ бѣсове*, естественно долженъ былъ разлюбить жилище бѣсовъ и воздвигать новыя жилища новому Богу. Между тѣмъ благоразуміе ли предстоятелей церковныхъ или общее чувство давней, исторической связи жителей города съ пустѣющими памятниками его славнаго минувшаго были причиною, что новое богослуженіе скорѣе и крѣпче всего утвердилось на мѣстахъ стараго. Всѣ храмы древніе были обращены въ церкви, и ревность Аэнианъ, въ этомъ случаѣ, достойна изумленія. Въ одномъ Акрополѣ было устроено не менѣе 6 церквей, изъ коихъ славнѣйшая была Божіей Матери, замѣнившая собою на долгое время громкое имя Парэенона. Множество ихъ разбѣяно было по городу и его окрестностямъ. Каждое, сколько-нибудь отмѣченное прежнею религіею, мѣсто становилось мѣстомъ и Христіанской молитвы, — такъ что теперь Археологи въ отысканіи мѣстоположенія какого-нибудь древняго языческаго храма обыкновенно

но какъ и мозанческій полъ съ явнымъ очертаніемъ линий алтара въ Королевскомъ саду, суть остатки древнѣйшихъ какихъ-нибудь Христіанскихъ храмовъ.

(*) Еще прежде Іустиніана, въ его духъ дѣйствовали Θεодосій В., Аркадій, Гонорій и Θεодосій М. Но, какъ думаютъ, ихъ указы не были приводимы въ исполненіе, по крайней мѣрѣ во всей ихъ строгости.

руководствуются мѣстностію существующихъ или существовавшихъ церквей, какъ прямымъ и яснымъ свидѣтельствомъ того, что тамъ существовалъ нѣкогда храмъ. Полагаютъ, что около времени Іустиніана было въ Аѳинахъ уже 300 церквей (*) или часовенъ. Не мало труда предстоитъ Христіанскому Археологу — небольшое число сохранившихся изъ нихъ доселѣ пройти съ свѣточемъ ученаго изсѣдованія, расположивши ихъ всѣ въ хронологическій порядокъ. Но нѣсколько историческихъ, архитектурныхъ и иконописныхъ соображеній могутъ служить направлятельными нитями при этомъ темномъ и сбивчивомъ археологическомъ блужданіи, и нѣтъ сомнѣній, что успѣшнѣйшій исходъ его своими послѣдствіями далеко превзойдетъ всѣ его трудности.

Всѣ существующія теперь въ Аѳинахъ древнія церкви и развалины церквей въ архитектурномъ отношеніи можно раздѣлить на три класса. Первый составляютъ древніе языческіе храмы, обращенные нѣкогда въ церкви и потомъ запустѣвшіе. Такихъ числомъ четыре: *Парѳенонъ*, храмъ *Фисея* (Тезея), храмъ *Эрехвея* и храмъ *Иры*, если не причитатъ къ нимъ храма *Юпитера* Олимпійскаго, который, какъ нѣкоторымъ кажется, также былъ церковію, и именно Спасителя, чего впрочемъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ, такъ какъ и самый храмъ, къ общему удивленію антикваріевъ, почти весь исчезъ съ своими полутораста исполненскими колоннами. Въ Парѳенонѣ сохраняются доселѣ по-

(*) И теперь ихъ въ Аѳинахъ и ближайшей окрестности насчитываютъ около 80. Самое большее количество ихъ находилось кругомъ Акрополя. Съверная сторона подошвы его вся, можно сказать, усажена была ими. И теперь почти на каждыя 10 саженей можно встрѣтить развалины церкви.

лукрузіе алтаря, дѣстница въ гинекіонъ (на хоры) и нѣкоторое количество иконъ, писанныхъ прямо по мрамору стѣнъ, расположенныхъ рядами во всю высоту зданія, съ большимъ трудомъ впрочемъ теперь уже различаемыхъ. Въ храмѣ Эрехоея также цѣла мѣстность алтаря и нижняя часть иконостаса. Храмъ Оисея еще не въ давнія времена былъ церковію Св. Великомученика Георгія. Чудный храмъ Иры, погребенный теперь весь въ землѣ съ весьма замѣчательною, хотя и не очень древнею иконописью, состоитъ изъ двухъ малыхъ церквей Богородицы и Архангеловъ, и доселѣ называется Великою Богородицею (*μεγάλη Παναγία*). Впрочемъ, своими двумя куполами онъ свидѣтельствуесть уже о позднѣйшей эпохѣ.

Второй классъ составляютъ церкви чистаго Византійскаго стиля, заставляющія теперь посѣтителей Аеинъ удивляться ихъ множеству и малымъ и тѣснымъ размѣрамъ, хотя большею частію выкупающія сей послѣдній недостатокъ стройностію и красотою плана. Хотя почти все онѣ кое въ чемъ различаются одна отъ другой по плану, но общій характеръ ихъ совершенно одинъ и тотъ же. Видно, что Архитектура того времени связана была однимъ какимъ-то образцемъ, отъ котораго позволяла себѣ дѣлать только самыя малыя отступленія (*). Сей образецъ былъ

(*) Сія отступленія относятся большею частію къ поддерживающимъ куполь столбамъ или колоннамъ. Разность въ высотѣ и формѣ свода различныхъ частей церкви, опоясывающаго карниза, въ расположеніи арокъ, въ размѣрахъ вѣтвей креста относительно къ диаметру купола, широтѣ притвора и глубинѣ алтаря, въ размѣрахъ дверныхъ и оконныхъ простѣнковъ, въ фигурѣ оконъ и т. п. — вотъ что главнымъ образомъ видоизмѣняло общій планъ. Въ этомъ случаѣ, надобно отдать честь изобрѣтательности и оригинальному характеру прежнихъ Архитекторовъ. Ни одна изъ 12 церквей этого плана не есть совершенная копія другой.

равноконечный крестъ, вложенный въ четырехугольникъ стѣнъ, и возвышающійся надъ общемою массою зданія. Каждая изъ 4-хъ вѣтвей сего креста вькрывалась вверху дуго-виднымъ сводомъ и въ центрѣ зданія входила въ куполъ, господственно возвышавшійся надъ всѣми ими и надъ всѣми прочими частями зданія. За исключеніемъ (1) одной, всѣ Аѳинскія церкви Византійской эпохи построены по этому плану. Обыкновенно при этомъ восточная вѣтвь креста выходитъ въ линію четырехугольника и оканчивается полукружіемъ, образуя собою алтарь, или, точиѣе, горнее мѣсто алтаря, а западная вверху надъ кровлею оканчивается особымъ возвышеніемъ въ толщину стѣны съ окномъ для колокола (см. въ прилаг. чертежѣ № 14). Почти всегда куполъ такой церкви покоится на четырехъ аркахъ, опирающихся на четыре (иногда только на двѣ) колонны мраморныя, изъ коихъ между двумя восточными (2) утверждается иконостась. Вся церковь представляется при этомъ раздѣленною на три продольныя части: среднюю — самую широкую, и двѣ боковыя менѣе широкія, — по крайней мѣрѣ такую кажется она отъ входа, чему не мало помогаетъ то обстоятельство, что всѣ почти безъ исключенія (3) церкви этого рода имѣютъ впереди себя притворъ (*ναρθηξ*), шириною равный большею частію вѣтвямъ основнаго креста, высоту же обыкновенно ниже ихъ, иногда впрочемъ среднюю частію достигающій высоты ихъ,

(1) Церкви Св. Апостоловъ. См. планъ ея, № 8.

(2) Иногда далѣе ихъ (см. № 3). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, внутренность церкви представляется несравненно красивѣе.

(3) Исключеніе — малая церковь подъ Акрополемъ, представляющая собою простѣйшій типъ Византійской церковной Архитектуры. См. № 2.

а боковыми равный угловым частям (х. х.) главного четырехугольника. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, крестъ кажется удлинненнымъ въ нижней вѣтви, и церковь получаетъ особенный характеръ, напоминающій собою нѣсколько Римскую церковную Архитектуру. Почти всегда въ притворъ ведутъ 5 дверей, три спереди и двое съ боковъ. Кромѣ того въ боковыхъ вѣтвяхъ креста также всегда есть по двери, такъ что всѣхъ дверей обыкновенно церковь имѣетъ 7. Размѣры всѣхъ этого класса церквей очень тѣсны. Діаметръ купола ни въ одной изъ нихъ не превышаетъ 5 аршинъ, а высота всей церкви отъ помоста до креста рѣдко достигаетъ 5 сажений. Куполъ всегда высокій (сравнительно съ другими частями), прямостѣнный, снаружи восьмисторонній, изнутри круглый съ 8-ю (рѣдко 4-мя) окнами, поверхъ коихъ сгибается сводъ вогнутымъ полушаріемъ. Если Архитекторъ имѣлъ въ виду дать нѣсколько бѣльшіе размѣры церкви, то подъ куполомъ, вмѣсто мраморныхъ колоннъ, утверждалъ четыре складенные изъ камней четырехугольные столба въ аршинъ а болѣе толщиной, какъ это сдѣлано въ церкви Св. Θεодоровъ (№ 9). Церкви этого класса обыкновенно не штукатуренныя, совѣтъ кладенныя часто съ большимъ изяществомъ, горизонтальными рядами, ровно и правильно сѣченнаго поздраватаго камня, пересѣкаемыми послѣ всякаго камня вертикально стоящимъ кирпичемъ и отдѣляемыми одинъ отъ другаго непрерывною (иногда двойною) линіею краснаго кирпича (см. № 15). Обыкновенно на $\frac{1}{3}$ высоты церкви идетъ спаружи ея карнизъ, образуемый рядомъ кирпичей, то входящихъ въ стѣну, то выступающихъ до ея поверхности. При всей простотѣ своей, онъ дѣлаетъ весьма пріятное впечатлѣніе на глазъ. Иногда бываетъ двойной карнизъ, раздѣ-

ляемый рядомъ кирпичей или камней, а нерѣдко и наполняемый въ промежуткѣ разнаго рода украшеніями изъ жженой глины. Раздѣляющіе одинъ камень отъ другаго вертикальные кирпичи часто принимаютъ фигуры стрѣлы, змѣи, скобы, какой-нибудь буквы и т. под. (*). Окна всегда вверху полукруглые, рѣдко съ одною аркою, чаще съ двумя, раздѣляемыми мраморнымъ плоскимъ столбомъ, иногда даже съ тремя, раздѣляемыми двумя такими столбами. Церковь Св. Феодоровъ, какъ большая изъ всѣхъ этого класса, имѣетъ и въ куполѣ двойныя окна. Округлости дверей и оконъ всегда имѣютъ раму (иногда двойную) изъ кирпича, и если встрѣчаются съ карнизомъ, то карнизъ идетъ по направленію ихъ и ложится по рамѣ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ боковыя вѣтви креста выходятъ изъ линіи стѣны двумя пиластрами, сходящимися вверху аркою, и придаютъ черезъ это церкви еще особенную черту изящества (№ 16). Подъ крышею идетъ всегда другой карнизъ хотя въ томъ же характерѣ, но съ небольшимъ различіемъ, а именно тѣмъ, что кирпичи всѣмъ своимъ прямоугольнымъ треугольникомъ лежатъ внѣ линіи стѣны, и дѣлаютъ такимъ образомъ собою навѣсъ. Кровля всегда черепичная.

Церкви третьяго разряда имѣютъ форму параллелограмма, оканчивающагося въ восточной сторонѣ однимъ или тремя полукруглыми выступами ($\alpha\psi\iota\zeta$, *abside*). Иногда параллелограммъ этотъ раздѣляется на три продольныя части двумя рядами столбовъ или колоннъ, образующихъ собою галереи (иногда двухъярусныя) для женщинъ. Всѣ

(*) Подъ № 13 изображенія первой строки сняты съ церкви Св. Апостоловъ, второй—съ церкви Св. Никодима, третьей—частію съ обѣихъ ихъ, частію съ церкви Преображенія, что подъ Акрополемъ.

сіи церкви имѣють кладку стѣнъ простую, грубую, изъ ветсаннхъ камней, съ окнами простыми, въ одну арку, безъ наружныхъ карнизовъ, безъ купола и иногда даже безъ свода, съ деревяннымъ потолкомъ. Всѣ ихъ относятъ къ позднѣйшей эпохѣ, именно уже Турецкой, и въ устройствѣ ихъ видятъ вліяніе (водворившееся здѣсь со времени Крестоносцевъ) Римской церковной Архитектуры, для которой образцемъ послужили залы древнихъ базиликъ, раздѣлявшіяся обыкновенно двумя рядами колоннъ на три продольныя части, и оканчивавшіяся всегда въ противоположной входу сторонѣ полукруглымъ выступомъ. Ни одна изъ церквей АѢинскихъ этого класса не обращаетъ на себя вниманія знатоковъ и любителей изящнаго (*). Видно, что всѣ онѣ строены по нуждѣ, на скорую руку, во время упадка Церковной Архитектуры въ Греціи. Множество подобнаго плана малыхъ церквей разсѣяно кругомъ АѢинъ по полямъ, и больше половины ихъ находятся въ совершенномъ запустѣніи, заставляя сожалѣть о томъ, что усердіе древнихъ Христолюбцевъ заботилось больше о постройкѣ церкви, чѣмъ о поддержаніи ея на будущія времена.

Какъ вѣнецъ и завершеніе втораго разряда, существуютъ въ АѢинахъ двѣ особенныя церкви, одна въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, другая въ самомъ городѣ. Обѣ онѣ доставляютъ любителю Архитектуры высокое наслаж-

(*) Болѣе другихъ замѣчательна изъ нихъ церковь Успенія, такъ называемая *великій монастырь*, которую Кушо относитъ къ концу втораго періода, по его раздѣленію (VI—XI вѣка). Развалины церкви подъ Ареопагомъ относятся къ этому же разряду; и потому едва ли онѣ остатокъ «древней Митрополіи», какъ полагаетъ нашъ почтенный Писатель А. Н. Муравьевъ. Чертежъ подъ № 10 представляетъ планъ, можетъ быть, древнѣйшей этого разряда церкви Св. Филиппа.

деніе. Планъ ихъ въ главныххъ чертахъ тотъ же, что и другихъ церквей собственно Византійскаго періода, но гораздо обширнѣе, строинѣе и величественнѣе, и носятъ на себѣ печать оригинальности, весьма замѣчательной. Здѣсь, какъ кажется, задачей Архитектора было сдѣлать господствующимъ въ его планѣ не крестъ, а центральный кругъ креста, такъ чтобы все зданіе представлялось не раздѣляющимся, а собирающимся въ одну прекрасную палату, вѣнчаемую сводомъ на подобіе небснаго. Съ перваго взгляда видно, что одинъ изъ сихъ храмовъ послужилъ образцемъ другому, но который которому, рѣшить трудно. Начнемъ съ того, который кажется менѣе совершеннымъ по Архитектурѣ, хотя безъ сравненія богаче по украшеніямъ.

Часахъ въ двухъ отъ Аѳонъ, по «священной» дорогѣ, ведущей въ священную нѣкогда *Элевсину*, при подошвѣ горы стоятъ развалины монастыря, бывшаго когда-то великолѣпно устроеннымъ, называемаго теперь: *Дафни* (*). Высокія стѣны его съ остатками башенъ, прекрасно кладенныя изъ тесаннаго камня — большею частію остатка древнѣйшихъ временъ языческихъ — теперь уже полуразрушенныя, идутъ четырехугольникомъ и занимаютъ собою довольно большое пространство. Внутри сихъ стѣнъ возвышается прекрасный памятникъ Византійской Архитектуры

(*) «*Δάφνη*» называется дерево *лавръ*. Думаютъ, что въ прежнее время на томъ мѣстѣ много было этого дерева; теперь же нѣтъ почти и слѣда его. Обстоятельство, что на мѣстѣ теперешней церкви былъ нѣкогда славный храмъ Аполлона, наводитъ мысль на то, что, можетъ быть, извѣстный мифъ объ Аполлонѣ и нимфѣ *Дафнѣ* былъ исторически привязанъ къ этому мѣсту, или по крайней мѣрѣ далъ ему наименованіе. По званію Аѳонъ Крестоносцами, въ этомъ монастырѣ погребены были Герцоги Аѳонскіе; монастырь былъ занятъ Бенедиктинцами, и назывался *monasterium Delphini*.

ры, съ отлично правильною и изящною кладкою стѣнъ, съ чудными тройными окнами и великолѣпнымъ куполомъ. Сколько вышность его привлекательна, столько внутренность поразительна. Весь онъ переполненъ свѣтомъ отъ трехъ ярусовъ оконъ въ боковыхъ вѣтвяхъ креста и отъ 16 оконъ купола. Куполъ лежитъ не на четырехъ, а на восьми аркахъ, и отъ этого имѣетъ для глазъ особенную пріятность. Но что всего пріятнѣе, такъ это форма купола, который не идетъ прямою ротовою, какъ купола исчисленныхъ выше церквей, а въ самомъ началѣ своемъ отъ карниза надъ арками наклоняется къ центру подобно куполу Св. Софїи Цареградской и подобно куполамъ Св. Марка въ Венеціи. Подъ арками всю церковь опоясываетъ другой карнизъ, который и раздѣляетъ всю ее на двѣ половины: верхнюю, всю покрытую золотою мозаикою со многими иконами, и нижнюю, одѣтую иѣкогда мраморомъ, но теперь совершенно обнаженную. Мозаика (особенно въ куполѣ) весьма повреждена. Въ центрѣ купола изображена колоссальная фигура, по грудь, благословляющаго Спасителя; между окнами стоять Пророки. Въ четырехъ углубленіяхъ подъ куполомъ изображены 4 господскіе праздника и т. д. Во многихъ мѣстахъ мозаика закопчена дымомъ, такъ что не лзя разобрать изображеній. Въ боковыхъ вѣтвяхъ креста на стѣнахъ (ниже карниза) есть 4 особенныя большія изображенія мозаическія, высокаго достоинства, представляющія вшествіе І. Христа въ Іерусалимъ, распятіе Его, сошествіе во адъ и явленіе по воскресеніи ученикамъ. Стѣны четырехъ боковыхъ комнатъ украшены были по мѣстамъ также мозаикою, а большею частію фресковою живописью. Обѣ восточныя служатъ теперь кладовыми;

изъ западныхъ лѣвая отъ входа вмѣщаетъ въ себѣ двѣ мраморныя, пустыя теперь, гробницы, изъ коихъ на одной изсѣчены три лиліи; правая также занята кое-какою поклажею (подъ притворомъ во всю ширину церкви идетъ склепъ, теперь полузаваленный землею, изъ которыхъ, какъ говорятъ, и вынуты тѣ гробницы). Обѣ восточныя, далеко не достигая высоты вѣтвей креста, завершаются кровлею, западныя напротивъ того имѣютъ поверхъ себя террасу, а на террасѣ — другой ярусъ, состоящій изъ 4-хъ малыхъ келлій. Таково устройство сего весьма замѣчательнаго храма. Построеніе его относятъ къ XII вѣку, и строителемъ его, безъ всякаго сомнѣнія, надобно признать какого-нибудь Константинопольскаго Императора (можетъ быть, котораго-нибудь изъ Андрониковъ). Передъ возстаніемъ Грековъ, здѣсь былъ монастырь мужескій, довольно людной. Во время войны Турки приготовляли въ немъ порохъ, и опалили всю внутренность церкви. По окончаніи войны, монастырь былъ въ совершенномъ запустѣніи. Пастухи загоняли на ночь стада въ церковь. Лѣтъ 6 или 7 тому пріютились въ немъ бѣдныя женщины, частію монахини, частію бѣлицы, и ихъ безпримѣрному усердію и терпѣнію лучшая Христіанская древность Греціи (*) обязана своимъ сохраненіемъ. Съ ничтожными (точнѣе — вовсе несуществующими) средствами бѣдныя старицы успѣли уже покрыть всю церковь черепицею, вставить кое-гдѣ окна, настлать полъ, поставить бѣдныи

(*) L'Eglise de ce monastère est certainement, avec Saint-Nicodème d'Athènes, une des plus belles et surtout la plus riche de toutes les églises grecques. On aperçoit encore à l'intérieur, et dans un parfait (?) état de conservation, de magnifiques peintures en mosaïque, etc. Comchaud.

иконостасть; и теперь бываетъ уже по временамъ служба Божія, а въ храмовой праздникъ Успенія Божіей Матери (*) уже начинаетъ приходить сюда народъ изъ города. Достоянно сочувствія всякаго Православнаго Христіанина это запустѣвшее мѣсто, которому еще не скоро Греція узнаетъ цѣну, а когда узнаетъ, будетъ гордиться имъ не менѣе, какъ и нашъ древлепрестольный Кіевъ своею златою Софіею.

Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся наконецъ на послѣднемъ, самомъ лучшимъ, памятникѣ Христіанской древности въ АѢинахъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ королевскаго дворца, почти близъ самага сада королевскаго, долгое время виднѣлись развалины довольно обширной по АѢинамъ церкви, казавшейся съ перваго раза соборною въ сравненіи съ другими церквами города. Наружность ея, впрочемъ, не казалась привлекательною. Двѣ-три малыя и узкія отдушины, похожія на стрѣльницы какой-нибудь крѣпостной башни, замѣнявшія собою всѣ двери и окна церкви, прежде всего не нравились взору. Четыреугольникъ стѣнъ, ровныхъ и плоскихъ, какъ четыре доски гроба съ едва выходящею изъ него шеєю купола, наводилъ уныніе на душу. Рѣдкое зрѣлище, вмѣсто крыши, плоской террасы съ грубо накладенными изъ

(*) Незабвенный нашъ паломникъ Василій *Барскій* зналъ этотъ монастырь подъ именемъ *Введенскаго*, какъ можно заключить изъ приложеннаго къ его путешествію «показанія рисунковъ, учиненныхъ рукою самага монаха Василія». При этомъ кстати будетъ высказать справедливое сожалѣніе о томъ, что древнѣйшую эту книгу, сдѣлавшуюся теперь уже большою рѣдкостію, никто не предпринялъ издать съ приложеніемъ всѣхъ рисунковъ, въ честь и память добраго, умнаго, смиреннаго, неподражаемаго Писателя нашего мнувшаго вѣка, и въ пользу всѣхъ любителей Древности и Исторіи.

булыжника окранными и съ густою травою по всей ея поверхности представляло церковь старымъ, запущеннымъ бастиономъ. Цѣлой трети купола не существовало, и этотъ недостатокъ страшно зіялъ на посѣтителя. Сѣверная стѣна церкви на двѣ трети длины своей выступала изъ линіи фундамента, и грозила ежедневнымъ паденіемъ. Только восточная стѣна алтаря сохранялась во всей цѣлости, и, не смотря на всѣ задѣлки и передѣлки варварской руки, свидѣтельствовала невольно о первоначальной красотѣ всего зданія. Лишенный всякаго огражденія, храмъ былъ доступенъ, во всякое время дня и ночи всѣмъ и всему. Въ такомъ положеніи онъ былъ еще назадъ тому полтора года. Входящему внутрь его казалось, что онъ вступаетъ совершенно въ иной міръ. Центральная часть его, осѣненная частію куполомъ, частію сводомъ небеснымъ, насильно влекла взоръ и духъ къ небу. Двухъярусныя галереи кругомъ всей церкви съ многочисленными арками весело и таинственно говорили сердцу. Множество иконъ по стѣнамъ различныхъ эпохъ и различныхъ рукъ художническихъ вѣяли на душу святынею. Однимъ словомъ, впечатлѣніе, производимое этимъ храмомъ даже на незнакомаго вовсе съ Архитектурою, было всегда весьма сильное (*). Что же сказать о томъ, кто не чуждъ былъ таинствъ

(*) Вотъ отзывъ о немъ Г. Кушо: «Nous arrivons cette fois à la plus complète et surtout à la plus grande de toutes les églises d'Athènes. Son plan, qui est un carré long, est encadré intérieurement d'une galerie voûtée destinée à en supporter une seconde destinée aux femmes. La façade est percée de trois portes, et les façades laterales de quatre. Au premier étage, une serie d'ouvertures ont été disposées pour éclairer la galerie. La toiture en terrasse, qui fait exception à toutes les autres églises d'Athènes, est surmontée d'une dôme large et élevé, existant actuellement au tiers. Il est même probable, que dans un

сего божественнаго Искусства и пытался изучать его не только въ произведеніяхъ рукъ человѣческихъ, но и въ сверхъискусственномъ строеніи Природы и въ связи его съ архитектурикою души человѣческой? Удивительная стройность и соразмѣрность всѣхъ частей зданія пробивалась изъ-за всей грубой замазки и закраски невѣжества, бѣдности и крайности—всѣхъ историческихъ эпохъ жизни храма, и влекла къ себѣ душу нѣкоторымъ родственнымъ сочувствіемъ, звала къ участию, къ вспоможенію.

Храмъ этотъ, извѣстный подъ именемъ *Никодимова* (*) или, по образу выраженія Грековъ, *Св. Никодима*, (ὁ ἄγιος

temps donné l'église elle-même aura pris la même projection, que le dôme, vu son état de ruines, laissant seulement dans la mémoire des artistes, qui ont pu la voir, la dessiner et l'admirer, le souvenir ineffaçable de ses grandes et belles proportions; car elle resume, à elle seule, tout ce qu'il y a de plus complet dans cette période de l'art byzantin.» pag. 18.

- (*) Простой народъ издревле зналъ его подъ именемъ *Ликодима* (ὁ Λυκόδημος). Ученые сочли это ошибкою, и переименовали *Никодимомъ*, который естественно вскорѣ сдѣлался «святымъ Никодимомъ». Впрочемъ, желающіе обуздать порывы свѣшной учености болѣе стоятъ за народное наименованіе, и даже видятъ въ немъ глубокой историческій намекъ. *Λυκόδημος*, по ихъ мнѣнію, могло быть названіе части города, въ коей находился извѣстный Лицей (*Λυκῆον*), и значило просто: *домъ Лицея*. Находявшійся съ давнихъ временъ въ церкви древній камень съ надписью, содержащею въ себѣ имя одного эпископа (Попечителя Лицейскаго, *Διονύσιος Διονυσιοῦδωρος χροπίδης ἐπισκοπὴς λυκίης Ἀπόλλωνι γυμνασιάρχου τοῦ καλλικρατίδη τῆ συνδρόμῃ στεγρίως*), считаютъ подтвержденіемъ сего предположенія. Въ какой степени все это вѣроятно, пока ничего не лзя сказать. Кажется впрочемъ, что современнаго намъ названія Христіанскаго памятника не лзя относить къ такой глубокой, языческой древности. *Δῆμος Λυκίης*, *δῆμος νικῆς*—могло быть, но вѣроятно никогда не было. Въ числѣ извѣстныхъ домовъ АѢнскихъ подобнаго не упоминается. Да и зданіе Лицея, по наибольшей вѣроятности (см. Topographie Athens v. W. Martin Leake. Zurich. 1844.

Νικηθῆτος), какъ надобно думать, много видѣлъ и перенесъ бѣдъ отъ многоразличныхъ и многократныхъ потрясеній политической жизни города. Если онъ и не былъ кафедральнымъ, то все-же по своей обширности долженъ былъ считаться первымъ между всѣми прочими, и въ тяжкую годину служить сборнымъ мѣстомъ и прибѣжищемъ жителей. Еще года за 4 до возстанія Греческаго совершалось въ немъ богослуженіе. Во время осады Акрополя онъ служилъ нѣсколько времени бойницею. На терассахъ его были поставлены пушки. При этомъ двѣ бомбы, пущенныя съ Акрополя, пробивъ куполь (*), обрушили три поддерживавшіе куполь столба, отъ чего треть его обрушилась, арки прямыкавшихъ къ столбамъ галерей развалились, и сѣверная стѣна вышла вонъ изъ своей линіи. Съ тѣхъ поръ печать запустѣнія легла на лучшее изъ зданій Аѳинскихъ. Городъ сталъ скорѣе столицею. Мало-по-малу множество полуразвалившихся церквей его приведены были почти всѣ къ одному изъ двухъ: или были восстановлены или совершенно разрушены. Явились двѣ-три новыя, большія церкви, заду-

f. 201 — 205) было по крайней мѣрѣ въ полуверстѣ отъ нашего храма. Камень могъ попасть случайно въ него. Къ сожалѣнію, не lze доскаться, какъ древне самое названіе его Никодимъ или Ликодимъ.

- (*) Между тѣмъ случалось слышать, что и прежде удара бомбы было уже отверстіе въ куполь, и что бомба только довершила разрушеніе. Своего рода Мѣтеорологія говоритъ, что куполь обрушился во время одного землетрясенія, и что это было даже «во время обѣдни», или что онъ обрушился отъ удара молніи, чему «многіе были свидѣтели», или что наконецъ рассклался самъ собою, потому что «основанія храма сгнили». О разрушеніи его бомбою разсказывалъ одинъ изъ очевидцевъ сего событія, и одинъ изъ вождей возстанія, свидѣвшій въ самомъ храмѣ въ осадѣ около 30 дней, Генералъ I. М., свидѣтель, безъ сомнѣнія, не ложный.

мава и приводится къ окончанію митрополія (каедральный соборъ Аеинъ). Одинъ Никодимъ стоялъ до нашихъ дней обезображенный, въ запустѣніи и нечистотѣ. Было, говорить, нѣсколько соображеній на счетъ того, чтобы обратить его въ казарму или магазинъ, но даже и для этой цѣли онъ оказался негоднымъ. При новой планировкѣ города, наконецъ проведена была на него улица, долженствовавшая отсѣчь всю Восточную часть его, и такимъ образомъ положить конецъ его многовѣковому и, вѣроятно, многотревожному бытію. Видѣвшіе его въ такомъ состояніи любители изяшнаго жалѣли о судьбѣ его. Между тѣмъ, сверхъ ожиданія, вышло совсѣмъ иначе. Бывшій въ Аеинахъ (съ 1843 по 1850 годъ) настоятелемъ Русской посольской церкви О. Архимандритъ Поликарпъ, находя неудобнымъ отправленіе богослуженія въ одной изъ приходскихъ церквей города, первый возымѣлъ мысль объ устроеніи особенной въ Аеинахъ посольской церкви. Обстоятельство, что занимаемая теперь миссіею церковь въ свое время была развалиною и возстановлена великодушнымъ Русскимъ пожертвованіемъ, навело на мысль, не лзя ли подобнымъ же образомъ возстановить изъ развалинъ и смежную съ нею церковь Никодима. Счастливая мысль вскорѣ нашла благопріятный отзывъ въ городѣ. Узнавъ о томъ, Правительство здѣшнее предложило въ даръ Россіи развалину храма. Государь Императоръ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ за приношеніе. И съ тѣхъ поръ можно было счесть спасеннымъ драгоценный памятникъ Христіанской древности. Послѣ нѣсколькихъ неизбѣжныхъ, въ подобныхъ случаяхъ, остановокъ, наконецъ въ 1852 году храмъ возстановленъ (вчернѣ) въ первобытномъ его совершен-

ствѣ ('), и теперь служить лучшимъ украшеніемъ городу, привлекая къ себѣ какъ знатоковъ и любителей изящнаго, такъ и всѣхъ вообще посѣтителей именитаго города, особенно же его собственниковъ жителей.

Планъ сего храма (№ 12) отчасти уже показываетъ его стройность и изящество. Отдѣливъ въ немъ притворъ, мы находимъ четырехугольникъ, внутри коего положенъ крестъ. Восточная и западная вѣтви сего креста идутъ въ высоту всего зданія, сѣверная и южная пересѣкаются на половинѣ высоты своей галереей хоровъ, но такъ легко, что это почти нисколько не вредитъ общему впечатлѣнію креста, вѣнчаемаго въ каждой вѣтви малымъ куполомъ, и великолѣпнымъ образомъ средоточивающагося въ большомъ куполѣ. 16 столбовъ держатъ хоры, простирающіеся кругомъ всей церкви до самаго главнаго алтаря. Болѣе 80 полукруглыхъ арокъ (не считая дверныхъ и оконныхъ) соединяютъ стѣны съ столбами и столбы между собою, и своею цѣлостію представляютъ пріятнѣйшее для глазъ зрѣніще. Съ первымъ шагомъ внутрь церкви видишь себя окруженнымъ легкими аркадами, идущими во всѣхъ направленіяхъ, и влекущими взоръ во всѣ стороны; но ихъ заманчивость становится ничтожною предъ тѣмъ невыразимымъ впечатлѣніемъ, которое испытываешь съ первымъ возвышеніемъ взора. Да не покажется страннымъ кому-нибудь, если мы свое неизвѣстное и малое дерзнемъ сравнить съ общеизвѣстнымъ и знаменитымъ архитектурнымъ вели-

(') Единственная Христіанская древность Греціи, которая, благодаря отличной способности Инженеръ-Поручика Тилемаха Власопуло, возобновлена наилучшимъ образомъ и съ строгимъ соблюденіемъ всей древности.

чемъ. Вступивши въ храмъ Св. Петра, находишь себя среди одной великой и чудной залы, видишь въ концѣ ея нѣкій просвѣтъ, но только любопытство влечетъ тебя итти далѣе; чувство не угадываетъ при себѣ и не сознаетъ того чаемаго душою единства зданія, которое составляетъ высшую задачу Архитектуры и предполагается всюду, гдѣ есть дѣло рукъ человѣческихъ,—мало думаешь потому о срединѣ храма, и ставъ наконецъ подъ куполомъ, съ равнымъ любопытствомъ продолжаешь итти впередъ. Не зависитъ это собственно отъ размѣровъ зданія. И въ храмѣ Св. Софїи, въ Кіевѣ, также не чувствуешь надобности, вошедши въ церковь, стремиться къ центру ея, а почти считаешь безразличнымъ, есть ли въ ней куполь или нѣтъ. Дѣло зависитъ отъ соразмѣрности частей храма. Извѣстное и всѣми повторяемое выраженіе: «панѳеонъ на парѳеонѣ», по нашему мнѣнію, наилучшимъ образомъ показываетъ, что идея сведенія всего зданія въ центральный куполь—гениальное и счастливѣйшее порожденіе Византійскаго вкуса, не была извѣстна въ Римѣ, прибавимъ къ этому—не была понята и въ Россїи. Не хотимъ приводить здѣсь въ примѣръ поразительнаго впечатлѣнія на душу Св. Софїи Цареградской: тамъ изящество и величіе безпримѣрное. Укажемъ на одно чистое изящество. Вступая въ церковь, которую мы теперь описываемъ, отъ самаго входа быстро влечешься къ центру, гадая чувствомъ весьма вѣрно при этомъ, что тамъ должны быть ея смыслъ, ея душа, ея разгадка. И точно тамъ, ставъ подъ куполомъ, весь превращаешься въ видѣніе, въ восхищеніе, въ совершенное удовлетвореніе. Только глазъ весело перебѣгаетъ потомъ по верхнимъ и нижнимъ аркадамъ, то поднимаясь, то опускаясь. Нѣтъ

нужды и нѣтъ желанія итти еще куда-нибудь далѣе. Душа понимаетъ, что она тамъ, гдѣ ее хотѣлъ поставить Архитекторъ, и успокоивается вполне. Но это еще не все. Чувство общей гармоніи геній Архитектора захотѣлъ увѣнчать еще особеннаго рода красотою, которой не знаетъ и сама царица красоты Восточнаго міра — Св. Софія. Онъ утвердилъ куполь не на четырехъ, по необходимости тяжелыхъ и грузныхъ, а на 12-ти мелкихъ столбахъ, которые всѣ соединилъ вверху вѣнцемъ изъ 8-ми почти равныхъ арокъ, изъ коихъ 4 принадлежатъ вѣтвямъ основнаго креста церкви, а четыре лежатъ надъ четырьмя углами центрального четырехугольника. Непосредственно идущій надъ ними карнизъ собралъ этотъ четырехугольникъ въ кругъ, и самъ легъ окраинной одной прекрасной чаши, въ видѣ свода небеснаго накрывшей весь внутренній дивно-сплетенный міръ аркадъ. Законъ, которому слѣдуетъ куполь въ своемъ образованіи, есть тотъ же самый (*), что и въ церкви Дафни; и куполь также имѣетъ 16 оконъ, кои какъ высотой, такъ и шириною своею находятся въ наилучшей соразмѣрности съ

(*) Тому, кто не имѣлъ случая видѣть на самомъ дѣлѣ устроеннаго по этому закону купола, трудно вообразить всю его красоту. Названія: *низкій куполь*, *лежащій куполь*, не только не даютъ надлежащаго о немъ понятія, но скорѣе заставляютъ подумать о немъ совсѣмъ другое. Одно изъ удивительныхъ свойствъ его есть то, что онъ всегда кажется болѣе своей дѣйствительной величины. Это многимъ пришлось испытать въ описываемомъ нами храмѣ. Съ помоста церковнаго куполь его кажется весьма обширнымъ, съ хоръ значительно уменьшеннымъ, наконецъ въ самомъ куполѣ — почти тѣснымъ. Приходитъ при этомъ на мысль замѣчаніе одного наблюдательнаго нашего путешественника, который, обозрѣвая храмъ Св. Петра, замѣтилъ, что Римская Архитектура великое дѣлаетъ для глазъ малымъ, а Византійская напротивъ и малое умѣетъ представить ве-

остальной частью его, чего не замѣчается въ церкви Дафни. Семь дверей ведутъ въ церковь — три съ Запада и по двѣ съ Сѣвера и Юга. Четыре изъ нихъ меньшаго и три большаго размѣра (по одной на каждой сторонѣ въ оконечностяхъ вѣтвей основнаго креста); 48 оконъ проливаютъ свѣтъ во внутренность церкви, изъ коихъ 17 двойныхъ и одно тройное. Верхняя галерея (γυμνασιόν) преисполнена свѣта отъ 11 двойныхъ оконъ, изъ коихъ три вышиною въ полторы сажени. Нижняя, напротивъ того, для освѣщенія своего имѣетъ только по одному двойному окну на каждой сторонѣ, и должна освѣщаться потому дверями. Восточная стѣна имѣетъ 12 оконъ, изъ коихъ на долю главнаго алтаря приходятся три вверху и одно (тройное) внизу. 40 малыхъ куполовъ покрываютъ пространства нижнихъ и верхнихъ галерей, и производятъ отлично пріятное и веселое впечатлѣнiе на душу. Особенно это надобно сказать о верхнихъ галереяхъ или гинекеѣ (по нашему *хорахъ*).

Большая часть внутренности церкви покрыта была различнаго рода и вида иконами, которыя всѣ совершенно были искажены изувѣрствомъ владѣвшихъ Аеннами Турокъ. Послѣ многихъ и долгихъ соображеній, удалось составить, по-видимому, вѣрное распредѣленіе ихъ по эпохамъ на три класса. Первой, древнѣйшей, эпохи фреско-

лжкимъ. Причиною сему, намъ кажется, между прочимъ и форма купола: Византійскаго—лежачая, Римскаго—стоячая; въ перспективномъ отношеніи, первая—расширяющая, вторая—удлиняющая размѣры подкупольнаго пространства. Россія, богатая памятниками такъ называемаго у насъ Византійскаго Зодчества, кажется, не имѣетъ ни одной церкви съ куполомъ чисто-Византійскаго характера.

выя иконы украшали, по-видимому, всю внутреннюю подкупольную часть церкви съ кимитріемъ и весь главный алтарь, бывъ расположенъ въ высоту церкви попеременно то въ кругахъ, то въ параллелограммахъ. Отдѣльныхъ изображеній этого рода мы нашли 28; изъ нихъ 19 сохранены. Всѣ они имѣютъ разительное сходство съ фресками Кіево-Софійскаго собора, — отличаются вѣрностію рисунка, строгостію положеній, простотою драпировки и сухостію колорита. Надобно думать, послѣ двухъ-трехъ вѣковъ бытія своего, церковь подверглась насильственному и вѣкому разоренію. Вся верхняя половина ея, исключая купола, въ это время лишилась своей живописи (*). Эпоха возстановленія храма была эпохою и его обезображенія. Полагать надобно, что это было не задолго до Турецкаго владычества. Вѣроятно, какой-нибудь горькій урокъ прежняго опустошенія внушилъ возстановителямъ мысль не гоняться за роскошью и красотою, а болѣе имѣть въ виду нужды времени. При этомъ три верхнія окна главнаго алтаря и чуть не всѣ пролеты хоръ были задѣланы. Положена новая, грубая штукатурка мѣстами по старой, большею же частию прямо по камню; и новая, совершеннѣйшая кисть прошла по всѣмъ исправленнымъ мѣстамъ съ характеромъ жизни, естественности, пышности и даже небольшой изысканно-

(*) Остались только: изображеніе Мученика на одномъ изъ столбовъ правой стороны, чуть замѣтный очертавіе Пресв. Дѣвы на алтарномъ столбѣ въ сидящемъ положеніи съ веретеномъ въ рукахъ, и Херувима на одномъ изъ подкупольныхъ междуарочныхъ треугольниковъ. Въ центрѣ купола было колоссальное изображеніе благословляющаго Спасителя. Нѣже его кругомъ были изображены Ангелы, и еще ниже между окнами — Пророки.

сти. Въ это время, какъ кажется, всѣ лица и руки изображеній прежней эпохи были возобновлены, вѣроятно совершенно по старымъ чертамъ, но съ большимъ искусствомъ и достоинствомъ, какъ это еще и теперь видится на изображеніяхъ нижней половины алтаря. Вся верхняя часть сего алтаря занята была, по обычаю той эпохи, въ глубинѣ стѣны изображеніемъ Спасителя въ двухъ положеніяхъ, но не раздающимъ, какъ это большею частію пишется, Святыя Тайны ученикамъ, а благословляющимъ обѣими руками и одѣтымъ въ крещатый архіерейскій саккосъ. Отъ Него въ обѣ стороны по стѣнамъ къ иконостасу изображены были Ангелы, несущіе по одной сторонѣ плащаницу, а по другой сосудъ съ Животворящими Тайнами. Несущимъ предшествовали и сопровождали ихъ другіе Ангелы съ свѣчами и рипидами, изъ коихъ нѣкоторые имѣли на плечахъ и орари съ надписями вмѣсто крестовъ: *ἄγιος*. Выше этого изображенія по сторонамъ были одноцвѣтныя изображенія омовенія ногъ и, вѣроятно, Тайной Вечери, а въ центрѣ — сѣдящей на престолѣ Божіей Матери. Въ самомъ храмѣ подъ большимъ куполомъ на столбахъ поверхъ иконостаса изображены были: на правой рукѣ — Пресв. Дѣва по прежнему рисунку, сѣдящая съ веретеномъ, на лѣвой рукѣ — благовѣствующій Архангелъ. Закладенные пролеты хоровъ заняты были изображеніями: съ правой стороны — Введенія во храмъ Божіей Матери и Богоявленія, съ лѣвой — Мученика Феодора и Предтечи. Въ нижней части церкви подъ карнизомъ отъ этой эпохи оставались на двухъ ближайшихъ къ алтарю столбахъ: съ правой стороны — икона Св. Николая, съ лѣвой — Архангела Гавріила. Подъ первую мы нашли отъ первоначальной живописи только очеркъ рамы и

голубое поле, все изсѣченное для утвержденія на немъ новаго слоя штукатурки; подъ второю не нашли ничего. Также мѣстныхъ иконы (*) на алтарныхъ столбахъ: съ правой стороны—сѣдящаго Спасителя, съ лѣвой—Іоанна Предтечи, а надъ ними—двухъ Пророковъ: Моисея и Іереміи. Къ этой эпохѣ, вѣроятно, относились изображенія въ глубинѣ жертвенника Василя Великаго и Іоанна Златоустаго съ хартіями въ рукахъ, и въ глубинѣ діаконика — Іоанна Предтечи и Іоанна Богослова. Изъ всѣхъ сихъ иконъ, иконы Спасителя благословляющаго въ алтарѣ и Божіей Матери съ Архангеломъ поверхъ иконостаса были самыя лучшія, и надобно сказать, что выполнены были съ достойнымъ удивленія изяществомъ; къ сожалѣнію, онѣ найдены до такой степени испорченными, что не было никакой возможности сохранить ихъ. Иконы третьей эпохи всѣ были самага посредственнаго достоинства и расположены были по храму безъ всякаго порядка и безъ всякой, по-видимому, цѣли. Ихъ было около 10. Изъ всей этой живописи мы оставили только самую драгоценную—первой эпохи, и то сколько это было возможно. Весьма желательно было сохранить еще одно самое замѣчательное изображеніе, судя по стилю его, тоже первой эпохи, хотя и сдѣланное на неумѣстной

(*) Поверхъ сихъ мѣстныхъ иконъ были еще другія, на новомъ слое штукатурки, и на этомъ только основаніи мы относимъ ихъ ко второй эпохѣ; характеръ же живописи на нихъ не схожъ съ другими этой эпохи иконами. Не можемъ ихъ отнести къ первой эпохѣ, потому что на одномъ изъ остальныхъ двухъ той же лѣвой столбовъ было другое изображеніе Предтечи, несомнѣнно принадлежавшее къ древнѣйшему времени; а двухъ современныхъ изображеній одного и того же лица на одномъ и томъ же иконостасѣ, конечно, не могло быть.

закладкѣ (*). Оно слыло за икону Преображенія Господня. Но, по смыскѣ съ него пыли и грязи, оказалось, что содержаніе его совсѣмъ другое. Изображеніе раздѣлялось въ высоту на двѣ половины. Въ нижней изображена была въ сидящемъ положеніи Божія Матерь, указывающая рукою на лежащаго на ея колѣнахъ Младенца. Съ обѣихъ сторонъ ея стояло по Ангелу съ рипидами. Верхняя часть содержала въ себѣ въ центрѣ Спасителя, стоящаго съ Евангелиемъ, по сторонамъ Божию Матерь и Іоанна Предтечу въ молитвенномъ положеніи. У ногъ Спасителя изображены были полупростертыя, съ одной стороны, мужчина лѣтъ 50 съ короткою съ просѣдью бородою, въ синей рубашкѣ и бѣлой скуфейкѣ, съ другой стороны — женская фигура въ длинномъ бѣломъ хитонѣ. Это изображеніе поставлено надъ склепомъ и обращено къ алтарю. Ясно, что это икона ктиторовъ церкви. Подъ ногами Спасителя можно было замѣтить даже два четырехугольные камня — свидѣтельство усерднаго приношенія христолюбцевъ Господу. По бокамъ иконы на столбахъ были изображены съ обѣихъ сто-

(*) Закладка эта (см. планъ, буква э), какъ надобно думать, сдѣлана вскорѣ послѣ построенія церкви. Приступая къ возобновленію храма, мы нашли почти всѣ окна, двери и пролеты верхнихъ галерей закладенными, и многія покрытыми иконописью. Надобно удивляться страсти возобновителей и поправщиковъ старыхъ зданій задымлять то, что по плану должно быть открытымъ, и чрезъ то отнимать у зданія наилучшее его украшеніе — свѣтъ. Даже во вновь воздвигаемыхъ церквахъ (какъ на-пр. здѣсь въ Аенинахъ) не рѣдкость увидѣть закладенное окно! Мы были свидѣтелями всеобщаго восторга, когда, при возобновленіи своей церкви, одну за другую выламывали ея задѣлки. Всѣ признавались единогласно, что они не узнаютъ болѣе Никодима, что они, видя, не видѣли его прежде.

ровъ: съ правой Св. Велькомученикъ *Георгій*, съ лѣвой Св. *Анна* съ Божіей Матерью и Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ; очевидно, это Святые, имена коихъ носили ктиторъ и его супруга. Мы еще встрѣтимся съ сими именами. Ни одного изъ сихъ изображеній не возможно было оставить: потому что закладка надлежало выломать а смежные съ нею столбы требовали наружнаго исправленія. И въ другой соответствующей части кимитирія (*) также пространство между столбами было закладено нѣкогда и покрыто живописью, но мы нашли его уже снова свободнымъ. Изображеніе краями своими выходило на столбы и на арку, и здѣсь можно было замѣтить нѣсколько горизонтальныхъ рядовъ малыхъ изображеній Святыхъ, такъ что цѣлое изображеніе можно было бы по этому счесть или Страшнымъ Судомъ или мученіемъ 40 Мучениковъ Севастійскихъ. Заключимъ описаніе украшавшей церковь нашу иконописи свѣдѣніемъ еще объ одной иконѣ, по-видимому самой древней, и, можетъ быть, единственной, которая сохранилась безъ всякой поправки. Черезъ пиластръ отъ кимитирія (см. букву *ж*), въ правой галереѣ церкви, также надъ склепомъ, на стѣнной штукатуркѣ существуютъ въ одной рамѣ два изображенія Св. Первомученика Стефана и Иоанна Богослова, сдѣланныя весьма простою и неискусною, и даже какъ бы небрежною рукою. Вверху сей ико-

(*) Нѣсколько разъ уже упомянутое нами слово *кимитирій* (cimetiére) значитъ собственно кладбище. Но и въ церквахъ то пространство, подъ которымъ внизу находится склепъ, также называютъ кимитиріемъ. Въ нашемъ храмѣ кимитирій идетъ по линіи *к—к*, и оканчивается въ той и другой стѣнѣ нишами съ полукруглыми арками, значенія коихъ мы доселѣ еще не могли опредѣлить.

ны, въ полукругѣ, въ особой рамѣ, изображенъ благословляющій Спаситель съ Евангелиемъ. Рама сего изображенія темнѣе верхняго (красная), чѣмъ рама нижняго, и, совпадая съ этою внизу, закрываетъ ее, слѣд. позднѣе ея. На сей двойной рамѣ существуетъ надпись, начертанная большими красивыми буквами, въ коей упоминается имя Иоанна (*). Изъ-подъ нея, впрочемъ, видится другая надпись, принадлежащая нижней рамѣ, сдѣланная меньшими буквами того же содержанія, но съ другимъ именемъ, именно: вмѣсто Иоанна, читается Стефана. Ясно, что и эта икона подобнаго же значенія, какъ вышеописанная; съ именами *Стефана* и *Иоанна*, о которыхъ говоритъ надпись, мы также еще встрѣтимся.

Приступаемъ къ самому важному для нашей церкви вопросу — о началѣ бытія ея. Кто были тѣ ктиторы ея, коихъ имена съ большею или меньшею вѣроятностію намъ уже стали извѣстны? Вопросъ о ктиторахъ церквей есть самый любопытный, и въ то же время самый темный, въ Исторіи АѢннъ. Всѣ древнія (2-го періода по нашему раздѣленію) церкви АѢннскія носятъ на себѣ несомнѣнную печать времени ихъ основанія. Первою и главною (прибавимъ: и древнѣйшею) изъ нихъ всегда считалась теперь наша Никодимова. Только-всего объ этомъ и знали, и знаютъ до сихъ поръ АѢннскіе Археологи. Что это была за эпоха, произведшая вдругъ такое количество (около 15) церквей въ АѢннахъ? До сихъ поръ всѣ здѣсь отвѣчаютъ на это однимъ и тѣмъ же — весьма произвольнымъ предположеніемъ, что всѣ

(*) Μνησθητι κύριε ἐν τῇ βασιλείᾳ σου (τοῦ θούλου σου τοῦ λειτουργοῦ ἁμαρ)..

сіи церкви выстроила Императрица Евдокія, супруга Θεодосія Младшаго, урожденная Аѳинянка. Доказательство на это составляетъ слѣдующимъ образомъ: она строила въ Іерусалимѣ и въ *другихъ городахъ* церкви; быть не можетъ, чтобы не выстроила ни одной въ своемъ родномъ городѣ. Утѣшительно было бы для Христіанскаго и археологическаго чувства встрѣтить такое обиліе памятниковъ Христіанства изъ V вѣка, — памятниковъ, старѣйшихъ самой Св. Софїи. Но не будемъ увлекаться скорыми предположеніями, чтобы тѣмъ съ большею безопасностію довѣрять несомнѣнному, когда оно намъ гдѣ-нибудь покажется. Ни одна Аѳинская церковь не имѣетъ своей лѣтописи; ни въ одной не сохранилось никакого преданія, никакого хронологическаго указанія на ея прошедшее. Неграмотная рука возстановителей или разрушителей стирала, слывала, замазывала живую и часто не безмолвную очевидицу давно минувшаго — поверхность храмовъ Божіихъ, гдѣ въ теченіе столькихъ вѣковъ ежедневно сходились дѣятели до нашего времени, любившіе свое летучее слово молитвы печатлѣть на жилищѣ Божіемъ чертами болѣе продолжительными и неслладимыми — письменными замѣтками. Истинная или ложная эта мысль заочной молитвы можетъ служить теперь для Археологовъ богатымъ ключемъ къ отысканію потеряннаго давноминувшаго. Нѣсколько однообразныхъ возгласеній къ Господу о помощи, о помилованіи, усмотрѣнныхъ нами на стѣнахъ алтаря церкви нашей, подали намъ поводъ къ болѣе строгому антикварному обзору ея; и вскорѣ поиски наши увѣнчались самымъ блестящимъ открытіемъ. Поверхъ нишевой арки кимитирія (см. букву e), усмотрѣна была, доставившая

намъ столько удовольствія, надпись : *ἐνταῦθα κεῖται Στέφανος ὁ πρωτοκτίτωρ... τῆ δ' Δεκεμβρίου, 597*. Весь непроницаемый туманъ древности, облежавшій церковь, вдругъ разсѣлся. Блаженная *Авинаисъ* 5-ю вѣками стала далѣе нашего храма и, можетъ быть, станетъ отселѣ далѣе и всѣхъ другихъ Аеинскихъ церквей. Первымъ строителемъ храма явился нѣкто *Стефанъ*. Впрочемъ, надпись сія на первый разъ еще не казалась рѣшительнымъ авторитетомъ. Она начертана на скорую руку, мелкимъ и дурнымъ почеркомъ, у самой окраины арки— ни посрединѣ ея, ни въ концахъ, однимъ словомъ въ такомъ мѣстѣ и такъ начертана, что какъ бы вовсе не приличествовала имени и званію протоктитора. Нѣсколько выше ея виднѣлась другая надпись большими, правильными и красивыми буквами : *ἐντα τεθάπται νεος των ασχητ...* дальнѣйшія слова сглажены. Наконецъ съ трудомъ удалось досмотрѣться начала еще одной надписи колоссальными (вершка въ два) буквами, безъ всякаго сомнѣнія, древнѣйшей обѣихъ вышеупомянутыхъ, шедшей непрерывною строкою поверхъ всей арки, и прерванной на томъ же мѣстѣ, гдѣ и обѣ первыя, поврежденіемъ штукатурки. Оказалось, что она была прототипъ второй, и содержала въ себѣ только начало ея : *ἐντα τεθάπται..* Ниже всѣхъ сихъ надписей есть еще одна, состоявшая, какъ замѣтно, изъ 10—12 строкъ мелкаго письма, едва теперь различаемая, требующая большаго труда и археологическаго навыка къ тому, чтобы сколько-нибудь понять ее. Въ дополненіе ко всѣмъ симъ надписямъ, на одномъ изъ смежныхъ столбовъ (см. *д.*), мы открыли цѣлую могильную запись о лицахъ, прахъ которыхъ положенъ въ простирающемся подъ низомъ склепѣ.

Οна состоитъ изъ двухъ столбцевъ, изъ коихъ въ одномъ 6, въ другомъ 7 надписей различнаго почерка (*). Одинъ столбець отдѣляется отъ другаго слабымъ очертаниемъ жезла, подобнаго тому, съ какимъ изображается благовѣствующій Архангелъ. Самая древнѣйшая изъ сихъ надписей относится къ 6559 (1051) году, и слѣдовательно позднѣе протоктиторовой 6-ю годами. Всѣ онѣ одной и той же эпохи половины XI вѣка, и свидѣтельствуютъ неоспоримо, что къ началу текущаго тысячелѣтїа храмъ нашъ уже существовалъ. Почти съ несомнѣвною достовѣрностію можно полагать, что около этого времени онъ и выстроень. Между именами сихъ надписей мы встрѣчаемъ и имена Георгїа и Анны. Противъ перваго изобра-

(*) Для любопытства вотъ всѣ онѣ :

1) Ετελειωθη εν Χριστω ιω̄ ιερευς ο̄ ψ. ρευτης τρια... ιε ενδ. Δ'. ς̄ φνδ.	1) Ετεληωθη συν θεω̄ λεον ο κορροσακης μην. ιουλιω̄ ιε̄ ενδ̄ ιδ̄ ετ̄ ς̄ φξδ.
2) Ετελειωθη εν Κω̄ Anna η χαρτουλαρ. α..	2) Ετεληωθη συν θεω̄ ιω̄ ο κονχηλαρης μν ν εῡς η̄ ενδ̄ ιδ̄ ετ̄ ς̄ φξδ.
3) Ετελειωθη φιλιππος τ. ια. κλλρ. μ..	3) Ετελειωθη εν κω̄ ιω̄ ο ασηκριτης κ.. ραμματ.. μν οκτωβριω̄ ιᾱ ενδ̄ ιε̄ ετ. ς̄ φο.
4) Ετεληωθη εν Κω̄ η δουλη του θεου αν.. του α.. μν οκτωβριω, τοις̄ ιε̄ ενδικτηνος ς̄ ς̄ φξ.	4) Ετελειωθη ιω̄ ο λυξακας μν οκτωβριω̄ κη̄ ενδ̄ ε̄ ετους̄ ς̄ φο.
5) Ετελειωθη εν Κυρηο ετ. φα.. πολιχο.. μην δε.... βρ... κ̄.... ετος̄ ς̄ φξ.	5) Π.. λιω̄ ετις̄ κ̄̄ ετελειωθη εν Κω̄ ο δουλος του θεου γεωργιος ενδ. η̄ ς̄ φόγδούου.
6) † Ετελειωθη εν Κω̄ ο δουλος του θῡ ευτυχιανος... εις̄ ε̄. εν... ιδ̄κτο.. δ. ς̄ φξξ.	6) .. Δεκεμβριω̄ ετελειωθη εν κω̄ ο δουλος του θεου νικολασος.. το αυτο̄ ετις̄ ιᾱ ενδ. δ̄ ς̄ φ̄ ον α τ.
7) Τ. μν ανοναριω̄ ετις̄... του χαρκεου ενδ̄ η̄ ετ...	

жено, кромѣ того, лице юноши съ длинными кудрявыми волосами. Георгій, какъ значится въ надписи, умеръ 20-ти лѣтъ: слѣдовательно не можетъ быть одно и то же лице съ изображеннымъ на упомянутой нами ктиторской иконѣ пожилымъ мужчиною. Вообще, не смотря на значительное число свидѣтельствъ о древнѣйшей эпохѣ храма, мы не можемъ вывести изъ нихъ одного какого-нибудь рѣшительнаго заключенія о годѣ постройки его, хотя о лицахъ, бывшихъ первыми дѣятелями въ сей постройкѣ, можно заключать почти съ увѣренностію. Судя по иконѣ Свв. Іоанна Богослова и Стефана Первомученика, это были Священники (Λειτουργοί) Стефанъ и Іоаннъ (*), жившіе, впрочемъ, одинъ нѣсколько позднѣе другаго. Георгій и Анна должны быть лица еще позднѣйшаго времени: ибо и изображеніе ихъ сдѣлано уже на задѣлкѣ между двумя столбами кинитирія.

Въ чье имя построенъ и освященъ былъ сей замѣчательный храмъ? Отвѣтомъ на это, по-видимому, могло бы

(*) Стефанъ, ясно, есть тотъ самый, котораго надпись называетъ протктиторомъ. Іоаннъ есть ли тотъ самый, который въ надписи называется ἱερεὺς съ прозваніемъ ψα (Ψο) ρευτῆς, неизвѣстно. Судя по году кончины обонхъ, они были современники. Изображенія со-
временныхъ имъ Святыхъ на иконѣ не могли быть иныя, какъ только современныя. Но какъ объяснить при этомъ то, что сказано нами выше о рамѣ съ двойною надписью? Недоуміе увеличивается еще отъ одной надписи, находящейся на непосредственно примыкающемъ къ иконѣ пиластрѣ, возлѣ самаго изображенія Св. Ев. Іоанна, сдѣланной размахистымъ и безобразнымъ почеркомъ, несходнымъ ни съ одною изъ упомянутыхъ выше надписей. Въ ней читается слѣдующее: † .. μαρτῶ β' τῆς ἐχοίμηθῆ ἐν κῶ ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ καὶ ὁ σοφολοῦς.. ρφ(ψ?)λλῶ ετοῦς. Въ какомъ отноше-
ніи къ иконѣ и двойной надъ нею надписи сей новый Іоаннъ?

служить нынѣшнее его названіе: *Никодимъ*. Но положительно извѣстно, что онъ въ послѣднее время передъ разрушеніемъ назывался *Спасомъ* (Σωτήρ), слѣдовательно праздновалъ Преображенію Господнему. Нѣсколько древнѣе, какъ утверждаютъ, посвященъ былъ Св. Троицѣ: ибо монахи загороднаго монастыря *Кесарьскіи* или, простѣе, *Серьскіи*, считавшіе его своимъ метохомъ, пріѣзжали служить на день Св. Троицы въ опустѣлыхъ (*) стѣнахъ его. О болѣе древнихъ его наименованіяхъ пока не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Было преданіе (или, лучшее, притязаніе одного Француза) и о томъ, что онъ былъ нѣкогда превращенъ въ Римскокатолическую церковь, но мы не могли замѣтить въ немъ ни малѣйшаго тому слѣда. Послѣ всѣхъ усилій отыскать на стѣнахъ, въ склепахъ, въ основаніяхъ алтаря и т. п. какое-нибудь указаніе на первоначальное наименованіе храма, не удалось сдѣлать этого. Между тѣмъ существуетъ одна надпись, которая, по-видимому, должна содержать въ себѣ прямое о томъ свидѣтельство. Надпись сія также надъ нишевою аркою кимитирія, цѣлая, законченная и тщательно начертанная (современная, судя по образу письма, надписямъ 1050—1060 г.), гласитъ слѣдующее: † ἡ γέννησις. Δέσποινα δόξα τοῦ χριστοῦ. Странная своимъ неполнымъ и безсвязнымъ содержаніемъ, она все-же наводитъ мысль на то, не былъ ли въ началѣ своемъ храмъ сей посвященъ Божіей Матери, и имен-

(*) По словамъ памятующихъ его за 70 лѣтъ, онъ стоялъ тогда за городомъ и былъ обыкновенно запертъ. Службу совершали въ немъ весьма рѣдко въ особенныхъ какихъ-нибудь случаяхъ, на-пр. при испрашиваніи у Бога дождя. Тогда всѣмъ городомъ выходили къ нему, и на площади около него совершали литію.

во Рождеству ея. Соображая же это съ упомянутою нами ктиторскою иконою, гдѣ Матерь Божія изображена была сѣдящею и держащею на колѣнахъ своихъ Предвѣчнаго Младенца, можно бы подумать, что слово: Рождество (γεννησις) должно относиться къ Иисусу Христу, и что праздникомъ храма могъ быть слѣдующій день послѣ Рождества: Соборъ Пресвятыя Богородицы. И то и другое истолкованіе надписи легко ведетъ къ предположенію, что, можетъ, это былъ храмъ Св. Софіи. О Софійской Аѣинской церкви сохранено живое и общее преданіе. Но вообще теперь думаютъ, что такъ назывался превращенный въ церковь Парѣенонъ. Послѣ того, какъ сдѣлалось повсюду извѣстнымъ, національнымъ, какъ бы девизнымъ для Восточной Имперіи имя Св. Софіи, большая часть городовъ Имперіи также выѣли свои Софіи по подражанію столицѣ, обыкновенно строившіяся если не по тому же, то по сходному съ Великою Софіею плану. Такихъ Софій нашъ Барскій въ одномъ Кипрѣ нашелъ двѣ. Такія Софіи были въ лучшихъ городахъ Греціи: Фессалоникѣ, Патрахъ, Спартѣ, изъ коихъ послѣдняя, по словамъ Кушо, есть совершенная копія нашего Никодима. Если и въ Аѣинахъ была Софія, то, безъ сомнѣнія, она должна была походить на Св. Софію Константинопольскую, а другой церкви, сходной съ сею Софіею, кромѣ Никодимовой, въ Аѣинахъ нѣтъ и не было. Что касается Парѣенона, то, не смотря на упоминаемые одною хроникою (*) куполы его, онъ не можетъ имѣть

(*) In alcuni luoghi per ornamento vierano alcune cupole le di cui estremità si componevano di mattoni di musaico. In una di queste cupole cadde la bomba. Lettere memorabili. Napoli, 1697 vol. II. p. 86.

никакого сходства съ Софіею Цареградскою, и извѣстно положительно (1), что назывался прежде только церковію Пресвятыя Богородицы. Писатели, которые называли его симъ именемъ, конечно, не умолчали бы, еслибы знали о другомъ и столь славномъ его наименованіи. Первый, какъ кажется (2), назвалъ его симъ именемъ Іезуитъ Базенъ (Basen), жившій въ Аеняхъ около половины XVII вѣка, и назвалъ уже въ то время, какъ онъ не былъ Христіанскою церковію, а служилъ мечетью и вскорѣ затѣмъ пороховымъ магазиномъ. Легко подумать, что патеръ увлекся при этомъ идеей, и самъ сочинилъ свое извѣстіе. Хотя мы должны признаться вмѣстѣ съ этимъ, что еслибы и нашъ храмъ носилъ имя Софіи, вѣрно упоминаемая нами надпись заключала бы въ себѣ на это какой-нибудь намекъ, а преданіе ознаменовало бы это какимъ-нибудь памятникомъ.

Такъ говоритъ Antonio Bulifon, Капитанъ Венеціанскій, свидѣтель осады и разрушенія Пароенона въ 1687 г. 28 Сент.

- (1) Преп. Лука Елладскій, около 940 г. былъ въ Аеняхъ, моллся въ «преславной церкви Пречистыя Дѣвы Богородицы». См. Чет. Мни. 7 Февр.— Преп. Фантинъ (жившій въ то время, какъ Сарацины воевали Италію), былъ въ Аеняхъ, «Святому Богородичну храму поклонися». См. Прологъ. Авг. 30. Въ краткомъ описаніи Аеней, подъ названіемъ : τὰ θεάτρα καὶ διδασκαλεῖα τῶν Ἀθηνῶν, неизвѣстнаго времени, хранящемся въ рукописи въ Вѣнской Императорской Библіотекѣ, о Пароеновѣ говорится такъ : «περὶ δὲ γὰρ τοῦ κακοῦ τῆς θεομητορος, ὃν ᾤχοδῶμεσαν Ἀππολλῶς καὶ Εὐλόγιος ἐπ'ὀνόματι ἀγνώστῳ θεῷ (?) ἔχει οὕτως. ἐστὶ ναὸς δρομικώτατος καὶ εὐρύχωρος» к. т. л.
- (2) Глава Аенскихъ Археологовъ Г. Питатикисъ увѣряетъ впрочемъ, что на одной изъ стѣнъ Пароенона существовала вѣкогда надпись свидѣтельствовавшая о томъ, что Христіанскій Пароеновъ назывался Софіею.

Въ дополненіе ко всему вышесказанному о церкви Никодима сообщимъ еще кое-что о найденныхъ нами при возобновленіи ея нѣсколькихъ остаткахъ отъ древнѣйшихъ временъ языческихъ. Кромѣ упомянутаго выше подножія статуи Аполлоновой, съ надписью, мы нашли: другое такое же подножіе безъ надписи, двѣ доски съ анаглифическими изображеніями погребальнаго значенія, нижнюю половину малой статуи въ сидячемъ положеніи, кресло, довольное количество обломковъ карнизовъ и капитальныхъ украшеній, еще большее число обломковъ ложчатыхъ колоннъ (всѣ сія предметы изъ чистаго бѣлаго мрамора), множество обломковъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ досокъ, одѣвавшихъ, по-видимому, стѣны исчезнушаго уже теперь зданія, обломки огромныхъ кирпичей, обломокъ кирпича съ клеймомъ, стоящимъ археологическаго изслѣдованія (№ 17), и проч. При освидѣтствованіи основаній сѣверной стѣны церкви (см. № 12, букву в), на глубинѣ около сажени, увидѣли полъ изъ мраморныхъ плитъ вершковъ пяти толщиною. Осматривая юго-восточный уголъ (—2), нашли узкій вертикальный спускъ въ землю въ сажень глубины, простирающійся подъ церковь и оканчивающійся малымъ нишемъ со сводомъ. Наконецъ, расчищая придѣльный алтарь сѣверной стѣны (—б), на глубинѣ также одной сажени, открыли мозаическій полъ, идущій въ косвенномъ направленіи подъ всѣмъ алтарнымъ пространствомъ церкви и, вѣроятно, далеко выходящій за нее подъ площадь. Подъ симъ поломъ въ главномъ алтарѣ (—а) открыли еще древній водопроводъ (1 аршинъ и $\frac{1}{4}$ глубины и 9 вершковъ ширины), идущій изъ-подъ церкви виѣ ея почти по направ-

влению главной ея оси, и расходящійся по сторонамъ многими отдѣльными вѣтвями меньшей глубины, выложенной по дну и бокамъ корасаномъ (цементомъ изъ толченаго кирпича) и накрытый сверху гигантскими кирпичами въ аршинъ длины и ширины и въ два вершка толщины. Вѣроятно, этотъ спускъ на юго-восточномъ углу одного значенія съ симъ водопроводомъ, и находится съ нимъ въ связи. Судя по тому, что найдено нами изъ древнихъ обломковъ, и по остатку стѣны (—м), примыкающей къ мозаическому полу, въ сажень толщиною, надобно полагать, что на мѣстѣ храма нашего былъ нѣкогда другой, гораздо обширѣйшій и, безъ сомнѣнія, великолѣпный, храмъ: о еслибы то былъ славный въ Исторіи Христіанства храмъ *нездому Богу!*...

A

Ленины

1 Юня 1853.

ХРИСТИАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ ГРЕЦІИ.

СТАТЬИ ВТОРАЯ.

Исторія Церкви не представляетъ, чтобы Аѣнны имѣли когда-нибудь особенное значеніе въ Христіанскомъ мірѣ. Въ первые вѣка Христіанства нынѣшняя Греція составляла область Имперіи съ наименованіемъ Ахайи, которой столицею въ разныя времена были различные города—но никогда ею не были Аѣнны, хотя этотъ городъ, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ Греціи по своему ученому значенію. Это самое значеніе, вѣроятно, было причиною того, что съ самаго перваго вѣка Христіанскаго до нашего времени Аѣнны всегда были городомъ Епископскимъ. Къ сожалѣнію, по политической незначительности его, Исторія рѣдко касалась его: отъ того его прошедшее теперь для насъ почти совершенно неизвѣстно. Съ паденіемъ языческаго образованія онъ потерялъ и послѣднее свое значеніе. Съ VI до XII вѣка его какъ бы вовсе не было. Иногда только упоминалось, что такой-то Императоръ такого-то изъ придворныхъ своихъ сослалъ въ Аѣнны. Между тѣмъ, обиліе Христіанскихъ памятниковъ Византійскаго времени въ Аѣннахъ и въ окрестностяхъ ихъ свидѣтельствуетъ неоспоримо, что Аѣнны жили широкою Христіанскою жизнью въ то время, какъ о нихъ никто не

говорилъ и, можетъ-быть, не зналъ. Кто, когда и какъ воздвигалъ эти памятники, въ высшей степени было бы любопытно и полезно узнать. Между тѣмъ это одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ Христіанской Археологіи. Несомнѣнно одно, — что для построенія ихъ требовались нѣкоторыя особенныя обстоятельства, не зависѣвшія отъ общаго хода Аѳинской жизни. Такимъ обстоятельствомъ по преданію (больше, впрочемъ, по мнѣнію) Аѳинянь было то, что нѣсколько Аѳинянокъ имѣли счастье возвыситься до престола Императорскаго. Такихъ счастливиць было три: Евдокія, Ирина и Теофанія. Имя первой г. е. Евдокіи или Аѳинаиды, есть одно изъ самыхъ замѣательныхъ и пріятельныхъ въ Византійской Исторіи. Имя Ирины славно и знаменито, какъ имя возстановительницы древняго благочестія. Наконецъ и имя Теофанія (Θεοφανῆ) также не безызвѣстно въ печальномъ ряду невольныхъ споспѣшниковъ паденія Имперіи. Мы уже имѣли случай упомянуть, что не легко согласиться съ тѣмъ, будто бы блаженная Евдокія выстроила всѣ древнія Аѳинскія церкви. Но Ирина (+ 802 г.) и Теофанія весьма могли быть ихъ строительницами, особенно первая. Время ихъ наилучшимъ образомъ согласуется съ архитектурнымъ стилемъ Аѳинскихъ церквей. Не виднѣтъ, чтобы въ слѣдующіе за тѣмъ три вѣка было какое-нибудь благоприятное для украшенія Аѳинъ обстоятельство, и вовсе не имѣемъ основанія думать, что они украшены во время Франкскаго владычества, чтобы ни говорили и ни выдумывали въ пользу сего нѣкіе подобныя Бюшону франкоманы.

Долгъ добросовѣстнаго изслѣдованія требуетъ не ограничиваться памятниками исключительно одного какого-нибудь вѣка, а обозрѣвать ихъ въ возможно большемъ ко-

личествѣ, вездѣ, гдѣ встрѣтятся. Чувствовали справедливость этого и мы при первой попыткѣ привести въ связь и порядок свои соображенія на счетъ Аѳинскихъ памятниковъ. Только чрезъ слѣженіе съ другими подобными памятниками Греціи, особенно же съ тѣми, коими имѣютъ опредѣленную хронологію, могли мы надѣяться достигнуть какихъ-нибудь достойныхъ уваженія выводовъ для Исторіи и Христіанской Археологіи. Купю своимъ прекраснымъ изданіемъ поддерживала насъ въ этой надеждѣ. Особенно мы рассчитывали на первыя древности Пелопоннесскаго города Мистры или Министры, — Спарты Среднихъ вѣковъ, которая въ этомъ отношеніи можетъ считаться соперницею Аѳинъ. Вспомнивъ, откуда что можно было, о древнихъ церквахъ Греціи, и запасшись хорошими картами ея, мы ждали перваго досуга, чтобы отправиться въ археологическое путешествіе. На первый разъ намъ достаточною казалась объѣхать кругомъ Пелопоннесъ, начиная съ Коринфа черезъ Патрасъ, Пилосъ, Маламы до Спарты, а оттуда черезъ Тиравъ, Аргосъ и Навплию возвратиться домой. Наиболѣе привлекавшія насъ при этомъ предметы были: *Монастихонъ* съ церковію, какъ говорили намъ, Угва и иконою Божіей Матери, древнѣйшею изъ всѣхъ, какія существуютъ теперь на Востоцѣ; *Патры* съ гробомъ Авестаха Андрея Первозваннаго; мѣстечко *Христіано* близъ города Кинарросы (древней Аркадіи) съ развалинами наибольшей въ Греціи церкви Св. Софіи; *Мистра* съ тремя или четырьмя древними церквами; мѣстечко *Самари* съ развалинами также весьма замѣчательной церкви; мѣстечко *Мулли* съ развалинами большой иерихонской церкви; *Монемвасія* (по древле-нашему *Малмевасія*) съ двумя древними церквами, и т. д. Что же касается самой замѣчатель-

ной церковной древности Греціи — монастыря Св. Луки Эладскаго на материкѣ Греціи: то, по удобству сообщенія съ тѣми областями, мы могли это сдѣлать во всякое другое время. За тѣмъ въ одно изъ слѣдующихъ путешествій оставалось обозрѣть громкую своимъ именемъ церковь на островѣ *Паросъ*, называемую *Ἐκατόμυλος*, строенную будто бы ученикомъ Ананіи, строившаго Св. Софію Цареградскую. Въ же предѣловъ Греческаго Королевства, вниманіе и сердце наше давно влекли къ себѣ двѣ Христіанскія драгоценности: церковь монастыря Пресв. Богородицы на островѣ *Хіосъ*, которою восхищался нашъ Барскій, — временъ и боголюбивыхъ расположеній души Императора Константина Мономаха, богато украшенная мраморомъ и мозаикою, и великолѣпная церковь Богородицы-Утѣшительницы въ городѣ *Артъ* — временъ и трудовъ одного изъ Комниновъ, также съ мозаикою. Обозрѣніе церквей и другаго рода древностей *Св. Горы* могло бы быть дополненіемъ и повѣркою собранныхъ предварительно свѣдѣній. Три послѣдніе предмета въ такой степени казались намъ занимательными, что мы прежде всего рѣшились бы видѣть ихъ, чтобы по нимъ, какъ по извѣстнымъ даннымъ, опредѣлять многое другое неизвѣстной эпохи, если бы обстоятельства политическія не удержали до времени нашего стремленія. Наконецъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ рисуется предъ нами *Малая Азія* — этотъ почти не тронутый рудникъ сокровищъ Церковной Археологіи. Да явятся они на свѣтъ подъ рукою и перомъ какого-нибудь досужаго изслѣдователя, и да явятъ взору любителя Церковной Исторіи въ живыхъ и наглядныхъ очертаніяхъ влюбившихъ эпоху ея — первобытную!

14 Июля, въ 6 часовъ утра, Ллойдовъ почтовый пароходъ «Фридгерпогъ Юваннъ» унесъ насъ отъ береговъ Аттики. Около часа времени мы плыли вдоль Саламина, частию голоскалестаго, частию покрытаго въ узкихъ междугорныхъ лощинахъ мелкихъ лѣсовъ. На половинѣ пути нашего вдоль берега мы разсмотрѣли въ трубу развалины одной изрядной величины церкви въ весьма живописной окрестности. Узнали, что это: Ἅγιος Νικόλαος, т. е. монастырь Св. Николая, упраздненный въ 1833 году вмѣстѣ съ множествомъ другихъ монастырей. Судя по отзывамъ монаховъ другаго Саламинскаго монастыря τῆς Φανερωμένης, монастырь Св. Николая былъ нѣкогда многолюднѣе, имѣлъ много земли, и — что всего дороже — былъ богатъ водою, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ лучше было (если уже неизбежно было упразднить одинъ который-нибудь изъ монастырей) закрыть монастырь τῆς Φανερωμένης. Но славный своею чудотворною (явленною = Φανερωμένη) иконою Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и своею церковію, которую можно назвать лицевыми Святцами, монастырь Фанеромень былъ предпочтенъ Св. Николаю. Можно было по крайней мѣрѣ послѣдній сдѣлать метохіей перваго; но по словамъ Игумена τῆς Φανερωμένης, Правительство на это не согласилось. По лѣвую сторону пути нашего длинною отлогостію рисовался въ значительномъ отдаленіи островъ Эгина (Αἴγινα) съ городомъ того же имени, съ двумя-тремя развалинами языческихъ временъ и съ двумя монастырями (1). О какихъ-нибудь церковныхъ

(1) Одинъ изъ нихъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Тотъ ли это самый, о которомъ упоминается въ Житіи Преп. Аванасія (Апр. 12), не извѣстно. На досугѣ надобно будетъ отыскать и осмотрѣть этотъ древній монастырь съ 4-мя церквами, изъ коихъ одна

древностяхъ не слышно. Городъ не давній, и только въ Греціи можетъ носить это почетное названіе. Черезъ четыре часа прекраснаго плаванія мы достигли Коринтскаго перешейка и высадились въ Каламаки. Собраніе 10 или 15 хижинъ съ почтовымъ дворомъ пареходной компаніи Ллойда — вотъ все, что можно сказать о Каламаки. Разъ въ недѣлю (во Вторникъ) въ деревнѣ бываетъ праздникъ. Остальные 6 дней — будни, безъ различія воскресныхъ и праздничныхъ дней: потому что малочисленные обитатели ея еще доселѣ не собрались съ силами построить церковь и завестись клиромъ, хотя въ Греціи часто велъ церковь не обходится болѣе 1000 драхмъ, а содержаніе Священника — болѣе 300 драхмъ въ годъ. Въ пареходный день обыкновенно въ Каламаки собираются со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ возничіе и вожатые къ услугамъ путешествующихъ. Можно найти и коляски и кары (длинные телеги) и лошадей и муловъ и ословъ — что кому угодно. Мы не знали, что дорога до Коринта удобна для ѣзды въ экипажѣ, и взяли себѣ лошадей. При пяти лошадяхъ шли двое провожатыхъ (*αὔγουχάτης*); и не безъ сожалѣнія смотрѣли мы, какъ бѣдные эти люди при ускоренной ѣздѣ бѣжали бѣгомъ за нами. Черезъ три четверти часа пути мы перешли черезъ огромную и широко разбросанную груду сѣрыхъ, правильно сѣченыхъ камней, составляющую, какъ полагаютъ, остатокъ бывшей нѣкогда большой стѣны, переграждавшей перешеекъ отъ моря до моря. Черезъ полтора часа мы перешли и черезъ каменоломни, изъ

Св. Стефана уже во время Преподобной была древня. Когда жила Преподобная, нѣтъ прямое свидѣтельства. Можно думать, впрочемъ, что въ VIII или IX вѣкѣ.

конхъ брали камень для стѣны. Коринѣская гора стояла прямо противъ насъ огромнымъ усѣченнымъ конусомъ. Влѣво отъ нея высилась цѣпь прибрежныхъ горъ Пелопоннуса. Вправо поднималась къ небесамъ одна изъ трехъ высочайшихъ горъ Греціи — *Зирія* или, по древнему, *Киллики* (7.310 ф. высоты), голый, желтовато-сѣрый гребень которой еще и тогда, въ самое жаркое время года, имѣлъ, какъ казалось намъ, въ одномъ мѣстѣ снѣгъ. За нею прятался по горизонту чернѣла *Черная гора* (*Μαυρόβροχ*, 5.415 ф.), которая и оканчивала Южную раму окружавшей насъ картины. Позади насъ, за Лепантскимъ заливомъ, синѣлъ хребтъ горъ Этоліи и Фокиды, пересѣченный увѣчанною облаками громадою, въ которой мы узнали, давно знакомый намъ по изображеніямъ, *Парнасъ* (7.570 ф.). Ближе къ намъ отъ него другою громадою, хотя болѣе низкою, возвышалась *Геликонъ* (4.700 ф.). За нами прямо стояла прекрасная *Геранія* (4.220 ф.). Кругомъ горы! Зрѣлище чудное и восхитительное! Все болѣе и болѣе закрывала передъ нами горизонтъ гора Коринѣская, и наконецъ мы стали на подошвѣ ея. Нѣсколько бѣлѣвшихъ домовъ съ колокольною, полуобрушеннымъ минаретомъ и славнымъ именемъ *Коринѣа* были предѣломъ перваго дня нашего путешествія.

Прежде всего узнали мы, что во всемъ городѣ существуетъ одна и единственная приходская — она же и соборная — церковь Успенія Божіей Матери, съ тремя Священниками причта, изъ коихъ одинъ іеромонахъ и двое женатыхъ. Самая церковь, судя по кладкѣ камня, принадлежитъ къ позднѣйшему времени, — построена, какъ говорятъ, за 140 лѣтъ изъ развалинъ древней церкви, называвшейся *παλαιά κααυίτσα*. Она имѣетъ форму паралле-

лограма съ полукруглымъ выступомъ алтаря, три или четыре малыя и узкія окна и деревянный потолокъ. Вообще не представляетъ ни собою, ни въ себѣ ничего замѣчательнаго. Колокольня недавней постройки. Осмотрѣвъ церковь, мы начали обзорѣніе древностей. Намъ сказали, что обыкновенно путешественники любопытствуютъ видѣть 4 предмета: храмъ Посидона (Нептуна), крѣпость, амфитеатръ и пещеру Афродиты. Храмъ находится въ самомъ городѣ, состоитъ теперь изъ 7-ми цѣльныхъ нижнихъ и толстыхъ колоннъ желто-сѣраго ноздреватаго камня, съ архитравомъ и остаткомъ помоста изъ большихъ плитъ того же камня. Замѣчательно, что въ мѣстѣ, давшемъ свое имя извѣстному ордену Архитектуры, единственный остатокъ архитектурный Дорическаго стиля. На колоннахъ кое-гдѣ замѣтны слѣды тонкой штукатурки, что также считаютъ заслуживающимъ вниманіе. Множество выдолбленныхъ въ бокахъ колоннъ скважинъ показываютъ, что храмъ имѣлъ нѣкогда и другое, кромѣ первоначальнаго, назначеніе. Впрочемъ, не лзя было замѣтить никакого знака того, что онъ могъ быть когда-нибудь церковію. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него къ Югу находится малая церковь, почти уже вошедшая въ землю, самой простой постройки, во имя Св. Іоанна Богослова, о которой ничего болѣе сказать не лзя. Прошедъ по главной улицѣ города до мечети съ полуобрушеннымъ минаретомъ, мы осмотрѣли у стѣнъ ея остатокъ древняго архитрава съ Латинскою надписью: *Hermidius et L. Rutilius* (2), и

(2) *Слонъ видѣлъ ее полнѣе; онъ говоритъ: «et nous trouvâmes qu'elle parloit d'un temple d'Apollon, dédié par Lucius Hermidius Celsus». Voyage d'Italie, de Dalmatie, de Grèce et du Levant. Fait és années 1675*

отправились за городъ къ амфитеатру. Онъ высѣченъ весь въ камень и кажется огромною ямою. Кое-гдѣ еще замѣтны ступеньки по бокамъ. Подъ Сѣвернымъ краемъ его есть пещера съ выходомъ въ поле, служившая для въѣзда и выѣзда, а можетъ быть и для другаго чего. На слѣдующій день рано мы отправились въ крѣпость (φρούριον), называемую обыкновенно *Акрокоринѳъ*. Съ дороги отъ Аѳинъ представлявшаяся конусомъ, крѣпостная гора оказалась сперва раздвоенною, потомъ протягивающеюся хребтомъ на Сѣверо-Западъ. Стѣны крѣпости, большею частію увѣнчанныя зубцами, своею высотой и длиною и многообразными направленіями приводятъ въ изумленіе. Аѳинскій акрополь въ сравненіи съ Коринѳскимъ кажется маленькимъ ребенкомъ. Поднявшись на первую высоту внутри стѣнъ, мы увидѣли цѣлый городъ развалинъ Турецкаго времени, и не безъ труда достигли высшей точки горы, увѣнчанной малою разрушающеюся мечетью, внутренность которой испещрена безчисленными надписями посѣтителей. Видъ отъ нея самый великолѣпный. Со всѣхъ сторонъ горы, изъ коихъ три или четыре превышаютъ 7.000 футовъ. Спускаясь оттуда, на окраинѣ стѣны мы осмотрѣли мѣсто, гдѣ обыкновенно водружалось крѣпостное знамя во время Турецкаго владычества. Страшные бывшие стражи его — чугунныя пушки съ гербомъ Венеціи и годомъ 1686 — еще не сошли съ своихъ мѣстъ, хотя выросшая изъ раскрытыхъ усть ихъ трава говоритъ ясно, что онѣ давно уже перестали быть плотоядными. Идя далѣе, мы заглянули въ развалины мечети, служащей теперь арсеналомъ съ вѣ-

сколькими десятками заросшихъ крапивою ядеръ; еще далѣе мы спустились къ малой, весьма плохой постройки церкви Св. Димитрія, въ которой нашли весьма замѣчательную вещь — мраморную горельефную икону одной мученицы въ аршинъ высоты и ширины съ обезображенными чертами лица и сглаженнымъ надписаніемъ имени. Безъ сомнѣнія, это остатокъ древнѣйшей эпохи Христіанства, еще снисходительно и безбоязненно прививавшаго въ себя языческое искусство со всеми его матеріальными совершенствами и нравственными недостатками. Идя далѣе, мы встрѣтили одну мѣстность, устланную мраморомъ. Два ряда тонкихъ колоннъ, изъ коихъ двѣ цвѣтнаго мрамора со множествомъ обломковъ карнизовъ, капителей съ насѣченными крестами, оконныхъ столбовъ и т. п. свидѣлствуютъ ясно, что здѣсь была мѣкогда прекрасная церковь. Можетъ быть, это была Митрополія, о которой говоритъ Спонъ (3). Въ сосѣдствѣ съ ними находится источникъ ключевой воды, славный въ Турецкія времена (4). Еще ниже мы прошли чрезъ малую комнату, внутри коей на штукатуркѣ замѣтили слѣды иконониси; осматривая свару-

(3) Онъ говоритъ, что въ нижнемъ городѣ было двѣ мечети и одна церковь Παυλῶα, при коей жилъ и Митрополитъ Коринѣскій. Подъ крѣпостію въ скалѣ со стороны города была другая малая церковь Св. Ап. Павла. Въ крѣпости или Акрокоринѣѣ онъ видѣлъ три мечети и 5 или 6 малыхъ церквей, изъ коихъ церковь Св. Николая онъ называетъ Митрополитскою. И въ его время верхній городъ представлялся уже развалиною. Въ Коринѣянахъ своего времени онъ видѣлъ людей весьма малаго благочестія, и полагалъ, что, исключая Архіепископа, едва ли кто могъ въ городѣ читать и принимать писанныя къ нимъ Посланія Апостола.

(4) Спонъ этому источнику даетъ имя Pégase, и прибавляетъ: *«од le cheval Pégase fut pris par Bellerophon, qui s'en saisit pendant qu'il y buvoit»*.

жи крѣпостныя стѣны, мы во многихъ мѣстахъ замѣтили закладенными промежду камней малыя и тонкія колонны, остатки карнизовъ и т. п. произведенія Византійской эпохи. Вечеромъ того же дня мы осматривали четвертую достопримѣчательность Коринѳа — пещеру Афродиты (Венеры), чудною своимъ дождевднымъ водопадомъ и ручьемъ, льющимся изъ узкаго въ сажень высоты отверстія. Это отверстіе идетъ потомъ подъ городъ длиннымъ каналомъ — самороднымъ или нарочно сдѣланнымъ, невѣдомо, — и начинается, говорятъ, въ крѣпости на горѣ, гдѣ такое удивительное множество воды. Намъ увѣрили, что по каналу даже можно ходить. На третій день мы повторили обзоръ Ашеатра, и ища одной размытой водою древности, о которой слышали наканунѣ, наткнулись совершенно неожиданно на пещеру Демона, похожую на гробовыя ниши Римскихъ и Неаполитанскихъ катакомбъ съ остаткомъ живописи по штукатуркѣ одного характера съ фресками Помпеи. Изображеніе Пана или Фавна (именнаго Демона) мы смяли на память Коринѳа. Назавтра мы съ нимъ простались. Славный, богатый и великолѣпный въ давно-минувшія времена, онъ возбуждаетъ теперь въ посѣтителѣ грустное чувство. Изъ многочисленныхъ его храмовъ азычскихъ почти ничего не осталось. Памятниковъ его Христіанской жизни почти столько же. Турецкая эпоха подавила и уничтожила все. Блаженной памяти Иравитель Греція прилагалъ большое стараніе, чтобы воскресить именованное мѣсто. Старанія его хотя не увѣщались вождѣлвнымъ успѣхомъ, все-же не остались безъ послѣдствій. Теперь Коринѳъ снова городъ, и городъ Епархіальный. Одна треть объема его Турецкихъ временъ застроена и вмѣщаетъ въ себѣ около 2.000 жителей. Начало положено. При луч-

шемъ ходѣ дѣль въ Греціи, можно ожидать лучшей участи и для Коринѳа. Мы съ величайшимъ удовольствіемъ здѣсь узнали, что одинъ изъ Первостоятелей Церкви нашей, движимый славною въ Исторіи Христіанства памятію Коринѳа, послалъ для убогой (до невѣроятности) каедры Коринѳской нѣсколько священной утвари. По слабости всего человѣчества—получивъ не многое, желать большаго—Коринѳскіе Христіане одушевлены надеждою, что, съ помощію Русскаго великодушія, у нихъ будетъ современемъ и церковь, сколько-нибудь приличная и достойная имени ихъ города. И точно, разобравъ большую мечеть и собравъ хотя одну десятую долю матеріала изъ развалинъ Турецкаго населенія, можно съ малыми средствами воздвигнуть храмъ въ значительныхъ размѣрахъ. Надобно только удержаться отъ суетной страсти молодаго поколѣнія Грековъ къ мраморнымъ издѣліямъ и украшеніямъ, и замѣнить ихъ изяшною простотою Византійской Архитектуры.

Въ часъ отправленія нашего изъ Коринѳа, тамошній Священникъ сообщилъ намъ, что неподалеку отъ мечети, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, при постройкѣ одного дома, нашли основанія большой церкви и множество обломковъ колоннъ и мраморныхъ плитъ съ рѣзьбою. Между прочимъ нашли одну доску съ весьма замѣчательною надписью: *τράπεζα τῶν Ἀποστόλων*, которая теперь положена на престолѣ малой загородной церкви Свв. Безеребренниковъ, в которой, къ сожалѣнію, не удалось намъ видѣть... Да воздвигнется снова храмъ Св. Апостоламъ на память полугодоваго пребыванія въ Коринѳѣ Св. Апостола Павла.

17 Юля. Пятница. Дорога отъ Коринѳа на Западъ идетъ главнымъ образомъ по двумъ направленіямъ, окружая высочайшую изъ горъ Пелопониса Киллини. Мы

избрали путь прибрежный, съ котораго сдѣлали, впрочемъ, небольшое уклоненіе къ Юго-Западу, чтобы видѣть древній Сикіонъ. Кстати, Альденговенъ въ своемъ «Путешествіи (5) упоминаетъ о большомъ числѣ древнихъ, уже развалившихся церквей въ окрестностяхъ Сикіона. Воображеніе мое напередъ рисовало сіи драгоцѣнныя развалины въ самыхъ вождѣльныхъ очертаніяхъ. Мѣстность, по которой мы ѣхали, дышала веселостію. Обширною равниною стала берегъ Морейскій къ морю, весь покрытый виноградниками. Изъ-за голубаго зеркала залива гористыми неровностями поднимался берегъ материка Греціи. Поэтическіе Парнасъ и Геликонъ раздѣляли между собою Сѣверный горизонтъ. Первый на этотъ разъ былъ безъ облаковъ, и своими бѣлесоватыми вершинами славаясь съ полутуманомъ лазури, увлекалъ мысль на небо; послѣдній пріятными очертаніями своими манилъ къ себѣ, какъ бы обѣщая на землѣ дать небо. Таковы по крайней мѣрѣ были впечатлѣнія Аполлоновыхъ горъ на насъ, небогатыхъ языческою фантазіей.

Подъ паладами лучами солнца взобрались мы на Сиціонскій пригорокъ. Убогое селеніе Василико привѣтствовало насъ отъ имени знаменитаго города. На первое освѣдомленіе наше о древнихъ церквахъ, намъ сказали, что кромѣ сельской церкви Св. Троицы другихъ никакихъ тутъ не знаютъ. Осмотрѣвъ эту церковь, мы нашли, что она выстроена по общему плану малыхъ Византійскихъ церквей съ высокими восьмиконнымъ куполомъ, четырьмя надъ нимъ колоннами и пр. Замѣчательнымъ показалось

(5) Itinéraire descriptif de l'Attique et du Péloponèse, par F. Aldenhoven. Athènes, 1841.

одно: внутри церкви кругомъ оконъ вездѣ идетъ мраморный рѣзной карнизъ. Грубая штукатурка покрываетъ церковь какъ внутри, такъ и совнѣ, и поэтому не лзя судить ни о внутреннемъ, ни о вѣншнемъ ея первоначальномъ украшеніи. Отправляясь на обзорѣніе древнихъ языческихъ памятниковъ Сикіона, близъ самаго села мы встрѣтили развалины малой церкви Св. Анны, сложенной изъ большихъ сѣрыхъ четырехугольныхъ камней, бывшихъ, безъ сомнѣнія, остаткомъ какого-нибудь древнѣйшаго языческаго храма. Не много ниже церкви, въ оврагѣ, нѣскольکو лѣтъ тому назадъ дождь размылъ остатки, какъ надобно думать, театра. Весь полукругъ цѣль, и кладенъ изъ большихъ камней правильными горизонтальными рядами. Широкое поле съ разсыянными кое-гдѣ камнями отъ давно-исчезнувшихъ зданій занимаетъ мѣстность древнѣйшаго изъ городовъ Греціи. Единственный предметъ на немъ, издали бросающійся въ глаза, есть развалины (кирпичныя) дворца временъ Римскихъ Императоровъ — Βασιλείον по-Гречески, откуда и самое село называется Βασιλικὸν или Βασιλικά. Такъ по крайней мѣрѣ изъяснялъ намъ это названіе хозяинъ дома, въ которомъ мы остановились. Площадь древняго города ограничивается съ Юга гористымъ возвышеніемъ; и въ немъ извѣстны другіе два памятника Сикіонской древности: *Стадіи* и *театръ*. И того и другаго ступеньки уже исчезли, но боковые входы послѣдняго, сдѣланные сводами, сохранились еще хорошо, а передъ первымъ, какъ бы преграждая входъ въ него, стоитъ замѣчательный остатокъ такъ называемой циклопской постройки — стѣна изъ сѣраго камня. Нигдѣ никакого слѣда Христіанства около сихъ на-

мигнукъ мы не нашли (6). Отправившись изъ Василяко, мы переѣхали нѣсколько глубокихъ и страшныхъ овраговъ, пока выбрались на равнину берега, по которому и ѣхали потокомъ вплоть до малаго селенія Акрата, лежащаго при устьѣ бурнаго потока Краенсъ, въ который впадаетъ еще болѣе бурный потокъ Стиксъ. Отсюда былъ поворотъ дороги нашей на Югъ — внутрь хребта Ахайскихъ горъ. Отвѣсно стояла надъ моремъ первая высота; съ трудомъ и страхомъ взбирались мы на нее извилинами. За ней вторая, за второй третья высота, и все еще вдали виднѣлась перспектива горъ! Поднявшись на высоту, думаю, 4,000 футовъ, мы встрѣтили поразительный видъ: все русло Краенса, мрачное и ужасное, вилось передъ нами до послѣднихъ высотъ Хелмоса. Ничего подобнаго намъ доселѣ еще не случалось видѣть. Только надъ жерломъ Везувія душа испытывала подобное чувство страха, томленія, тоски, пустоты, одиночества и какъ бы совершенной потери сознанія. Понятно, почему Стиксъ сочтенъ былъ древними за рѣку Ада. Послѣ 6 или 7 часовъ мучительной дороги в томительной ночи, проведенной въ глубинѣ ужаснаго оврага, утромъ 19 Юля мы достигли славнаго въ Пелопонисѣ монастыря *Μεταστέλιον* (μεγάλη σπηλαιον — великая пещера). Было время утрени, когда мы прибыли въ него. Завидѣвъ насъ, братья вышли на встрѣчу. Трѣтательное это обстоятельство благимъ впечатлѣнiемъ легло на душу. Приложившись къ иконѣ Бо-

(6) Уже послѣ насъ сказали, что гдѣ-то въ горѣ есть подземная церковь, кладовая изъ кирпича (что рѣдкость) съ длинной мраморной лѣстницей для спуска и съ отверстiемъ въ сводѣ для свѣта и воздуха. Судя по рассказамъ, длиною она будетъ самень шесть — въ Греции весьма замѣтельный размеръ для церкви.

жіей Матери, мы достойли службу, и послѣ малаго отдыха ходили къ обѣднѣ, которая по обычаю страны кончалась рано. Въ самое благоприятное время прибыли мы въ знаменитую обитель. И безъ того всѣмъ близкое и любезное имя Русскихъ въ это время возбуждало всеобщій восторгъ въ Греціи, и преимущественно въ клирѣ Греческомъ. Мегаспилеонъ — центр и исходная точка религіознаго воодушевленія Грековъ, естественно болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ сочувствовалъ Россіи. Во время дѣла о монахѣ Христофорѣ, на монастырь воздвигнуто было не малое гоненіе. Въ немъ искали центра небывалаго заговора; и братіи еще очень живо помнятъ повальный обыскъ, произведенный какимъ-то Патрекимъ (монастырь лежитъ въ номѣ Патръ) чиновникомъ по всѣмъ келліямъ. Сотрудникъ (болѣе мнимый) Христофора, Косма Фламиатъ, былъ въ сношеніяхъ съ монастыремъ, и подалъ тѣмъ поводъ Правительству прибѣгнуть къ стѣснительнымъ для братіи мѣрамъ. Однакожъ никакихъ непріятныхъ послѣдствій монастырь не имѣлъ, не смотря на все усиліе немалаго числа его недоброжелателей повредить ему.

Первый предметъ, привлекшій наше любопытство въ монастырѣ, былъ чудотворная Икона Божіей Матери, писанная Евангелистомъ Лукою, или, точнѣе, не писанная, а выдѣланная. Она стоитъ въ Южной оконечности иконостаса, въ кивотѣ за двойною дверцою — серебряною и стекляною. Самая доска иконы одѣта также серебряными съ позолотою листами, изъ-подъ коихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна древняя обкладка, также золоченая. Самое изображеніе не покрыто ничѣмъ. Оно темнооливковаго цвѣта, выпуклое, выдающееся въ наиболѣе возвышенныхъ мѣстахъ почти на вершокъ, сдѣлано изъ воскомастики.

Черты изображенія значительно сглажены отъ древности, отъ чего оно кажется довольно грубымъ. Лицъ Божіей Матери представляется нѣсколько поднятымъ. Божественный Младенецъ поκειται на правой рукѣ Ея, объемлющей Его правое плечо. Другая рука Ея держитъ лѣвую руку Младенца, тогда какъ Его правая рука виситъ опущенною и держитъ малый развернутый савтокъ. Таково это изображеніе, имѣющее славу произведенія рукъ Апостольскихъ. Исторія иконъ, писанныхъ Евангелистомъ Лукою, равно какъ и вообще церковнаго иконописанія, доселѣ еще не наследована не только достаточно, но и сколько-нибудь уважительно. Пока мы были въ Россіи, слышали только о трехъ иконахъ Ев. Луки, изъ коихъ двѣ были въ предѣлахъ Россіи. Въ Греціи же говорятъ намъ, что не три, а семь иконъ Божіей Матери оставилъ послѣ себя Евангелистъ Лука, и что они были сдѣланы изъ воскомастики. Впрочемъ, желая согласить разнаго рода убѣжденія, въ Греціи составилось мнѣніе, что Евангелистомъ Лукою, кромѣ 7-ми восковыхъ изображеній Божіей Матери, еще написаны 70 иконъ. Судить вообще о томъ, воскомастиковое или живописное изображеніе носить на себѣ печать большей древности, кажется, мы еще не можемъ, не собравши о церковной живописи свидѣній болѣе вѣрныхъ и опредѣлительныхъ, нежели какія имѣемъ доселѣ. Кромѣ чудотворной иконы Божіей Матери, такъ-называемой *Мегаспилотиссы*, въ иконостасѣ есть другая древняя икона Божіей Матери, живописная, большаго противъ той размѣра, съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ, называемая *христоѳера* (отъ золотого украшенія на рукахъ), которой приписываютъ 700 лѣтъ,

— что и вѣроятно. Надписи на ней никакой мы не отыскали. Замѣчательно, что и на другой сторонѣ ея существуетъ также изображеніе: снятіе со креста Иисуса Христа, и внизу ея есть знакъ того, что она была нѣкогда утверждена на древкѣ, и посему служила, вѣроятно, вмѣсто знамени (7); остальные три мѣстныя иконы, къ удивленію нашему, оказались Русскими. Всѣ онѣ вышиною въ полтора и шириною въ одинъ аршинъ. На иконѣ Спасителя, на Евангеліи написано: *иже аще кто хоцетъ по Милъ ити* и пр. Надписи на иконѣ Божіей Матери съ одной стороны: *портатѣисса*, съ другой: *τῶν Ἡβέρων ἡ εὐδῶσα*. На Предтечевой иконѣ самъ Предтеча изображенъ во весь ростъ, въ маломъ видѣ и съ крыльями въ центральномъ квадратѣ иконы. На перевязи креста его читается: *се Анеиъ Божій* и пр. На свиткѣ въ рукѣ написано: *покайтеся приближибся царствіе небесное уже бо и секира при корени лежитъ*. Вверху Предтечи изображена Св. Тронпа. По бокамъ въ 8 квадратахъ изображены событія изъ жизни Предтечи съ Греческими надписаніями. Внизу иконы написанъ Тропарь Предтечи по-Славянски (8). Какого времени сіи три иконы, опредѣлить трудно. Живопись прекрасная. Судя по языку и по почерку существующихъ на нихъ Славянскихъ надписей, онѣ не должны быть древни. И точно, на окладѣ иконы Спасителя мы прочли слѣдую-

(7) Почтеннѣйшій О. Константинъ Инокъ, въ своемъ: *Κτίτορικὸν ἢ προσκυνητᾶριον τῆς ἱεράς καὶ βασιλικῆς μονῆς τῆ μεγάλης Σπηλαίης*. Δεσφ. 1840. 4, говоритъ, что съ сею иконою во время бездомія Отцы дѣлаютъ крестный ходъ, и что обыкновенно по молитвѣ ихъ бываетъ потомъ дождь.

(8) Въ тропарѣ есть отиѣна въ слѣдующихъ словахъ: *«завылъ боса.. Пророкъ.. въ быстринахъ.. въ адѣ сущимъ.. грѣхъ.. Гласъ г.*

ную вычеканенную надпись: *Αἱ παρῶσαι ἐφέρθησαν καὶ ἐκοσμήθησαν συνδρομῇ τῆ πανοσιωτάτῃ ἀγίῃ καθηγεμένῃ κυρίῃ ἰωάνᾳ δαπάνῃ τῆς ἰερᾶς μονῆς ἐν τῷ ἀψυδ᾽. χεὶρ ἰωάννη Φωκᾶ Ζατακότῃ.* «Сии (иконы) принесены и украшены помощію Преподобнѣйшаго Святаго Каѳигумена Іоны на счетъ священной обители въ 1754 г. Рука (χεῖρ) Іоанна Фоки Затуніота». Принесены очевидно съ Св. Горы; хотя ври всемъ томъ время написанія ихъ остается неизвѣстнымъ. Кромѣ иконъ иконостаса, достойною замѣчанія намъ показала еще одна икона притвора, изображающая Божію Матерь въ сядящемъ положеніи съ Младенцемъ на рукахъ и передъ Нею стоящую Царевну. По сторонамъ Божіей Матери написано: съ одной — *Μήτηρ Θεῶ, сь другой — Η σπλαιώτισσα.* Съ правой же стороны головы Царевны слѣдующая едва разбираемая надпись: *ἰωάννης Δύκας Ἄγγελος παλαιολόγος βαοὺλ Δάσχαρις Τορνίχης ὁ Ἀσάνης... τῆς ὑψηλοτάτης καὶ φιλοχρίστῃ Λεσποίνης καὶ Αὐτοκρατορίσσης (9)...* Все изображение весьма хорошей кисти, и кажется еще совершенно свѣжо. Замѣчательныя вещи ризницы суть: два серебряные съ позолотою поставные креста удивительно тонкой и искусной работы — не древніе. Внутри ихъ вложены части Животворящаго Древа. Также обдѣланные въ серебро — кисть руки Св. Харалампія, кисть руки Св. Θεодора Стратилата, такая же руки Св. Θεодора Тυρόνα, Евангеліе значительной цѣнности и проч. Замѣчательнъ игуменскій посохъ, серебряный съ рѣзбою, позолотою, финифтью и двумя смѣн-

(9) По бокамъ иконы есть нѣсколько стиховъ, изъ коихъ выводится заключение, что икона есть вкладъ по усопшей въ цвѣтѣ лѣтъ Царевнѣ изъ рода Палеологовъ, и вѣроятно погребенной въ монастырѣ.

ными головами вверху. Ему приписываютъ 700 лѣтъ, основываясь на имѣющейся на немъ слѣдующей надписи: τὸ παρὸν δεκακκὸν ὑπάρχει ἰδίον κτῆμα τῷ ταπεινῷ μητροπολίτῃ Νηκομηδείας Νεοφύτῃ καὶ ὅστις θελήσει ἀποσερίσαι αὐτὸ ἀ π' ἐμῆ ἔστω ἀφορισμένος ἀπὸ θεῶ καὶ ἀσυγχώρητος καὶ ἐχέτω καὶ τὰς ἀράς τῶν ἁγίων πατέρων καὶ ἐσχευάσθη δὲ ἐν ἔτει ΑΡΚΘ. Достоверимѣчательно найти вещь, принадлежащую началу XII вѣка, и такъ прекрасно слѣдующую, но едва ли можно отнести ее къ 1129 году. Сколько извѣстно, до XVI вѣка не употреблялось счисленія лѣтъ отъ Р. X.; скорѣе означенное число можетъ быть принимаемо за 7129, — что составитъ 1621 г. по Р. X.; на это и гораздо удобнѣе согласиться.

Самая церковь, вопреки ожиданію нашему, оказалась далеко не такъ древнею, какъ о ней говорили, хотя имѣетъ древній Византійскій типъ. Послѣ большаго пожара 1640 года, не оставившаго, по словамъ современниковъ, въ монастырѣ камня на камнѣ, отъ древней церкви не сохранилось ничего. Впрочемъ, увѣреніе, что послѣ пожара церковь перестроена и увеличена, какъ доселѣ говорятъ объ этомъ въ монастырѣ, даетъ какъ бы разумѣть, что древняя церковь не исчезла совершенно, и что ея можно еще искать въ новой. И дѣйствительно. Планъ теперешней церкви (10) показываетъ, что она должна быть одна и та же съ древнею: это продолговатый четырехугольникъ съ четырьмя колоннами посрединѣ, на коихъ утверждень лежащій куполъ. Половина церкви — Восточная — высѣчена въ скалѣ пещеры, другая половина пристроена къ ней. Характеръ высѣченной части весьма древній, и никакъ не сви-

(10) См. прилагаемый чертежъ № 1.

дѣтельствуеть о XVII вѣкѣ — эпохѣ перестройки церкви. Ему во всей точности соответствуетъ характеръ пристроенной части, — такъ что обѣ онѣ не могутъ быть иначе, какъ только современны. Посему церковь и въ настоящемъ своемъ видѣ можетъ свидѣтельствовать о томъ, чѣмъ она была первоначально. Что же касается сдѣланныхъ послѣ пожара перестроекъ и увеличеній ея, то ихъ можно отнести къ внѣшнему притвору церкви. Будучи вдвинута въ пещеру, церковь по необходимости лишена свѣта; весь, какой она получаетъ, входитъ въ нее главною западною дверью. Три малыя окна въ куполѣ съ той же стороны сами получаютъ свѣтъ изъ оконъ монастырской стѣны, и потому даютъ въ храмъ только слабое мерцаніе. Вся внутренняя поверхность стѣнъ и сводовъ покрыта иконами весьма хорошей кисти. Ликовъ, изображенныхъ на всемъ пространствѣ церкви и притворовъ, насчитываютъ до 5,000. Живопись относится къ 1653 году, и есть произведеніе нѣкогдаго Священника Мануила Андрона, родомъ изъ Навплин, какъ объ этомъ замѣчено надъ входною дверью. Отъ древнѣйшей стѣнной иконописи не осталось ничего. Кругомъ большой церкви устроено 6 малыхъ придѣловъ, весьма тѣсныхъ и низкихъ, по стѣнамъ также большею частію украшенныхъ иконописью. Въ одной изъ нихъ — Св. Евфросиніи — указываютъ вверху углубленіе или отверстіе, гдѣ стоялъ нѣкогда престолъ одной древнѣйшей церкви, на которомъ служилъ будто бы еще Евангелистъ Лука, когда пребывалъ въ пещерѣ (11).

(11) Древнѣйшая исторія монастыря вкратцѣ слѣдующая: два икона, родные братья, Симеонъ и Феодоръ, родившіеся въ Фессалоникѣ около 310—320 годовъ, обходя Святыя мѣста, увидѣли во снѣ, въ Іерусалимѣ, Божию Матерь съ Апостолами Андреемъ, Цамомъ и

Предметомъ особеннаго любопытства нашего была монастырская библіотека. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій: библіотеки внутренней и виѣшней. Первая помѣщается въ самой пещерѣ, и для свѣта имѣетъ только малую скважину въ сводѣ: отъ того вовсе не удовлетворяетъ своему назначенію. Состоитъ изъ 10 шкафовъ, гдѣ въ полномъ безпорядкѣ стоятъ и лежатъ подавленные пылью около 1,000 разнаго рода книгъ и рукописей. Есть имъ и родъ каталога, но составленнаго съ совершеннымъ невѣдѣніемъ подобнаго рода дѣлъ. Драгоценнѣйшую часть библіотеки составляютъ Евангелія, писанныя на пергаментѣ, число коихъ простирается до 30. Половина ихъ въ листъ; наименьшее число въ 16-ю долю листа. Только два или три изъ нихъ имѣютъ опредѣленные даты.

Лукою, повелѣвшую имъ идти въ Пелопоннсъ проповѣдывать Христа, гдѣ они найдутъ и икону Ея, написанную Евангелистомъ. Приседъ сюда, они долго искали обѣщаннаго имъ во снѣ; наконецъ, по особенному откровенію, достигли пещеры, гдѣ нашли дѣвицу Евросинію, пасшую стадо ковъ, которая наканунѣ для нихъ прѣбытія чудесно обрѣла въ пещерѣ икону Божіей Матери. Отцы поселились въ пещерѣ, и основали тамъ монастырь. Въ послѣдствіи времени Императоры Константинопольскіе приняли монастырь подъ свое покровительство. Изъ нихъ, въ званіи ктиторовъ, доселѣ убожаются обителью оба Андроника и Іоаннъ Кантакузинъ. Какимъ образомъ очутилась въ пещерѣ икона Божіей Матери, не извѣстно. Основывался на жизнеописаніи Евангелиста Луки, по которому онъ представляется проповѣдывавшимъ въ Ахаіи, и на свидѣльствѣ Іеронима о томъ, что Евангеліе отъ Луки писано въ Ахаіи, составитель Проскинитиріа думаетъ, что Евангелистъ провелъ нѣсколько времени въ пещерѣ теперешняго монастыря, гдѣ и слѣдалъ изображение Божіей Матери, оставашееся съ тѣхъ поръ тамъ постоянно до самаго того времени, какъ наша ея Блаженная Евросинія. Αὐτὴται δὲ καὶ ὅτι καὶ εἰς αὐτὸ τὸ μῆνα σκῆλασον εἰσερχόμενος χάριν ἡσυχίας, συνέγραψε τὸ εὐαγγέλιον ὁ ἱερώτατος Λυκάς, прибавляетъ къ извѣстію о иконѣ Божіей Матери почтенный Авторъ, и заключаетъ: παραδοξὸν εἶδέν.

Большая часть ихъ писаны въ два столбца, съ великолѣпно-раскрашенными заглавными буквами. Въ началѣ каждаго изъ четырехъ Евангелій нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ изображенія Евангелистовъ, прекрасно выполненные на золотомъ полѣ, съ богатыми кругомъ украшеніями. Евангелисты изображены сидящими и пишущими, только Іоаннъ обыкновенно стоитъ и диктуетъ своему ученику Прохору. Четыре животныя распредѣляются по Евангелистамъ точно такъ, какъ мы теперь ихъ распредѣляемъ. Въ одномъ Евангелии, вмѣсто Евангелиста Луки, изображены на листѣ въ малыхъ кругахъ четыре господскіе праздника, прекрасной работы. Оглавленія въ нѣкоторыхъ Евангеліяхъ писаны золотомъ и иногда по красному полю. Образъ письма въ общихъ чертахъ почти во всѣхъ Евангеліяхъ одинъ и тотъ же, и свидѣлствуетъ собою о времени между X и XIV вѣками. Въ концѣ Евангелія обыкновенно полагается указаніе Евангельскихъ чтеній на послѣдованія Общей Минеи, а въ одномъ мы нашли кромѣ того и два краткіе мѣсяцеслова. Послѣдній, кажется, приплетенъ къ книгѣ въ позднѣйшее время. Въ первомъ, непосредственно слѣдующемъ за окончаніемъ Евангелія и писанномъ киноварью, подъ 16 Августа еще не упоминается о праздникѣ Нерукотворенному Образу Іисуса Христа, слѣд. онъ писалъ прежде 959 года, когда перенесенъ въ Царьградъ сей образъ. Во второмъ же упоминается о перенесеніи его, и кромѣ того подъ тѣмъ же числомъ стоитъ замѣтка: *Ἐπέλευσις Σαρακηνῶν*. Кромѣ Евангелій, есть нѣсколько другихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, писанныхъ на пергаментѣ, какъ-то: Псалтирей, Требниковъ, Уставовъ, къ числу коихъ надобно отнести и два пергаменные свитка съ Литургіями Василія Великаго, которые,

но самой особенноти своей формы, должно отнести къ древнѣйшему времени, хотя образъ письма ихъ весьма мало отличается отъ письма Евангелій. Есть нѣсколько книгъ смѣшаннаго содержанія, изъ коихъ двѣ — обѣ безъ заглавныхъ листовъ — показались мнѣ довольно любопытными. Кто-то изъ прежнихъ владѣльцевъ ихъ на корешкѣ обозначилъ содержаніе, и на одной надписалъ слѣдующее: «церковное и гражданское распоряженіе для каждаго званія Іоанна Царя Римскаго Комниана». Книга эта въ 4-ю долю листа, крупнаго и изящнаго письма въ одинъ столбецъ, по 22 строки на страницѣ. На послѣднемъ листѣ красными чернилами написано рукою блаженной памяти Императора: «Іоаннъ во Христѣ Богъ вѣрный Царь Порфирородный и Самодержецъ Римскій Комнинъ». Въ концѣ книги есть также хронологическая замѣтка 1137 года. Книга эта, вѣроятно, принадлежала Императорской или какой-нибудь общественной библиотекѣ. Какимъ образомъ досталась она монастырю, не извѣстно. Увѣряютъ, что всѣ, имѣющіяся теперь въ библиотекѣ, книги привнесены съ Св. Горы уже послѣ пожара 1640 г. На корешкѣ другой книги написано: «книга Луки монаха и Пресвитера, называемаго Адиалитомъ (непрестаннымъ), содержащая сперва жизнь Св. Филовея, еще до сихъ поръ не изданную, которой не достаесть начала: ибо я сличилъ ее съ жизнью Св. Филовея Аеонекаго, и нашелъ съ нею не схожею. Потомъ — имѣеть 23 слова подвижническія, 4 противорѣчивыя, одно слово на Рождество Госпожи вашей Богородицы и душеполезную исторію о святомъ Рождествѣ Христовомъ и о волхвахъ, одно слово о Св. Арх. Гаврилѣ съ описаніемъ нѣкоторыхъ не описанныхъ чудесъ, и страданіе Свв. Мучениковъ Фотія и Аникиты, и другое слово о исповѣданіи

последнее слово уважительное о заповѣдяхъ Божіихъ (*εις κλήρωμα δεκάδος*). Прочвѣталъ сей Преп. Отецъ при Царяхъ Василіи и Константинѣ Порфирородныхъ, въ годъ спасенія 957 по Мелетію». Писана эта книга мелкими буквами, различными руками и разными червилами. И ту и другую можно счесть стоящими разбора, а можетъ быть и перевода. Изъ другихъ заслуживающими извѣстности я нашель слѣдующія :

1) *Ὁμιλῖαι εἰς τὴν ἁγίαν τεσσαρακοσὴν τῶ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γερμανῶ Πατριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως*. Рукопись въ листъ на пергаминѣ; показанъ 1632 г.

2) *Συνοπτικὴ ἐξήγησις εἰς τὴν ἑξαήμερον κτίσιν τῶ ἐσῶ — κωνσταντίνου ρεσινῶ τῶ κορινθίων*. Рукопись въ 4 л. л. на бумагѣ.

3) *Σοφωτάτη, λογιωτάτη καὶ ἐξοχωτάτη ἐν ἰατροῖς, ἀρίστη ἀνδρὸς, διδασκάλου πασῶν τῶν ἐπιστημῶν (!), Κυρίου, Κυρίου Γεωργίου Κοπεσιῶ τῶ Χίου συνοπτικαὶ ὑποσημειώσεις εἰς τὰ τῶ Ἀριστοτέλους φυσικὰ βιβλία*. Рукопись въ листъ. Новаго почерка.

4) *Τόμος ἀγάπης κατὰ Λατίνων παρὰ Δοσιθέου Πατριάρχῃ Ἱεροσολύμων*. Печат. въ листъ. 1698 г. 588 стран.

5) *Τῶ μακαρίου Μελετίου Συριγῶ κατὰ τῶν καλβινικῶν κεφαλαίων καὶ ἐρωτήσεων κορίλλου τῶ Δεκαέρως*. Бухарестъ. 1690. Въ листъ.

6) *Τῶ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀσερίου Ἐπισκόπου Ἀρασίας ὀμιλῖαι εἰς ὅλας τὰς Κυριακάς καὶ εἰς ἀνάμνησιν τῶ φοβεροῦ κρίματος καὶ ἀναζήτησις εὐρεσις τῶ τιμῆς καὶ Ζωοποιῶ Σταυροῦ*. Рукопись на бумагѣ въ 4 л. л. Новаго почерка.

7) *Νεῖλος Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης* — рукопись обличительнаго содержанія противъ Латинянъ — въ листъ. Новаго почерка.

8) *Ἐξηγησία εἰς τὴν ἱεράν Ἀποκάλυψιν ἰωάννου τοῦ Θεολόγου, πονηθεῖσα παρά τινος εὐσεβεῶς, ὁδηγηθέντος εἰς τὴν ἔρευναν αὐτὴν ἀπορρήτοτέρα δύναμι, οὗ ἡ κλησις καὶ τάξις φέρει τοὺς ἀκολουθοῦντας κεφαλαίους ἀριθμοὺς ηο. βφε. βρϛγ.* Печатано въ листъ, безъ указанія года и мѣста изданія.

9) *Τῆς καινῆς Διαθήκης ἅπαντα. Nouum Iesu Christi Dn. nostri Testamentum, ut ex bibliotheca Regia Anno MDL per Robertum Stephanum excusum fuit. Francofurti. MDCI fol. 470 стр.* Текстъ весь по-Гречески. Въ концѣ книги приложены 14 картинъ въ листъ весьма изящной для 1601 года гравировки, на коихъ нѣкто M. de Vos называетъ себя инвенторомъ, а Ioannes Sadler скальпторомъ или экскузоромъ.

Внѣшняя бібліотека заключаетъ въ себѣ, можетъ быть, около 3,000 томовъ печатныхъ, большею частію Латинскихъ книгъ различнаго содержанія. Она вымѣнена монастыремъ за одинъ участокъ земли, и съ того времени, какъ свалена въ комнату, остается доселѣ никѣмъ ветрунутою. Я съ жадностію устремился на эту драгоценную коллекцію; но, послѣ получаса бесплоднаго труда, весь покрывшись и пропитавшись пылью, долженъ былъ сознаться передъ отцами, что блаженны они, не вѣдущіе никакого другаго языка, кромѣ природнаго. Книги попадались подъ руку большею частію неважныя. Впрочемъ— встрѣтилъ Анастасія Библіотекаря «Жизни Папъ», и еще кое-какіе фоліанты, имѣющіе цѣну. Освѣдомляясь, чего примѣрно можетъ стоить Библіотека: значить, при первомъ

выгодномъ случаѣ, ее постараются сбыть съ рукъ. Между молодыми людьми обители, особенно между Діаконами, встрѣчалъ я людей не только любознательныхъ, но и показывавшихъ весьма замѣчательныя способности. Отъ чего вы не заведете у себя училища, спросилъ я у одного изъ старцевъ. Некому завести, отвѣчалъ онъ. Всмотрѣвшись въ составъ, порядокъ и ходъ дѣлъ обители, я увѣрился, что въ ней точно некому заняться этимъ общепользнымъ дѣломъ. Устройство монастыря таково, что всякое общественное предпріятіе должно встрѣтить неизбѣжныя затрудненія. По существующему положенію, все недвижимое имущество монастыря раздѣляется на два разряда: собственность монастыря и собственность братій. Каждый старецъ имѣетъ свой участокъ земли отъ 5 до 10 десятинъ, которую и обрабатываетъ, какъ знаетъ. Обыкновенно при каждомъ есть одинъ или два послушника, имъ питаемые и одѣваемые. По смерти старца, доля его дѣлается собственностію его послушника, и такъ идетъ изъ рода въ родъ. Естественно при этомъ, что выгоды частныя и общія идутъ въ монастырѣ каждая своимъ путемъ, и если при случаѣ сталкиваются, то послѣднія, безъ сомнѣнія, уступаютъ первымъ. Представителей первыхъ много, представителей послѣднихъ — одинъ Игуменъ. При первомъ словѣ о заведеніи училища сейчасъ рождается вопросъ, на чей счетъ оно будетъ содержимо. Монастырь отзывается, что онъ не можетъ содержать училища, потому что едва покрываетъ доходами расходы; братія же, раздѣленные въ своихъ частныхъ выгодахъ, не изъявляютъ готовности удѣлять на училище что-нибудь изъ своего достоянія. При томъ же многимъ кажется не безопаснымъ посвящать въ ученость того, кто прежде всего долженъ хорошо научить-

ся послушанію. Игумень могъ бы презрѣть и расчеты и предразсудки, и настоять на доброе дѣло; но, къ сожалѣнію, онъ есть лице, избираемое ежегодно, и потому въ существѣ своемъ всегда есть болѣе одинъ изъ братій, нежели начальникъ обители. Къ тому же онъ въ дѣйствіяхъ своихъ ограниченъ Совѣтомъ (Συμβόλιον). Вообще система частной собственности въ общежитіи уже сама по себѣ неумѣстна; но, въ соединеніи съ системою избирательнаго, и притомъ ежегодно перемѣняющагося управленія монастыремъ, причиняетъ большой вредъ обители. Вотъ, между прочаго, отъ чего монастыри въ Греціи находятся не въ цвѣтущемъ состояніи. Чувствуя невыгоды монастыря отъ столь частой перемѣны Игуменовъ, старцы сами просили Синодъ назначить срокъ игуменства по крайней мѣрѣ двухлѣтній, если уже не лѣтъ пятилѣтній; но разрѣшенія на это еще не послѣдовало. Выборъ Игумена обыкновенно производится въ Сентябрѣ. Въ то же время выбираютъ и членовъ Совѣта, которыхъ, по общему положенію монастырей, должно быть два; но въ Мегаспилеонѣ всѣ такъ-называемые *проигумены*, т. е. бывшіе прежде Игуменами, участвуютъ въ Совѣтѣ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ созывается *общій Совѣтъ*, т. е. всѣ постриженные въ монашество. Сей общій Совѣтъ большинствомъ голосовъ выбираетъ и Игумена. Всегда выборъ представляется на утвержденіе Священнаго Синода. По утвержденіи Синодомъ, обыкновенно братія сходятся въ церковь. Престарѣлый Игумень, облегченный въ полные знаки своего достоинства, проситъ у братіи прощенія, въ чемъ предъ кѣмъ согрѣшилъ во время своего игуменства, потомъ снимаетъ съ себя мантию и отдаетъ посохъ. Ихъ вручаютъ новоизбранному. Одинъ изъ старцевъ говоритъ ему при-

тогь какое-нибудь привѣтствіе или наставленіе, и начинается снова старій порядокъ дѣлъ. Вотъ преимущества и обязанности игуменскаго достоинства. Онъ стоитъ въ церкви на высокомъ мѣстѣ, носитъ крепъ на камилавкѣ (12), разъ 5 или 6 въ году облачается въ архіерейскую мантию и держитъ въ рукѣ архіерейскій жезлъ, ходитъ всегда неизмѣнно на службу, принимаетъ и угощаетъ посѣтителей, ведетъ счета, заботится о всѣхъ предметахъ хозяйства, отвѣчаетъ за все передъ Синодомъ, Министерствомъ (Церковныхъ Дѣлъ) и областнымъ Начальствомъ. Всѣ братія получаютъ отъ монастыря ежедневно порцію хлѣба и вина, и ежемѣсячно порцію елея для кушанья и освѣщенія. Дѣлежъ при этомъ бываетъ болѣе сообразно съ достоинствомъ, нежели съ потребностями получающаго. Доля Игумена равна долѣ проигуменской. Служба ежедневно правится два раза въ церкви и разъ по келліямъ. Утренняя начинается обыкновенно въ 8 часовъ— по древне-церковному счету, по нынѣшнему въ 2 часа утра. Обѣдня большою частию слѣдуетъ непосредственно за нею, или съ промежуткомъ въ полчаса времени. Вечерня— часовъ въ 5. Утренняя и вечерня всегда правятся въ большой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, обѣдня— въ будни въ одномъ изъ придѣловъ. Въ Воскресенье и праздничные дни служатъ обѣдню во всѣхъ церквахъ монастыря. Для пріѣзда нашего вечерню наканунѣ Ильина дня служили съ полнымъ торжествомъ, при чемъ облачался въ мантию самъ Игумень.

(12) Въ Греціи обыкновенно монахи не носятъ ни крова (*επανωχάλυμαχούου*), ни мантии, и въ одеждѣ ничѣмъ не отличаются отъ священниковъ и Діаконовъ. Ходитъ съ крѣпомъ слѣзлось теперь (по крайней мѣрѣ въ Аѳонахъ) преимуществомъ только Архіерея.

Священниковъ при этомъ было 10 человекъ. Литію служили въ притворѣ, при чемъ во все время эктений сзали наоя лицомъ къ народу стояли три Діакона, одинъ въ срединѣ съ крестомъ, два по бокамъ съ рипидами. Во время пѣнія *стиховныхъ* на ихъ мѣсто становились всѣ Священники — обычай неизвѣстный у насъ. На благословеніе хлѣбовъ во время пѣнія тропаря, когда Священникъ кадилъ вокругъ столика (среди церкви, — въ то время, какъ всѣ другіе Священники вошли уже въ алтарь), по бокамъ его всегда находились два Діакона — одинъ съ рипидою, другой съ свѣчей, а противъ него Діаконъ съ крестомъ, по бокамъ котораго также одинъ Діаконъ съ рипидою, а другой съ свѣчей, но такъ, что ассистенты Священника стояли не прямо другъ противъ друга съ ассистентами Діакона, а держащій свѣчу ставалъ противъ держащаго рипиду, и на-оборотъ. По окончаніи вечерни, всѣ вышли въ притворъ, и сѣли по лавкамъ, вкушая благословенный хлѣбъ съ виномъ — по уставу. Общая трапеза бываетъ въ монастырѣ только три раза въ году, и потому я не могъ видѣть, какой порядокъ бываетъ у нихъ при этомъ. Послѣ утрени и перваго часа въ будни всегда читается Акаѣистъ Божіей Матери по древнему обычаю, свидѣтельствомъ коего служить и у насъ обыкновенно поемая первая пѣснь Богородичнаго Акаѣиста. Часы и полунощница всегда правятся въ притворѣ. Шестопсалмій, молитвы послѣ часовъ, Символъ Вѣры и Молитву Господню — на Литургіи, Сиодоби Господи и Нынѣ отпускаеши — на Вечерни обыкновенно читаетъ самъ Игуменъ, а въ отсутствіе его — старѣйшій изъ братій. Пѣніе то же, что и вездѣ въ Греціи. Большею частію поетъ одинъ кто-нибудь, и только во время обѣдни развѣ иногда держитъ ему кто-ни-

будь *исо* (13), тогда какъ, при такомъ обиліи братій и молодыхъ послушниковъ съ хорошими голосами, можно бы составить пѣніе весьма звучное и пріятное. По уединенному положенію обители, постороннихъ молитвенниковъ въ церкви не бываетъ, а обычай монастыря требуетъ, чтобы

- (12) Образъ церковнаго пѣнія Греческаго требуетъ собственно пѣнія и двухъ припѣваний къ нему въ основную ноту тона и верхнюю октаву = *исо* (припомнимъ при этомъ извѣстное въ Исторіи Церкви Русской пѣніе *трисоставное*..). Ясно, что достоинство такого рода пѣнія главнымъ образомъ должно зависѣть отъ способности пѣвца (*ψάλτης*). Пѣвецъ, во-первыхъ, долженъ имѣть голосъ легкій, чистый, свободно берущій и низкія и высокія (часто очень высокія) ноты; во-вторыхъ, долженъ умѣть управлять голосомъ. Къ сожалѣнію, и то и другое требованіе выполняется съ большимъ затрудненіемъ. Отъ того для Европейскаго слуха пѣніе Греческое едва выносимо. Но, при надлежащемъ выполненіи, оно могло бы далеко оставить за собою нашу симфоническую музыку: потому что оно есть голосъ чувства, удивительно хорошо приспособленный къ молитвенному изліанію души. Въ нашемъ пѣніи слышишь обыкновенно звуки, а не слышишь влекущаго душу голоса, — только въ *соло* понимаешь высокое значеніе пѣнія. Греческое пѣніе все есть *соло*. Послы наши, слушая нѣкогда церковное пѣніе Греческое, не знали, гдѣ они находятся, на землѣ или на небѣ. Это не преувеличеніе: они слышали пѣніе Греческое истинное, совершенное. Малое понятіе объ этомъ истинномъ пѣніи получили и мы въ томъ же самомъ Мегаспалеонѣ. По введенному надреве обычаю, тамъ на суглубыхъ экзетіяхъ читается Синодикъ, и въ это время пѣвецъ поетъ медленно: *χῆρις ἰλέησον*. Безъ глубокаго умненія не могъ я слышать этого пѣнія. Миѣ все слышался голосъ матери, убаюкивающей своею изъ глубины души исходящею пѣснію на вѣчный сонъ своихъ возлюбленныхъ. Я пригласилъ къ себѣ въ комнату учителя церковнаго пѣнія, попросилъ его пропѣть нѣсколько разъ, и одного изъ своихъ спутниковъ заставилъ переложить на ноты это тихое и безбогъанное рыданіе Христіанское надъ могилою. Добрый и почтенный отецъ попросилъ потомъ въ свою очередь насъ пропѣть ему что-нибудь по-Русски. Мы пропѣли тріо: *Приидите поклонимся*. *Καταυχτικῶς* (умилительно) сказалъ онъ, и пожелалъ что-нибудь праданничное, веселое.

послушники стояли въ прятворѣ; отъ того обыкновенно средина церкви бываетъ почти всегда пуста. Старцы стоять около стѣнъ въ своихъ стоялкахъ, съ которыхъ въ извѣстныхъ времена сходятъ на полъ. Въ каждой стоялкѣ есть подвижная лавка, которая можетъ дать двойное положеніе ищущему отдыха — сидячее и какъ бы висячее. Во время утреннихъ чтеній обыкновенно всѣ сидятъ. Склоненныя при этомъ впередъ или на бокъ головы старцевъ неопытнаго наблюдателя могли бы привести къ мысли, что отдыхъ переходитъ у нихъ подъ часъ и въ покой, если бы общій ропотъ, повторяющійся всегда, какъ только чтець скажетъ какую-нибудь ошибку, не говорилъ неоспоримъ, что немощной плоти ихъ всегда присущъ бодрый духъ.

Впечатлѣніе особеннаго рода испытали мы тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали, и имъ считаемъ приличнымъ закончить наше описаніе славной обители. На одной изъ возвышающихся отвѣсно надъ монастыремъ громадныхъ скалъ, въ видѣ сторожевой башни стоитъ изрядной вели-

Мы пропѣли нѣсколько тропарей изъ пасхальнаго канона. Не нужно было спрашивать отзыва Учителя; отзывъ живо печатался на лицѣ его: онъ радовался. Еще что-нибудь печальное, на-пр. изъ Великой Седмицы, сказалъ увлеченный пѣніемъ нашимъ любезный старецъ. Мы запѣли: *Благодоброобразный Иосифъ*. Слушая насъ, онъ вздыхалъ, и когда кончили, поразила насъ неожиданнымъ признаніемъ: ἡ ἰδική μας μουσική εἶναι τρελή (наше пѣніе не разумное). Мы не могли удержаться отъ улыбки, слушая такой разговоръ себя почтеннаго учителя. Такъ самые, наиболѣе способные понимать красоту своего пѣнія, Греки не разумиють его высокаго достоинства: потому что прихвально-дурнымъ выполненіемъ его роляютъ его въ своемъ собственномъ мнѣніи. Но я совершенно утѣренъ, что первый псалтъ съ хорошимъ голосомъ, вкусомъ и сочувствіемъ къ своему дѣлу, заставитъ не только Грека, но и Европейца признать неоспоримое превосходство Греческаго пѣнія въ молитвенной музыкѣ.

чины зданіе; и въ немъ мы имѣли утѣшеніе видѣть одного отшельника, истиннаго раба Божія — Иеромонаха Савву. Бесѣдуя съ нимъ о жизни, мы не разъ слышали съ глубокимъ вздохомъ произносимое имъ: τὸ ἄλας ἐμωράνθη (соль обуяла). Свѣтящійся взоръ его и глубоко-сердечный, нѣсколько тревожный голосъ свидѣтельствовали, что съ словами его соединялось нѣкоторое особенное значеніе, взлеченное, конечно, изъ его живаго и долговременнаго опыта. Старецъ (лѣтъ 50) безвыходно живетъ въ своей келліи, и служитъ ежедневно. «Яко же орелъ покрываетъ птенцы своя», покрываешь ты, рабъ Исуса Христа, молитвою своею свитое въ ущелии горной скалы гнѣздо своихъ собратій. Счастлива та обитель, которая имѣетъ живой примѣръ добродѣтели передъ глазами своими. Это, безъ сомнѣнія, лучшее украшеніе Мегаспилеона.

Въ Среду, 23 Іюля, мы оставили навремя гостепріимную обитель, чтобы посѣтить другой, не менѣ знаменитый монастырь Пелопониса — *Лавру*. Спустившись въ глубь ущелія, мы направились по нему къ Югу вверхъ потока Буранка, и черезъ часъ свернули къ Западу въ другое, болѣе открытое ущеліе, оканчивающееся довольно широкою равниною, на которой, прислонясь къ горѣ Велія, лежитъ городъ Калаврита (τὰ καλάβριτα), возвышающійся надъ поверхностію моря болѣе, нежели на 2,000 футовъ. Городъ, знаменитый исторически, какъ центръ Греческаго возстанія противъ Турокъ, представляется, подобно Коринѣу, кучею развалинъ. Мы нашли въ немъ одну только церковь новой, очень простой постройки съ изразцовымъ поломъ и иконами мѣстныхъ живописцевъ. Русское имя вскорѣ огласилось по городу, и когда мы посѣщали церковь, насъ уже окружала весьма зна-

чительная толпа народа, высказывавшаго веселое и живое чувство при взглядѣ на насъ. Пріятное впечатлѣніе это, въ соединеніи съ чудною мѣстностію города, оставило о немъ хорошую память въ душѣ, не смотря на его непригожую наружность и на примѣрную безсодержательность его деревенской жизни. Отъ Калавритъ дорога шла въ томъ же направленіи прямо на Западъ по лѣвой окраинѣ Калавритской долины. Впередѣ насъ, на одной изъ ближайшихъ высотъ виднѣлась небольшимъ четырехугольникомъ Лавра. Было уже темно, когда мы достигли ея. Все разстояніе между нею и Мегаспилономъ около 12 вѣстъ.

Первый взглядъ на монастырь далъ замѣтить въ немъ присутствіе вкуса и порядка, столь рѣдко встрѣчаемое въ Греческихъ обителяхъ. Вся Лавра состоитъ изъ квадрата стѣвъ, посреди коего возвышается довольно изящной Архитектуры церковь. По обычаю Греческихъ монастырей, келліи братій примыкаютъ къ стѣнѣ, и состоятъ изъ двухъ этажей съ внутренней кругомъ галереей, которая придаетъ особенный, одушевляющій видъ всему монастырю. Келліи большею частію украшены и иногда даже со вкусомъ. Церковь еще строится, и когда окончится, будетъ очень весела. Мѣстоположеніе Лавры на вершинѣ весьма значительной плоской возвышенности, — которую можно бы счесть горою, еслибы окружающія ее громады не подавляли ея собою, — также весьма веселое. Кругомъ ея по скату къ равнинѣ Калабритской тянутся кустарники, которые лѣтъ черезъ 10 будутъ лѣсомъ. Къ Сѣверу за равниною отлого возвышается гора Клокó (4.855 ф.) съ двумя на скатѣ ея деревьями одного и того же имени, представляющими собою не малую рѣдкость. Жители ихъ одни и тѣ же. Лѣтомъ, по причинѣ жаровъ, они

переселяются въ верхнюю, зимою въ нижнюю деревню. Деревня называется Висока. Нѣсколько лѣтъ отъ Клоко изъ-за другихъ не меньшей высоты горъ выставляется сѣрый гребень хребта Водья (6.000 ф.), а на Западномъ горизонтѣ сивѣютъ вершины Олеона, древняго Эриманеа (6.845 ф.), къ системѣ коего принадлежитъ и самый холмъ Лавры. Восточный горизонтъ закрываетъ мрачная и лѣсистая гора Мегалоспилиотская. Великолѣпное зрѣлище! куда ни посмотришь, все горы, одна другой выше! Зимою здѣсь бываетъ довольно холодно. Снѣгъ лежитъ иногда по мѣсяцу. Не смотря на то, что мы путешествовали въ самое жаркое время года, мы встрѣтили въ Лаврѣ почтеннаго Игумена въ шубкѣ. Быстрыя перемѣны температуры и сильные междугорные вѣтры заставляютъ крѣпко беречься простуды, и особенно въ лѣтнее время. Утромъ 24 числа мы отправились въ старый монастырь, отстоящій отъ нынѣшняго на полчаса пути. Подобно Мегаспилеову, онъ прилегалъ къ скалѣ, и пещерою входилъ внутрь ея. Малая, тѣсная, неправильная и весьма невзрачная церковь еще продолжаетъ знаменоватъ собою мѣсто славной и многочисленной нѣкогда обители. Въ самой церкви мы не нашли никакихъ остатковъ отдаленной древности. Вся иконопись стѣнъ и потолка относится къ 1645 году, и свидѣтельствуетъ собою о большомъ упадкѣ живописнаго искусства того времени. Въ церкви, на скалѣ, подъ открытымъ небомъ, еще довольно хорошо сохраняется икона Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, прекрасной кисти, вѣроятно отъ первоначальныхъ временъ обители. Тутъ была нѣкогда особая малая церковь, выстроенная по чувству благодарности однимъ Священникомъ окрестныхъ мѣстъ, у коего однажды волкъ схва-

тилъ ребенка, и преслѣдуемый потомъ людьми, бросилъ свою добычу въ этомъ самомъ мѣстѣ сверху скалы. Чуднымъ промысломъ Божиимъ, дитя было найдено живымъ и невредимымъ. Икона эта, по извѣстству своему и по чудесному событію, стояла бы не только поддержки, но и украшенія. Но еще не удосужились до того отцы, занятые постройкою церкви. Возвращаясь въ монастырь, у самыхъ стѣнъ его мы обрѣли развалины Лавры второй эпохи, отъ коей сохраняется еще церковь, сберегаемая (хотя и не очень тщательно) Правительствомъ, какъ историческая драгоценность: потому что въ ней поднято и освящено было первое знамя возстанія Греціи, и отслуженъ Митрополитомъ Патрскимъ Германомъ первый молебень о благопослѣдствіи начатаго дѣла. Во время войны, церковь была сожжена, вмѣстѣ со всѣмъ монастыремъ, войсками Ибрагима-Паши, и теперь стоитъ вся въ трещинахъ. Живопись, къ удивленію, сохранилась почти вся, хотя отъ сильнаго жара стала почти одноцвѣтною. Впрочемъ, и съ церковію вмѣстѣ она не восходитъ далѣе 1689 года.

На освѣдомленіе наше о библіотекѣ намъ сказали, что есть нѣсколько книгъ, принадлежащихъ общинѣ монастырской, но что онѣ всѣ въ то время были на рукахъ у братіи. Особенно рѣдкихъ и замѣчательныхъ или древностию или содержаниемъ или другимъ чѣмъ, намъ сказали, что не имѣютъ. Наиболѣе любопытную изъ нихъ, называемую *Кодиксъ*, не замедлили представить намъ по нашему желанію. Это — сборникъ историческихъ разновременныхъ замѣтокъ о монастырѣ. Составленіе его начато въ 1703 г. Составитель говоритъ, что онъ пользовался другимъ древнѣйшимъ Кодиксомъ, который теперь не существуетъ. Имѣлъ ли въ себѣ этотъ

древнѣйшій Кодиѣкъ какое-нибудь извѣстiе о началѣ Лавры, не извѣстно. Теперешнiй говоритъ объ этомъ весьма утвердительно. Первоначальный составитель его, имѣя вѣроятно въ виду давнее мѣстное преданiе, въ бытность свою на Святой Горѣ, освѣдомлялся у тамошнихъ отцевъ о началѣ своей Лавры, и одинъ изъ нихъ, провгумень Лавры Св. Аванасiя и Экзархъ Патрiаршiй, увѣрилъ его, что Лавра Пелопонисская получила свое начало въ 6496 или 961 году, и дѣло происходило будто бы такъ: Св. Аванасiй, пользуясь дружбою Императора Никифора Фоки, съ его помощiю заложилъ на Аеонѣ извѣстную Лавру. Въ дѣлѣ своемъ онъ имѣлъ двухъ сотрудниковъ. По Божіему попущенiю между ими произошло въ чемъ-то несогласiе, въ слѣдствiе котораго они и разошлись всѣ трое въ разныя мѣста: одинъ отправился въ Россiю, и выстроилъ тамъ Кіевскую Лавру (13), другой пошелъ въ Элладу, и основалъ Лавру Пелопонисскую, о которой идетъ рѣчь. Извѣстiе это, полученное составителемъ Кодиѣкса отъ Аеонскаго провгумена, подтвердилъ передъ нимъ и начальникъ метохiи Пелопонисской Лавры, находящейся на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, который во время посѣщенiя

(13) И такъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка на Аеонской горѣ думали, что нашъ Преп. Антонiй Печерскiй былъ сотрудникомъ Св. Аванасiя. Въ житiи Св. Аванасiя точно упоминается о нѣкомъ ученикѣ его Антонiи; но очевидно, что это преданiе Св. Горы ошибочно. Св. Аванасiй жилъ между царствованiями Романа Старшаго и Юанна Цимисхiа, т. е. 924—976 г., а Препод. Антонiй родился въ 983 году. Притомъ же видимое дѣло — извѣстiе Кодиѣкса клонится къ тому, чтобы объяснить имя Лавры, носимое монастыремъ. Составителю или распространителю извѣстiя казалось весьма естественнымъ, чтобы три Лавры имѣли основателями своими трехъ современниковъ и единомысленниковъ. Но извѣстно, что Кіевская Лавра сперва не называлась Лаврою; то же могло быть и съ Пелопонисскою.

Св. Горы нарочно для этого перерывалъ архивъ Аеонской Лавры. Въ Кодиксѣ не находится извѣстія о томъ, кто такою былъ этотъ основатель Лавры, и какъ она существовала въ древнѣйшую эпоху бытія своего; въ немъ упоминается только о преданіи, что Лавра была нѣкогда весьма многолюдна, и именно имѣла въ себѣ до 900 человекъ. Даже во времена Турецкія, судя по архиву города Калаврита, въ ней бывало около 760 человекъ, платившихъ Правительству харачъ. Врагъ позавидовалъ, говоритъ Кодиксъ, благоденствію обители. Однажды жители сосѣдняго села Плесья принесли въ Лавру на сохраненіе разнаго рода вещи; оказалось послѣ, что всѣ онѣ были краденныя. Хозяева ихъ дознались о мѣстѣ своей пропажи, и пожаловались на Лавру Турецкому начальству. Давно глядѣвшее косо на монастырь, Правительство воспользовалось случаемъ, и отрядило солдатъ для изслѣдованія дѣла. Слѣдователи разграбили монастырь, около 70 старцевъ повѣсили на одномъ деревѣ, получившемъ съ тѣхъ поръ названіе *φερξισμέουον δένδρον*, сожгли церковь, келліи, сады и виноградники Лавры — съ тѣмъ, чтобы истребилась самая память ея. Случилось это, вѣроятно, въ первыхъ годахъ XVII столѣтія. Кто остался въ живыхъ, всѣ разбѣжались по другимъ монастырямъ. Но Лавръ суждено было возстать изъ своего пепла, чтобы потомъ еще разъ испытать ту же самую участь. Нѣкто изъ сосѣднихъ жителей, именемъ Іоаннъ, человекъ весьма благочестивый, часто приходилъ для молитвы на пепелище знаменитой обители, и разгарался ревностію къ святому мѣсту. Судьба, какъ нарочно, разстроила потомъ его семейныя дѣла, и онъ, бросивъ все, принялъ на себя монашество, и возстановилъ Лавру, хотя и далеко не въ прежнемъ видѣ.

Память минувшаго бѣдствія, вѣроятно, заставила собравшихся вновь кое-кого изъ братій оставить грозное мѣсто, и перенести монастырь на другое, болѣе веселое и открытое. Въ 1675 г. Игуменъ Евгенийъ отправился, по обычаю всѣхъ почти Греческихъ монастырей, съ Св. мощами для сбора милостыни, и достигши Молдавіи, уговорилъ тамошняго Князя быть ктиторомъ Лавры. При пособіи его, въ 1689 г. братія заложили стѣны новаго монастыря 19 Марта, и 1 Іюля кончили постройку ихъ. Въ то же время строили и церковь. Въ сей малой церкви въ послѣднихъ числахъ Марта 1821 года Греки въ первый разъ публично призвали Бога въ помощь своему великому начинанію, и дали тѣмъ ему нѣкую святость и законность въ глазахъ своихъ. Въ отмщеніе за то, 4 Мая 1826 г. Ибрагимъ сжегъ и церковь и Лавру. По установленіи новаго порядка дѣлъ въ Греціи, еще разъ собравшіеся братія перенесли въ 1828 г. Лавру на третье мѣсто, гдѣ она и теперь находится, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе украшаясь и процвѣтая. Едва ли, впрочемъ, когда-нибудь она будетъ имѣть то значеніе, какое соединяется съ ея имепемъ: близость Мегаспилеона всегда будетъ отнимать у нея важность и вѣсь. Никакой, особенно чтимой, святыни она не имѣетъ. Главная ея драгоценность— глава Св. Алексія челоуѣка Божія, носимая постоянно по городамъ и селамъ собирателями милостыни, почти никогда не бываетъ въ монастырѣ. Исторія Лавры скудна и темна, не оживлена никакими почти преданіями. Перемѣщеніе ея съ мѣста на мѣсто уничтожило послѣднее, что могло привлекать къ ней— древность (14). Развѣ только громкое и славное имя,

(14) Между тѣмъ есть въ ней малый остатокъ языческихъ временъ. Между развалинами монастыря второй эпохи нашамъ ираморуіую

веселая мѣстность, чистый горній воздухъ и духъ порядка и красоты, печатлѣющей себя на ней повсюду, помогутъ ей занять снова приличное ей мѣсто. Да послужить она для монашества Греческаго образцомъ иноческой жизни. Это было послѣднимъ нашимъ желаніемъ мирной обители. Возвратившись въ Мегеспилеонъ, мы еще нѣскольکو дней продолжали жить его жизнью. Какое различіе съ Лаврою! Грозная мѣстность, скудость и суровость жизни, мрачность, тѣснота, всякаго рода лишенія, неизбѣжныя въ большомъ и чрезвычайно скучаемомъ обществѣ, заставили насъ подумать о томъ, какъ мало значатъ невыгоды и неудобства жизни тамъ, гдѣ есть всевознаграждающая приманка святыни! Въ бесѣдѣ о разныхъ постановленіяхъ монастыря намъ пришлось разъ сказать, что, въ случаѣ неудовольствія, братъ можетъ перейти въ другой монастырь; намъ замѣтили на это, что еще не было примѣра тому, и что даже этого быть не можетъ: потому что, какъ великой чести, домогаются всѣ возможности жить «при Божіей Матери». Въ день выѣзда нашего изъ обители, 26 Іюля, нарочно для насъ обѣдню служили великимъ соборомъ.

Сначала мы намѣревались ѣхать на Юго-Западъ, къ городамъ Гастуни или Пиргосу, чтобы, не теряя времени, спуститься на Югъ, куда собственно направлялось путешествіе наше. Но непривычка верховой ѣзды и палящей зной на нѣкоторыхъ изъ насъ произвели такое вредное дѣйствіе, что надобно было искать врачебныхъ средствъ для поправленія здоровья. Навлучшимъ въ со-

досечку съ надписью: QVIRETVS CFQCALLVS VANNXXIII. Не понятно, какъ могла она попасть въ пустыню Лавры?

сѣдствѣ мѣстомъ для этого могли быть Патры; а потому мы рѣшились ѣхать туда. Дорога изъ Мегаспилеона, торная и наиболѣе удобная лежитъ на Востицу (древній *Αγίον*), и потомъ берегомъ залива идетъ до самыхъ Патръ. Отправляясь по этой дорогѣ, мы могли по пути обозрѣть третій первостатейный монастырь Пелопонниса — *Αρχαίον* или *Ταξιδάρχης*, въ отличіе отъ многихъ другихъ того же имени монастырей называемый *μέγας* (великій). Но вниманію нашему предстоялъ другой предметъ, который казался намъ столько занимательнымъ, что все другое должно было уступить ему. Въ нѣсколькихъ часахъ отъ Мегаспилеона къ Западу есть огромнѣйшей величины дерево — платанъ, въ дуплѣ коего помѣщается цѣлая церковь. Уже въ 840 г. по Р. Х. этотъ платанъ имѣлъ величину изумительную: ибо церковь устроена въ немъ въ то время. Одно это уже заставляло насъ видѣть такую растительную рѣдкость; но занимательность тутъ была еще другаго, высшаго рода. Въ этомъ платанѣ есть постоянно продолжающееся чудо. Еще въ Аѣинахъ мы слышали о немъ, и разгарались духомъ видѣть его. По Мегалоспилиотскимъ сказаніямъ, когда въ 840 г. случился въ обители пожаръ, истребившій все, Отцы, взявши съ собою икону Богоматери, ходили съ нею по окрестнымъ мѣстамъ, вѣроятно, для сбора милостыни. Достигши деревни на берегахъ Селинунта, расположились тутъ ночлегомъ, и икону на ночь поставили въ дуплѣ платана. На другой день нашли, что прямо противъ иконы отпечаталось на деревѣ точное подобіе ея, отъ коего исходилъ и нѣкій особенный свѣтъ. Чудо это вдругъ огласилось повсюду. Жители тогда же обратили платанъ въ церковь, которая и сохраняется до сихъ поръ. Вся внутренняя поверхность де-

рева, равно какъ и внѣшняя, покрыта корою, и испускаетъ по мѣстамъ вѣтви; но на томъ мѣстѣ, гдѣ находится отпечатокъ иконы, растительность не имѣетъ силы, и все до сихъ поръ остается такъ, какъ было первоначально. Это-то и есть непрерывно продолжающееся чудо. Съ нетерпѣніемъ спѣшили мы видѣть его. Деревня Клапацуна (15) издали обозначалась передъ нами, посреди запертой со всѣхъ сторонъ горами долины, огромною купою темноватой зелени, въ которой мы напередъ уже узнали знаменитый платанъ. По прибытіи въ деревню, мы прямо направились къ нему и нашли его дѣйствительно достойнымъ удивленія. Окружность ствола его, на высотѣ двухъ аршинъ отъ земли, 12 Фр. метровъ. Устроенная внутри его церковь можетъ помѣстить отъ 12 до 15 человекъ. Почти вся она увѣшана иконами по стѣнкамъ дерева. Очертаніе ея самое неправильное, болѣе, впрочемъ, подходящее къ кругу. Въ вышину будетъ сажени двѣ и нѣсколько болѣе. Стѣнки во многихъ мѣстахъ пускаютъ малыя и тонкія зеленыя вѣтви. Западная сторона, по сучковатости своей, не имѣетъ ни вѣтвей, ни коры; и на ней-то вверху намъ указали небольшой кивотъ, за сте-

(15) *Клапацуна* или *Хлапацуна* видимо звучитъ по-Славянски. Мы уже слышали Славянскія имена: *Веля* и *Клоко*— горы, *Высока* и *Плесья*—селенія. Кромя ихъ есть въ окрестностяхъ селенія: *Гулѣница*, *Ланата*, *Гура*, *Любиста* или *Любикдста*, *Хотова*, *Стрецова*, *Тополава*, *Анастасова*... Откуда вся эта Славянщина среди горъ Ахайи? Если вѣрить Нѣмецкой картѣ Греціи Киперта (*H. Kiepert*, 1852), Сѣверная изъ горъ, окружающихъ Клапацунскую долину, называется даже *Ruskio*. Самые *Хелмосъ* и *Оленосъ* — эти цари горъ Ахайскихъ—едва ли не отъ нашихъ прадѣдовъ заняли имена свои? Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ названій наиболѣе заманчивымъ показалось намъ слово *Анастасова*. Значитъ жили нѣкогда въ Морей и Славяне-Христиане.

кломъ котораго виднѣлись два серебряные, примыкающіе другъ къ другу вѣнца, какъ это обыкновенно бываетъ на иконахъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Поднявшитъ по лѣстницѣ къ самому кивоту, мы нашли, что вѣнцы окружаютъ два углубленія въ деревѣ, составляющія начало выступа (съ внѣшней стороны дерева) большаго сука. Такихъ углубленій много разсѣяно по внутренней поверхности дерева. Надобно имѣть очень живое воображеніе, чтобы принять ихъ за вѣчто похожее на икону Божіей Матери. Никакого сходства съ лицемъ человѣческимъ, никакого знака рукъ и другихъ очертаній иконы. Не отвергая случившагося въ древности чуда, живымъ доказательствомъ коего можетъ быть устройство самой церкви, мы думаемъ, что изображеніе это давно уже изгладилось, и что, вѣрные преданію, мѣстные обыватели привязали память его къ нѣсколько сходному съ изображеніемъ Божіей Матери расположенію углубленій. Платанъ обнесенъ оградой, внутри коей находится небольшая церковь самой дурной постройки, съ фресковыми иконами по стѣнамъ, плохой кисти. Въ ней еще служатъ. Когда-то тутъ былъ монастырь или, можетъ быть, метохія Мегаспильотская; теперь здѣсь кладбище. При выѣздѣ изъ села мы проѣхали мимо новой, еще строящейся церкви, и были утѣшены пріятною картиною сидѣвшихъ около нея прихожанъ, которые исполняли разныя работы для церкви. Молодой Священникъ интересовался слышать нашъ отзывъ о церкви и работахъ его. Отзывъ можно угадать. Церковь, дѣйствительно, представляется довольно занимательною. Планъ ея совершенно особенный. Широкій, лежащій куполъ ея опирается съ Юга и Сѣвера на стѣнахъ церкви, а съ Востока и Запада — на че-

тырегранныхъ столбахъ, за коими идутъ, сводимые сверху въ полукуполь, выступы притвора и алтаря. Жаль, что постройка производится безъ архитектурнаго присмотра: уже въ двухъ смежныхъ мѣстахъ плавъ церкви не удался, и куполь упалъ. Кажется, планъ этотъ взятъ съ мечетей, которыя въ свою очередь брали его съ Св. Софіи; но тамъ куполь обыкновенно со всѣхъ сторонъ опирается на стѣны, и слѣд. имѣеть основаніе весьма надежное.

Дорога отъ Клапацуны шла сперва все поднимаясь до того, что, выѣхавъ на одну возвышенность между горами Клоко и Питери (5,960), мы почувствовали холодъ. Полагать надобно, что мы находились не менѣе 4,500 ф. надъ поверхностію моря. Не мало времени и съ немалымъ опасеніемъ спустились потомъ въ русло одного быстрого потока, по которому и ѣхали потомъ до вечера. Мрачное и дикое, оно навѣвало на душу страхъ и уныніе. То скалы ужасной высоты, то овраги, покрытые густымъ лѣсомъ, и повсюду глухая, мертвая пустыня сопровождали насъ въ теченіе трехъ часовъ. Видѣли, впрочемъ, влѣво на высокой, уединенной скалѣ, какъ орлиное гнѣздо, малую обитель: *Μακηλαρία*. Кажется, не лзя выдумать печальнѣе и поразительнѣе мѣста для плача и сѣтованія, какъ этотъ утесъ. Долго потомъ онъ еще привлекалъ взоръ нашъ къ себѣ, освѣщаемый лучами солнца, уже угасшими въ глубинѣ пропасти, по которой мы ѣхали. Съ немалымъ удовольствіемъ мы оставили наконецъ грозное русло влѣвъ, и стали подниматься по окраинѣ хребта Водьи или Войдыи (древній *Παναχάικον*). Было уже темно, когда мы достигли хана *ἄγιος Ἰωάννης*, гдѣ и вочевали, какъ Богъ привелъ. Утро открыло передъ нами великолѣпную карти-

ну. Мы были довольно высоко. Вся цѣпь Ахайскихъ горъ красовалась передъ нами. Прямо противъ насъ на Югѣ стоялъ нѣсколькими конусами зубчатый Оленось или Олонось, далѣе густою группою возвышался Хелмость, и въ концѣ хребта къ Востоку выше всего поднималась громада Зярія. Вершины горы, на которой ты находились, не лзя было видѣть за ближними высотами. Черезъ часть веселой дороги промежду деревьевъ и зелени, мы увидѣли передъ собою неожиданное зрѣлище— кочевье. Тамъ и сямъ разбросаны были походные шалаши горныхъ пастуховъ, живущихъ семействами и имѣющихъ у себя по мѣстамъ малыя церкви. Съ ними кочуетъ и ихъ Священникъ — такой же пастухъ, какъ и они. Часа черезъ четыре пути передъ нами открылся заливъ Коринескій, и мы стали спускаться съ горъ. Обширная равнина Ахайская зеленѣла подъ нашими ногами, вся покрытая виноградниками. Въ Восточномъ углу ея у самаго моря бѣдѣлся городъ, до котораго мы однакожь ѣхали еще часа два, удушаемый поддневнымъ жаромъ.

Патры— *Патраи* (по-квнжному, а по-простонародному *Пастра*, по-Европейски же *Патрасъ*) съ перваго взгляда показались намъ городомъ, стоящимъ носить это названіе. Правильно выстроенный, съ широкими улицами и большею частію красивыми домами, онъ едва уступаетъ Аѳинамъ, и еслибъ былъ столицею, то, вѣроятно, былъ бы уже вдвое болѣе Аѳинъ. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: старой — возвышенной съ крѣпостію, и новой — приморской. Во время Турецкаго владычества, первая была главною частію, теперь же мѣсто ея заступила вторая. По убѣжденію Грековъ, немного, кажется, преувеличенному, въ городѣ около 20,000 жителей. Тысячъ 10 или 12

есть дѣйствительно. Кое-какъ пріютившись, мы первымъ долгомъ поставили себя идти поклониться гробу Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Церковь его находится за городомъ, къ Западу, надъ самымъ моремъ, въ концѣ большой Андреевской улицы. Было часовъ 5, когда мы отправились съ квартиры — пора, въ которую весь городъ, въ теченіе дня укрываясь, высыпаетъ на улицу дохнуть прохладю. Съ нами шелъ нашъ Вице-Консулъ. Лишь только завидѣли насъ на улицѣ, другъ за другомъ стали подходить къ намъ сперва дѣти, потомъ и возрастные, а наконецъ всѣ, кто ни встрѣчалъ насъ, приставали къ намъ. Движеніе сдѣлалось общее. Со всѣхъ улицъ и переулковъ бѣжали къ намъ, шумѣли, толкались, забѣгали впередъ посмотрѣть на насъ, пытались много разъ принять отъ меня благословіе — *ῥωσικὴν ἀγίαν εὐλογία* (16), какъ говорили, и пр. Приближаясь къ церкви, я оглянулся и ужаснулся: за нами шелъ, казалось, весь городъ. Въ церкви говоръ и волненіе напомнили мнѣ весьма живо то блаженное время, въ которое мы, бывало, ожидали и встрѣчали Государя Императора. Его славное имя двигало и теперь толпами иноплеменнаго, но единовѣрнаго намъ народа. *Εὐλογημένη ἡ Ῥωσσία! Εὐλογημένος ὁ Νικόλαος ὁ πατέρας μας! Ζήτω ὁ Αὐτοκράτωρ! Ζήτω ἡ Ῥωσσία* (17)! Множество подобныхъ ублаженій разносилось по церкви. Поцѣловавши единственный остатокъ отъ гроба Апостола — доску блага мрамора, украшенную рѣзьбою (18), мы въ

(16) Русское святое благословіе.

(17) Благословенная Россія! Благословенный Николай, отецъ нашъ! Да здравствуетъ Императоръ! Да здравствуетъ Россія!

(18) Слово называется этотъ остатокъ «une piece d'une belle frise de marbre antique». Доска точно похожа на остатокъ какого-то фриза; но на-

алтарѣ приложились къ частицѣ мощей его, пожертвованной А. Н. Муравьевымъ, и, едва протѣснившись сквозь народъ, возвратились въ городъ уже ночью, слѣлавъ нѣсколько обходовъ, чтобы миновать толпы. Любезное и дорогое это чувство близости и привязанности Грековъ къ Россіи, такъ разительно высказывающее себя въ одномъ изъ наиболѣе открытыхъ вліянію Западному городовъ Греціи, да послужитъ для слѣпопредзанной и упорнонастойчивой Европы урокомъ тщеты всего, что она дѣлаетъ въ Греціи подъ предлогами свободы, образованности и т. п., а для Россіи да будетъ новымъ побужденіемъ къ живому и великодушному сочувствію съ народомъ, котораго одно имя Русское приводитъ въ восторгъ и умиленіе! Наавтра мы имѣли честь представиться Номарху и Архіепископу. Имя послѣдняго извѣстно и у насъ въ Россіи: это три года назадъ тому бывший въ Петербургѣ съ порученіемъ отъ здѣшняго Синода О. Мисаилъ. Съ нимъ мы условились служить вмѣстѣ въ слѣдующее Воскресенье въ церкви Апостола.

Не смотря на давнюю извѣстность и славу Христіанскихъ Патръ, мало онѣ обѣщали пищи нашей

ходящееся на одномъ концѣ ея изголовье заставляетъ думать, что если это и былъ нѣкогда фризъ, то послѣ получилъ другое назначеніе, а вѣрнѣе полагать, что усердные читатели Апостола, желая украсить возможно лучшимъ образомъ мертвенное ложе его, слѣлали его на подобіе того, что имѣли передъ глазами самаго лучшаго изъ языческаго искусства. Согласно съ Спеномъ говорить *Альденговетъ*: «A la verité, il faut tout la perspicacité des yeux de la foi pour reconnaitre le saint cénotaphe dans un morceau de frise antique.» (стр. 111). Глазамъ невѣрія почему-то представляется, что гробъ Апостола непремѣнно долженствовалъ быть саркофагомъ. Невольно припоминается при этомъ убѣжденіе нашихъ простолюдиновъ, что гробъ Спасителя есть деревянный и шестидосочный...

археологической пытливости. Издревле онѣ были мѣсто-
 пребываніемъ Митрополита Ахаіи, и потому должны бы-
 ли издревле имѣть церкви, приличныя Архіерейской ка-
 едрѣ. Спонъ (19) говоритъ, что въ его время одному
 Апостолу Андрею посвященныхъ церквей было двѣ или
 три, хотя изъ другихъ церквей, конхъ по словамъ его
 прежде было много, большая часть уже въ его время ле-
 жали въ развалинахъ. Теперь и развалинъ нѣтъ. Мы на-
 рочно ходили въ крѣпость, увлеченные рисункомъ Уордсвор-
 та, искать развалинъ одной древней церкви. Нашли ихъ,
 но не рѣшились признать тѣмъ, за что выдаются. Въ Ту-
 рецкое время тутъ была мечеть; вѣроятно, Турками она
 и выстроена. Никакимъ намекомъ на свое Византійское
 происхожденіе она не отозвалась передъ нами. Несравнен-
 но болѣе достойною любопытства оказалась вовсе неупо-
 минаемая путешественниками церковь *Пандократора*, стоя-
 щая въ центрѣ стараго города и издали кажущаяся весь-
 ма величественною (20). Большой, лежащій восьмигранный
 куполъ ея напомнилъ намъ мечети Константинополя. Во
 время Турецкаго владычества это была главная мечеть го-
 рода. Остается неизвѣстнымъ, когда и кѣмъ она выстро-
 ена. Планъ ея въ главныхъ чертахъ тотъ же, что и Аѣми-
 скаго *Ликодима* (21), только безъ притвора и безъ высту-

(19) Въ бытность свою въ Патрахъ онъ останавливался близъ церкви,
 посвященной Св. Иоанну, Георгію и Николаю, которой Священникъ
 показалъ ему четыре древнія Ионическія колоны и одинъ ка-
 мень, издававшій отъ себя на разстояніи трехъ или четырехъ ша-
 говъ дурный запахъ. Греки увѣрили его, что на этомъ камнѣ си-
 дѣлъ судія, осудившій Апостола на смерть.

(20) См. приложенный чертежъ № 2.

(21) Называемъ его на сей разъ Ликодимомъ, а не Никодимомъ :
 потому что изъ путешествія Спона узнали, что за 200 лѣтъ

повъ алтаря, на мѣсто конхъ имѣеть отдѣльную четырехугольную комнату во всю ширину центральной части здания. И то и другое говоритъ, что едва ли когда это могла быть Православная церковь. Обиліе внѣшнихъ украшеній и совершенное отсутствіе ихъ внутри еще болѣе обличаютъ ея не-Христіанское происхожденіе. Вѣроятно, это была попытка Турецкихъ архитекторовъ построить свой молитвенный храмъ въ господствовавшемъ въ Греціи церковномъ стилѣ, подобно тому, какъ великолѣпныя мечети Константинополя были подражаніемъ господствовавшему тамъ стилю Св. Софіи. Не много нужно приложить денегъ, усердія и умѣнія къ тому, чтобы церковь Пандократора получила чистый и изящный характеръ древнихъ церквей Востока. Первый взглядъ на планъ его можетъ убѣдить въ томъ всякаго. На мѣсто того, чтобы поддержать достойное поддержки, жители города, къ сожалѣнію, предпочитаютъ воздвигать вновь то, чего самъ Богъ, по-видимому, не хочетъ поддерживать. Въ нижнемъ городѣ теперь есть три церкви новой постройки, изъ конхъ двѣ еще не кончены. Всѣ онѣ имѣютъ планъ большой залы съ рядами колоннъ по сторонамъ, и снаружи весьма не изящны. Изъ нихъ — самая большая и странная до безобразія — церковь Богоматери нѣсколько лѣтъ тому обрушилась, и Архитекторы признаютъ невозможнымъ поправить ее. Церковь Благовѣщенія (она же и Св. Николая), во время нашего посѣщенія приходившая къ концу, кажется, будетъ

онъ назывался такъ. Если успѣемъ отыскать болѣе древнее его названіе съ именемъ Никодима, то отдадимъ предпочтеніе послѣднему.

величественна. Церковь же Св. Апостола Андрея (о которой упоминаемо было выше) заставляетъ сожалѣть, что она покрываетъ собою священное мѣсто страданія и погребенія Апостола. Въ ней и колонны и потолокъ деревянные: этого довольно сказать, чтобы ничего не сказать въ ее пользу. Надобно удивляться, какъ Греки, при своей, известной міру нелюбви къ Риму, стремятся подражать ему въ народированіи его базиликъ, и забываютъ свое отеческое наследіе — изящество чистое и совершенное! Вообще Патрасъ не отличается хорошимъ церковнымъ вкусомъ. Подобно Триесту и другимъ, чисто-коммерческимъ городамъ, въ немъ первое дѣло — интересъ, второе — комфортъ, третье — политика, развѣ пятое — вкусъ, и развѣ десятое — вкусъ церковный. Достаточно было дня, чтобы обозрѣть городъ съ предположенной нами точки зрѣнія. Но мы пробыли въ немъ цѣлую недѣлю, удержанные болѣзнію одного изъ нашихъ спутниковъ, которая получила было характеръ опасный, связала всѣмъ намъ руки, и — что всего досаднѣе — разстроила планъ нашего путешествія, заставивъ насъ отложить до другаго времени поѣздку на Югъ. Не удалось намъ и отслужить Божественной Литургіи вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Архіепископомъ къ его и нашему сожалѣнію и неудовольствію всего города. Преосвященнаго, только-что возвратившагося изъ поѣздки по Епархіи, еще въ горахъ захватила лихорадка, которая вскорѣ и уложила его постель, на коей мы его и оставили. Послушавшись его отеческихъ совѣтовъ и вопіющихъ нуждъ своего положенія, мы рѣшили возвратиться назадъ въ Аѳины съ парходомъ, чтобы на низкихъ и открытыхъ берегахъ Пелопониса, подъ жгучими лучами солнца, не потерпѣть того, что нѣсколько лѣтъ тому въ Дельфахъ

испыталъ Археологъ Миллеръ, презрѣвшій совѣты и умершій отъ воспаления въ головѣ. Въ послѣдній день мы еще разъ обозрѣли не многія достопримѣчательности города, между прочимъ заглянули и въ одни развалины Римскаго времени, похожія, по-видимому, на стѣнны водопровода, и на-угадъ называемыя дворцомъ древняго Правительства, въ которомъ по этому гаданію Св. Апостолъ долженъ былъ понести осужденіе на смерть.

4 Августа мы оставили Патры. Дюйдовъ пароходъ повнесъ насъ обратно по Левантскому заливу, представляющемуся большимъ озеромъ, обрамленнымъ отсюду горами. Пароходъ, на пути въ Лутраки, останавливается въ трехъ мѣстахъ: разъ на Южномъ и два раза на Сѣверномъ берегу залива. Скоро мы проѣхали такъ-называемыя ворота Греціи или проливъ между мысами Морейскимъ и Румелійскимъ. На томъ и другомъ возвышаются крѣпости съ зубчатыми стѣнами и бастіонами. Грустное впечатлѣніе на душу производятъ онѣ своимъ одинокимъ и совершенно открытымъ на песчаныхъ косахъ прибрежья положеніемъ. Вѣроятно, нѣкогда онѣ имѣли значеніе стратегическое; теперь же служатъ государственными тюрьмами Греціи. «Бѣдный Христофоръ!» сказалъ возлѣ меня шепотомъ одинъ изъ пассажировъ - Грековъ. Восклиданіе его относилось къ извѣстному народному проповѣднику, монаху Христофору Папулаки, засаженому въ одну изъ сихъ крѣпостей — въ ожиданіи послѣдняго суда. Въ истекшемъ Іюнѣ онъ былъ вызванъ въ Аены на судъ присяжныхъ, и когда объявленъ былъ день суда, стеченіе народа было такъ велико, что Правительство отложило судъ, а ви-

новнаго опять отправили сюда. Положено было судить его въ Патрахъ. Неудачный выборъ. Жители Патръ несравненно болѣе одушевлены чувствомъ народности и Православія, чѣмъ космополиты Аѳиняне, и болѣшая часть ихъ суть пришлецы съ Седмиостровія, гдѣ дышитъ самый чистый и теплый духъ Греческій, труднѣе парализуемый чужеземнымъ вліяніемъ, чѣмъ въ свободной Греціи. Первый привалъ парохода былъ въ Навпактѣ. Городъ этотъ, знаменитый въ Средніе вѣка, носилъ разныя названія. Былъ извѣстенъ подъ именемъ Эпакта, Лепанта, Леванта. Послѣ упадка Коринѳа, онъ былъ первымъ торговымъ мѣстомъ залива, и далъ ему свое имя. Въ настоящее время, подобно многимъ другимъ городамъ Греціи, оживлявшимся прежде Турецкимъ народонаселеніемъ, онъ носитъ на себѣ печать разрушенія. Полуснесенныя минареты полуразрушенныхъ мечетей рисуются на первомъ планѣ Навпакта. Положеніе его довольно живописное, на склонѣ горы, подъ охраненіемъ сильной нѣкогда крѣпости. По новому политическому распредѣленію Греціи, Навпактъ сдѣланъ областнымъ городомъ, и начинаетъ мало-по-малу поправляться, но едва ли уже будетъ когда-нибудь первенствовать въ соименномъ ему заливѣ. Спонъ упоминаетъ, что нѣкогда Митрополитъ Арты имѣлъ каедру свою въ Лепантѣ. Въ его время, кажется, Лепантъ входилъ въ одну изъ подвластныхъ Митрополиту Артскому Епархій. По послѣднему церковному раздѣленію Греціи, весь номъ Этоліи и Акарнаніи раздѣленъ на двѣ Епархіи: Миссолонгскую и Навпактскую. Первая имѣетъ титулъ Архіепископіи, вторая — Епископіи. Епископъ послѣдней живетъ въ Навпактѣ. Въ настоящее время Епископъ Навпактскій есть самый молодой изъ Святителей Греціи.

Шумъ колесъ парохода перервалъ нить мыслей моихъ въ виду Леванта. Мы поплыли далѣе. Съ помощію трубы я искалъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь древнихъ церквей въ городѣ, — памятниковъ его прежняго величія; но двѣ или три, отысканныя мною, не казались принадлежащими къ эпохѣ Византійской. Вниманіе мое привлекали какія-то развалины за городомъ, надъ берегомъ, но и онѣ не были тѣмъ, чего я искалъ. Черезъ часъ мы остановились у праваго берега передъ Востицею, древнимъ *Αἴγιον*. Съ моря городъ казался довольно красивымъ. Древностей ни языческихъ, ни Христіанскихъ особенно примѣчательныхъ въ немъ не слышно. Омировская слава *Ἔϊα* давнымъ давно исчезла изъ памяти людской. Средневѣковая Востица была, безъ сомнѣнія, далеко болѣе и важнѣе теперешней. При всемъ томъ Востица теперь есть лучший городъ въ Калавритской области, и, конечно, со временемъ будетъ первый на всемъ заливѣ, какъ складочный магазинъ коринки (мелкаго изюма, по-Гречески *σαφίς* или *σαφίδα*), торговлею коею почти исключительно живетъ и оживляется заливъ. Часа черезъ два пароходъ вошелъ въ заливъ Галаксидскій (22), и остановился передъ такъ-называемой *Ска̀ла* (*di Salona*). Это третій и послѣдній его приворотъ. *Салона* есть названіе близлежащаго города Амфисса, данное ему въ Венеціанскую эпоху. Ска̀ла или лѣстница означаетъ пристань этого города. Она состоитъ изъ двухъ-трехъ хижинъ, бѣдныхъ, неопрятныхъ и крайне неудобныхъ для помѣщенія. Здѣсь нельзя рассчитывать ни на малѣйшій отдыхъ. Въ парходные дни,

(22) Городокъ *Галаксиди* едва ли не замѣчательнѣе всѣхъ другихъ на заливѣ. Жители его имѣютъ болѣе 400 купеческихъ судовъ.

какъ на Коринѳскомъ перешейкѣ, бываетъ здѣсь довольно наряда съ окрестныхъ мѣстъ. Ослы, мулы и лошади обыкновенно всегда готовы къ услугамъ путешественниковъ. Дорога отъ Скалы расходится по двумъ направленіямъ: влево — въ Амфиссу, вправо — въ Дельфы. Мы избрали послѣднее направленіе. Черезъ два часа мы достигли селенія Хриса. Опустѣлая, малая церковь Византійскаго стilia неподалеку отъ селенія прежде всего привлекла наше вниманіе. Она неоспоримо свидѣтельствовала о минувшей значительности Хрисы. Проѣхавъ селеніе, мы осмотрѣли развалины другой церкви — *кафедральной*, какъ ее называютъ. Постройка ея должна быть очень давняя. Кладена она изъ большихъ тесаныхъ камней — остатка какого-нибудь древняго языческаго храма. Внутри ея еще стоятъ двѣ-три мраморныя колонны, и по стѣнамъ видны кое-гдѣ остатки фресковой иконописи. Впрочемъ, малые и тѣсные размѣры ея не совсѣмъ согласуются съ ея громкимъ названіемъ. Между тѣмъ названіе это доставило намъ удовольствіе узнать, что селеніе Хриса было нѣкогда городомъ Епископальнымъ, и называлось *Крисса*, послѣ чего намъ оставалось перенестись мыслию къ древнѣйшимъ временамъ Греціи, когда Криссыяне играли очень значительную роль въ тогдашней политикѣ, и своимъ сильнымъ вліяніемъ на сосѣднее прорицалище часто имѣли вѣсть не по заслугамъ. Продолжая путь, мы все выше и выше взбирались по косогорью. Вправо подъ ногами нашими вилась усаженная маслинами узкая лощина, орошаемая почти невиднымъ сверху ручейкомъ. Это была *священная роща* Аполлона. Напоющій ее ручей есть Плейсть (πλειστής); а самая гора, по коей мы ѣхали — Парнасъ. Съ дѣтства знакомыя и близкія душѣ имена эти несли теперь въ

нее самая свѣтлая, чистая и плѣнительная воспомина- ния. Воображеніе усиливалось воскресить все, что Исторія связываетъ съ именемъ Парнаса. Здѣсь сосредоточилась религіозная жизнь древней Греціи; сюда собиралась она вся вопрошать волю боговъ. Та тропинка, по которой мы теперь взбирались, была свидѣтельницею самыхъ чудныхъ состояній души человѣческой. Еслибъ она могла отвернуть уста, и рассказать намъ то, что она видѣла и слышала, то ученый міръ нашъ, можетъ быть, удивился бы, увидѣвъ столь знакомую ему Грецію вовсе въ незнакомомъ видѣ. Простая, теплая, живая, историческая вѣра древнихъ Грековъ обличила бы во лжи и соверщенной не-пригодности къ древнему быту человѣчества ту идеально-разумную, произвольно вымышленную философскую систему язычества, выдаваемую за древнюю вѣру Грековъ. Любимецъ Греческой фантазіи, Віотійскій пастухъ—Поэтыгерой, между другими подвигами усѣившій умертвить страшнаго Писона Парнаскаго, вѣзалъ въ память Грековъ этотъ чисто-народный фактъ ихъ удалства чертами высокой, священной признательности. По системѣ чело-вѣкообожанія, господствовавшей въ то время надъ умами чело-вѣческими, Аполлонъ по смерти сталъ божествомъ, сперва мѣстнымъ, потомъ повсемѣстнымъ въ Греціи. Исторически, безъ сомнѣнія (а не идеально), отъ Писона сдѣланъ былъ потомъ переходъ къ Писою. Явившійся вдохновеннымъ при жизни, Аполлонъ сталъ божествомъ вдохновенія по смерти. Открылся для Грековъ живой и видимый (и всего важнѣе—своемародный, домашній) путь бесѣдованія съ небомъ. Удивительно ли, что вся Греція шла поклоняться, ваяться и умирать подъ сѣнію священныхъ горъ Аполлоновыхъ—Парнаса, Геликона и Киверона. Здѣсь

онъ жилъ, игралъ, пѣлъ— любимый образъ Греціи. Здѣсь онъ и по смерти продолжалъ жить и говорить тѣмъ же языкомъ сладкимъ и вдохновеннымъ. И тысячи народовъ ежедневно шли къ прорицалищу Аполлонову, имъ жили и имъ живили всю Грецію. Ни Критскій Зевсъ, ни Аѳинская Аѳина, ни Египетская Церера, ни Индійскій Діонисъ не укрѣпились такъ прочно на религіозной почвѣ Греціи, какъ туземецъ ея Аполлонъ. Надобно думать, что мѣстомъ смерти и погребенія его были Дельфы, куда стекались нѣкогда со всей Греціи искать себѣ послѣдняго покоя земнаго набожные люди. По мѣрѣ приближенія нашего къ древнему святилищу, намъ открывались ряды высѣченныхъ въ скалѣ могильныхъ пещеръ. Трогательная приверженность къ своему, хотя и ложному, божеству. Были уже сумерки, когда передъ нами открылся полукругъ Дельфъ съ двумя пирамидальными скалами и ущелиемъ между нихъ. Чудное мѣстоположеніе! Какъ было не пѣняться имъ древнимъ Грекамъ! Двѣ скалы эти составляютъ одинъ изъ уступовъ Парнаса. Надъ ними возвышается другой гигантскій этажъ скалъ съ зубчатою окраиною (*Πετρίτις*), и за тѣмъ уже идутъ въ небо голые верхи (*Λιάκουρα* — древняя Левкорія, отъ λευκὰ ἔρη). Ни вторыхъ, ни третьихъ высотъ изъ Дельфъ не видно. Скалы имѣютъ красновато-сѣрый цвѣтъ и издали кажутся грозно нависшими надъ селеніемъ. Не лѣзя видѣть изъ Дельфъ, какъ далеко идетъ ущелье въ глубь горы. Полуостертые ступеньки на загромождающихъ въ него входъ камняхъ показываютъ, что въ старину посѣщали его гораздо далѣе теперешняго. Изъ-подъ камней течетъ прекрасная вода, въ самомъ ущельѣ раздѣляющаяся на двѣ струи, изъ коихъ лѣвая собирается въ четырехугольный продолговатый бас-

сейнъ, служившій нѣкогда купальницею Пивеи, а правая сводится въ фонтанъ, устроенный, вѣроятно, въ позднѣйшія времена. Эта-то струя воды и составляетъ знаменитый *Кастальскій источникъ*. Бассейнъ придѣланъ къ скалѣ, въ этомъ мѣстѣ ровно и гладко обтѣченной въ видѣ стѣны. Три ниши на сей стѣнѣ знаменуютъ мѣсто древняго святилища. Болѣе широкій и глубокій изъ нихъ теперь обращенъ въ малую церковь, или, лучше, въ алтарь во имя Св. Іоанна (вѣроятно, Богослова). На этомъ, какъ думаютъ, мѣстѣ стоялъ славный треножникъ, съ котораго объявлялась воля боговъ народамъ и царствамъ. По теченію Кастальскаго источника, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, полагаютъ мѣсто знаменитаго храма Аполлонова. Теперь на немъ, или по близости его, стоитъ малый монастырь, приписанный къ горнему монастырю Парнасскому, называемому Іерусалимомъ. Церковь монастыря—Византійской эпохи, съ куполомъ, поддерживаемымъ четырьмя мраморными колоннами. Иконопись, впрочемъ, вся прошлаго вѣка. Въ монастырской оградѣ собрано значительное количество обломковъ древнихъ мраморныхъ украшеній. Ни одного между ими мы не нашли съ признаками Христіанскаго времени. Въ селеніи, называемомъ теперь Кастри, также мы не узнали ничего въ этомъ родѣ любопытнаго. Перемечтавши въ теченіе безсонной ночи, въ прохладѣ горняго вѣтерка и при мерцаніи луны, все, что говорили Дельфы умы, воображенію и сердцу, мы рано утромъ оставили ихъ. Дорога по прежнему шла косогорьемъ. На значительное разстояніе насъ сопровождали по пути могильныя пещеры въ скалѣ. Одна изъ нихъ имѣетъ странную фигуру запертой двустворчатой двери, образующей по срединѣ крестъ во всю высоту ея. Глубокія и широкія трещины по

ней, неизвѣстно какъ и когда образовавшіяся, даютъ поводъ Дельфійскимъ доморощеннымъ Археологамъ думать, что отсюда былъ когда-то входъ въ подземелье, имѣвшее назначеніемъ своимъ кое въ чемъ помогать пророчесственному духу Пифіи. Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ болѣе и болѣе поднимались до того, что заслонявшая намъ Южный горизонтъ сосѣдняя гора Кірфонсъ сравнялась съ нами, и передъ нами открылась великолѣпная панорама горъ Ахайскихъ по всему ихъ протяженію отъ Коринтскаго перешейка до Левантскаго пролива, возвышавшихся надъ общимъ уровнемъ тремя главными купами: Зиріей, Хелмосомъ и Войдией. Между двумя послѣдними тонули въ отдаленной синевѣ неба зубцы Оленоса. Нѣтъ сомнѣнія, что съ вершины Парнаса (7.570 ф.) видѣтъ былъ бы и соперникъ его по высотѣ, царствующій надъ Целопонисомъ Тайгетъ (7.415 ф.). Не удивительно, что на Парнасѣ жило нѣкогда божество вдохновенія. Достаточно увидѣть всю эту неизобразимо высокую и чудную картину, чтобы возвыситься духомъ и пѣть. Часа черезъ два пути мы проѣхали черезъ Арахову, едва ли не самый высокій изъ городовъ Греціи, и потомъ стали спускаться въ долину Плиста. Часа полтора ѣхали мы ею между Парнасомъ и Кирфисомъ. Первый стоялъ голою скалою, послѣдній весь до верха одѣтъ былъ лѣсомъ. Проѣхавъ долину, мы поворотили вправо въ лице Геликону, и веселыми равнинами черезъ часъ пути доѣхали до малаго селенія Стири, пользующагося теперь не совѣмъ хорошею славою за свой разбойническій духъ, но имѣвшаго нѣкогда великую славу дать свое прозваніе Праведнику, просіявшему добродѣтелию и чудесами на всю Церковь. Съ часъ времени потомъ мы употребили на то, чтобы отыскать его мирную обитель.

Съ каждою минутою возрастало мое нетерпѣніе быть на этомъ археологическомъ праздникѣ для меня. Предстояло увидѣть то, что самаго лучшаго имѣеть Греція изъ своихъ Христіанскихъ древностей, и что, можетъ быть, занимаетъ самое близкое мѣсто возлѣ Св. Софіи Цареградской, — церковь Св. Луки *Элладскаго*, или по-Гречески *Стирійскаго*.

Для любопытствующихъ знать, кто былъ Св. Лука, когда жилъ и пр. довольно подробныя свѣдѣнія можно указать въ житіи его (Чет. Мис. Февр. 7), переведенномъ съ Греческаго подробнѣйшаго жизнеописанія. Тамъ говорится, что онъ за 7 лѣтъ до блаженной кончины своей переселился на одно мѣсто красно, Сотирие (Стири) именуемое и основалъ тамъ монастырь. Претороначальникъ Аттики, движимый любовію къ нему, выстроилъ ему и церковь во имя Св. Великомученицы Варвары. Приближаясь къ кончинѣ, Святой прорекъ о томъ, что Богъ прославить мѣсто жительства его въ славу своего святаго имени, и велѣлъ себя погребсти въ той келліи, гдѣ жилъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ успенія его, въ монастырь его пришелъ нѣкто монахъ Косма, вынулъ изъ земли нетлѣнное и чудотворное тѣло Святаго, и келлію его превратилъ въ церковь. Вотъ все, что говорится въ житіи Св. Луки о его обители. Въ настоящее время трудно узнать, гдѣ была эта древнѣйшая церковь Св. Варвары. Теперь симъ именемъ называется нижній, подземный этажъ церкви Св. Луки, гдѣ указывается и гробъ Преподобнаго. Вѣроятно, по выстроеніи сей церкви, Варваринская была уразднена, и имя ея передано церкви, устроенной въ келліи Святаго монахомъ Космою. Теперь въ монастырѣ двѣ прекрасныя церкви, пристроенныя одна съ боку дру-

гой. Бѣольшая изъ нихъ и главная въ монастырѣ носитъ имя Св. Луки, меньшая — имя Божіей Матери. Съ перваго раза видно, что первая древнѣе второй. Она большею частію складена изъ остатковъ древняго какого-то зданія, какъ думаютъ — храма Артемиды (Діаны), находившагося недалеко отъ монастыря. Она выстроена по тому же плану, по какому и Аѳинскіе храмы Ликодимъ и Дафни, съ небольшими уклоненіями и въ значительно бѣольшихъ размѣрахъ. Подобно Ликодиму, она имѣетъ внутри кругомъ хоры, и подобно Дафни, въ нижней галереѣ, въ углахъ центральнаго четырехугольника, — четыре замкнутыя комнаты. Величественно возвышается опирающійся на 12 столбахъ полусферическій куполъ, съ небольшимъ въ четыре сажени шириною, и, по замѣченному уже нами прежде странному явленію, кажется несравненно бѣольшимъ своей истинной величины. 16 оконъ, вѣроятно, производили бы чудесный эффектъ, если бы больше половины ихъ не было задѣлано по напрасному страху отъ Сѣверо-Восточныхъ вѣтровъ. Весь параллелограмъ церкви отъ притвора до алтаря украшенъ съ великолѣпіемъ храмовъ Св. Софій и Св. Марка, т. е. отъ полу до подсводнаго карниза одѣтъ по столбамъ разноцвѣтными краморными плитами. Отъ карниза и выше по сводамъ, аркамъ, угловымъ впадинамъ и по всему куполу онъ былъ одѣтъ золотою мозаикою съ множествомъ мозаическихъ иконъ весьма изящной работы. Отъ вѣтровъ и дождей, а вѣрнѣе — отъ небреженія о прочности и исправности крыши, къ сожалѣнію, вся мозаика купола давно обвалилась. Она была замѣнена позолотою и нехудой кисти иконами промежду оконъ; но по тѣмъ же причинамъ украшенія сіи теперь весьма повреждены. Въ бытность нашу

въ монастырѣ, заботливый Игумень покрывалъ куполъ свинцомъ, и тѣмъ предохранялъ церковь отъ дальнѣйшаго неминуемаго разрушенія. Не смотря на всѣ наши убѣдительныя просьбы, старецъ не хотѣлъ открыть оконъ ни въ куполѣ, ни въ галереяхъ: отъ того столь свѣтлая по плану церковь всегда будетъ казаться мрачною, все удивительное богатство ея мраморныхъ и мозаичныхъ украшеній будетъ скрываться въ тѣни, и требовать пособія свѣчи для того, чтобы быть видимымъ. По древнему обычаю, въ церкви одинъ только престолъ. Сдѣланные въ позднѣйшее время три малые престола на хорахъ дождаются искусной руки, чтобы не безобразить собою болѣе первоначальнаго плана церкви. Алтарь также, по древнему обычаю, на одной высотѣ съ церковію; только горнее мѣсто имѣетъ къ себѣ трехступенное полукругомъ сѣдалище. Входящія въ линію алтаря оконечности галерей обращены: правая — въ кладовую, а лѣвая — въ проходную между двумя церквами комнату; послѣдняя въ прежнее время назначалась также для больныхъ, искавшихъ исцѣленія у мощей Святаго, коего рака находилась впереди ея между столбами. Притворъ весь также украшенъ великолѣпно мраморомъ и мозаикою. Спереди притвора, во всю длину его и въ половину высоты церкви, находится другой притворъ, кажется, нѣсколько позднѣйшей постройки, соединяющійся съ первымъ тремя дверями и тремя же выводящій на ограду монастыря, изъ коихъ двѣ находятся по бокамъ и одна спереди, предназначенная быть главною, но остающаяся теперь совершенно безъ употребленія. Притворъ сей не имѣетъ въ себѣ никакихъ украшеній, ни скульптурныхъ, ни живописныхъ. Угловья части нижней галереи, не

имѣющія въ себѣ ни мраморовъ, ни мозаики, покрыты одною иконописью по штукатуркѣ, большею частію посредственнаго достоинства: верхняя же галерея (хоры) не имѣетъ и сего украшенія, или, можетъ быть, оно когда-нибудь и было, но рука времени и варварства сгладила его. Мѣстами кое-гдѣ проглядываютъ изъ-подъ грубой штукатурки краски, что можетъ служить подтвержденіемъ послѣднему предположенію. Окна въ церкви почти вездѣ двойныя, раздѣляемыя по срединѣ мраморною колонною, за исключеніемъ пяти оконъ на хорахъ, которыя — тройныя. Всѣ они весьма велики, и на хорахъ идутъ съ самаго пола. Замѣтно, что во всѣхъ были нѣкогда мраморныя оконницы, въ нижнихъ частяхъ вмѣсто стеколъ имѣвшія тонкія мраморныя плиты, которыя при солнечномъ свѣтѣ дѣлались прозрачными. Плиты эти съ наружной стороны украшены рѣзбою, часто весьма изящною. Вообще же можно сказать, что церковь преизобилуетъ богатствомъ матеріаловъ внутри; наружность же ея величественна, и болѣе ничего. Совсѣмъ другое надобно сказать о церкви Богоматери. Здѣсь наружность чрезвычайно украшена, внутренность же совершенно бѣдна, — по крайней мѣрѣ такою представляется теперь. Съ давняго времени церковь эта стоитъ опустѣлою. Въ малѣйшей части ея сохраняется остатокъ фресковой, удивительно свѣжей иконописи. Все прочее покрыто неокрашенною штукатуркою. По остаткамъ мраморнаго иконостаса можно заключать, что цѣлое было образцемъ Византійскаго Ваявія. Полъ украшенъ богатою мраморною мозаикою. Планъ церкви общій всѣмъ малаго размѣра древнимъ церквамъ Греціи: четыре мраморныя колонны поддерживаютъ стоячій куполъ; прочія части затѣмъ располагаются уже сами собою. Притворъ также

имѣть двѣ колонны по срединѣ, образующія поверхъ себя семь арокъ и шесть сводовъ. Колонны какъ въ церкви, такъ и въ притворѣ, все цѣльныя и весьма изрядной высоты. Капители ихъ украшены отлично тонкою рѣзбою съ красками и позолотою. Впрочемъ какъ въ постройкѣ, такъ и въ украшеніяхъ этой весьма замѣчательной церкви видна какая-то странная неправильность. Одна изъ подкупольныхъ колоннъ представляется вышедшею изъ образуемаго ею съ другими квадрата; линіи помостовыхъ украшеній не идутъ въ параллель съ линіями стѣнъ, и полъ во многихъ мѣстахъ покособился такъ, что причиною тому надобно предполагать особенное обстоятельство. Можетъ быть, на это имѣло вліяніе близкое сосѣдство бьющаго изъ земли ключа (находящагося въ Сѣверной оконечности вѣшняго притвора церкви), ради котораго, какъ кажется, выстроена и самая церковь. Двѣ церкви эти можно счесть образчиками двухъ стилей церковной Архитектуры Греціи, а монастырь Св. Луки назвать ея училищемъ. И та и другая— каждая въ своемъ стилѣ— суть наибольшія по размѣрамъ и наилучшія по украшеніямъ во всей Греціи.

Кто были строителями сихъ прекрасныхъ памятниковъ Византійскаго Зодчества? Въ монастырѣ всеѣмъ и каждому отвѣчаютъ на это: большой церкви строителемъ былъ Императоръ Романъ, меньшей — Императрица Теофанія. Спонъ говоритъ, что онъ видѣлъ въ монастырѣ une *vielle rancarte*, въ которой говорилось объ основаніи монастыря. Теперь ничего подобнаго въ немъ не находится. Одинъ изъ старцевъ доставилъ намъ выписку, сдѣланную имъ изъ древней рукописи (23) Святогорскаго

(23) Рукопись эта содержитъ въ себѣ описаніе построенныхъ Императорами зданий, и должна быть весьма любопытна.

Иверскаго монастыря, историческаго содержанія, въ которой о монастырѣ Св. Луки говорится слѣдующее. Императоръ Романъ *Старшій*, набирая войско въ Греціи — съ цѣлю пойти войною на Критъ, которымъ овладѣли Турки, дошелъ до города Ливадіи. Здѣсь услышалъ онъ о Св. Лукѣ, и вознамѣрился посѣтить его въ видѣ охотника. Святой узналъ его, и принялъ, какъ Царя. Пораженный этимъ, Романъ просилъ его помолиться Богу о помощи противъ Турокъ; но Святой сказалъ ему, чтобы онъ не трудился напрасно; что онъ Крита не возьметъ, а что возьметъ его внукъ его Романъ. Царь послушался Святаго, оставилъ намѣреніе свое, и предложилъ ему просить у него всего, что онъ захочетъ. Святой просилъ выстроить въ скитѣ его малую церковь. Царь немедленно приказалъ готовить матеріалъ къ тому, и возвратился въ Константинополь. Вскорѣ прислалъ онъ и матеріалъ и мастеровъ для постройки. Въ числѣ присланныхъ вещей находились и девять драгоценныхъ камней, которые и положены были мастерами съ великимъ искусствомъ иные въ колонны (?) Св. иконъ, иные по угламъ (??), иные въ большія мраморныя стоялки на верхъ (*ἐπάνω εἰς τὰ μέγιστα σασίδια τὰ μαρμαρένια*). «И совершилась такимъ образомъ — сказано въ рукописи — эта столь знаменитая, чудная, великолѣпная и истинно царская церковь, подобной коей — говоримъ истину, безъ всякаго преувеличенія — не находится теперь ни на Святой Горѣ, ни въ другомъ какомъ мѣстѣ Греціи. Надобно же знать и то, что въ позднѣйшія времена Папа послалъ изъ Рима (кого?), и обнажилъ вышесказанную церковь, и взялъ не только Св. мощи Преподобнаго Луки, бывшія цѣлыми и источавшія постоянно миро, но и вышеупомянутыя многоцѣнныя камни, и чудный Св. пре-

столъ, и великія прекрасѣйшія врата церкви, и все унести въ Римъ, какъ мы имѣемъ объ этомъ одно древнее преданіе».

Судя по словамъ Синаксариста Св. Горы, Св. Лука родился въ 920 году. На 17 году жизни своей онъ оставилъ домъ родителей, 7 лѣтъ жилъ на горѣ Іоанницѣ, 10 лѣтъ провелъ въ Патрахъ, почти столько же снова на той же горѣ, три года на островѣ Ампильтъ и наконецъ 7 лѣтъ на горѣ Стири, гдѣ и преставился. Романъ Старшій, прозываемый Лакапинъ или Лекапинъ (*Λεκαπηνός*), вступилъ въ управленіе Имперіей въ 924 году; въ 944 г. былъ постриженъ въ монахи, и въ 946 умеръ. Слѣд. онъ умеръ тогда, какъ Святому Лукѣ было только 24 года, и онъ еще не жилъ на горѣ Стири, гдѣ построенъ монастырь. Какъ согласить преданіе съ Исторіей? Если считать недостаточно вѣрную выставленную Синаксаристомъ хронологию Святого, то самое жизнеописаніе его приведетъ насъ къ тому же. Тамъ говорится, что когда Св. Лукѣ было 24 года, онъ бѣжалъ въ Целопонисъ по причинѣ нашествія на Грецію Болгаровъ. Нападенія Болгаровъ на Имперію начались при Императорѣ Львѣ Мудромъ, и продолжались во все царствованіе сына его Константина, и слѣд. во все правленіе Романа. По-на живъ былъ Царь Болгарскій Симеонъ, нападенія Болгаръ возобновлялись разъ 6 или 7, но никогда не простирались за предѣлы Фракіи и Македоніи. При преемникѣ Симеона, Петрѣ, Болгары не воевали. При Самуилѣ опять начались набѣги, изъ коихъ два простирались до Элады и даже до Пелопониса. Судя по образу разказа Кедрина, кажется, надобно заключить, что первый набѣгъ былъ вскорѣ по воцареніи Самуила (вступившаго на престолъ уже

послѣ смерти Цимисхія † 976 г.), когда онъ, какъ добычу, взялъ изъ Лариссы мощи тамошняго Епископа Св. Ахиллія, и возвратился домой побѣдителемъ, а второй набѣгъ былъ нѣсколько позже, когда Самуилъ разбитъ былъ Магистромъ Никифоромъ Ураномъ на берегахъ Сперхія, въ Этоліи. О первомъ Кедринъ говоритъ послѣ избранія на престолъ Патріаршій Николая Хрисоверга, въ 983 г., о послѣднемъ — по избраніи на его мѣсто Сисинія, въ 995 г. Въ обоихъ случаяхъ время Романа значительно должно предварять время Св. Луки. Самое преданіе монастыря о Романѣ ктиторѣ не всегда передавалось съ одинаковою точностію и опредѣленностію. Назадъ тому 200 лѣтъ Спону говорили въ монастырѣ, что строителемъ церкви былъ Романъ, сынъ Константина VII и внукъ Льва, прозваннаго Философомъ: слѣд. Романъ *Младшій* († 963), а не Старшій (24). Игуменъ, кромѣ того, водилъ путешественника въ нижнюю церковь, и показалъ ему двѣ гробницы, которыя назвалъ гробницами этого Императора и супруги его. Извѣстіе о строителѣ церкви, передаваемое съ такою опредѣленностію, по-видимому, должно бы заслуживать вѣроятіе; но то же самое хронологическое затрудненіе встрѣчается и при имени Младшаго, какое встрѣчалось при имени Старшаго Романа. Развѣ признать упоминаемое въ житіи Святаго нашествіе Болгаръ за одно изъ бывшихъ при Симеонѣ, а не при Самуилѣ: тогда, естественно, время Святаго отодвигается назадъ цѣлыми 40 или 50-ю годами, и преданіе

(24) При этомъ Спозъ кстати вспоминаетъ, что, въ бытность свою въ Константинополѣ, онъ видѣлъ гдѣ-то на стѣнахъ его надпись: τῆς Ῥωμαίων μέγαν ἑγείρε Ῥωμανὸς νεόν (вмѣсто νεόν) πατριάρχου καὶ πύρου ἐκ βαδρών, и прибавляетъ, что онъ только въ монастырѣ Св. Луки разгадалъ эту надпись. Едва ли разгадалъ.

монастыря о ктиторѣ Романѣ хорошо связывается съ именемъ Романа Младшаго, хотя сей Императоръ царствовалъ только три года, былъ очень молодъ и велъ жизнь вовсе не такую, чтобы думать объ устроении монастырей. Впрочемъ, имя жены его Теофаніи отлично согласуется съ мѣстнымъ преданіемъ, что меньшая церковь выстроена Императрицей Теофаніей. Она, дѣйствительно, могла быть строительницею этой церкви. Странная и многотревожная жизнь ея подъ конецъ была посвящена дѣламъ благочестія. Приятно было бы вообразить, находясь въ прекраснѣйшемъ изъ памятниковъ угасшей Имперіи, что это дѣло рукъ родителей нашей Великой Княгини Анны, просвѣтившей Равноапостольнаго Владиміра, а съ нимъ и всю Русь, Святою Вѣрою. Жаль, что благочестивые и смиренномудрые ктиторы не положили никакого яснаго знака памяти о себѣ въ созданныхъ ими храмахъ. Мы искали сего знака между иконами большой церкви и между кое-какими рѣзными украшеніями по мрамору или мозаичными, но не встрѣтили ни одного Святаго съ именемъ Романа или Теофаніи, и не нашли нигдѣ никакой ни надписи, ни монограммы. Только въ притворѣ, какъ кажется, удалось попасть на нѣкоторые слѣды. Потолокъ его украшенъ изображеніями Апостоловъ и Цѣлебниковъ. Подъ четырьмя наддверными арками его со стороны церкви и съ боковъ изображены четыре событія изъ жизни Иисуса Христа. Подъ средней аркою входной или *красной* двери изображенъ въ колоссальномъ размѣрѣ въ-поясъ Спаситель съ раскрытымъ Евангеліемъ. Изъ трехъ наддверныхъ арокъ западной стѣны, подъ среднею, изображены въ кругахъ пять Свв. Мучениковъ, празднуемыхъ 2 Ноября, подъ сѣвер-

ною—во весь ростъ четыре Свв. Мученицы: Ирина, Екатерина, Варвара и Іуліанія, подъ южною — вверху во весь ростъ Свв. Константинъ и Елена, а внизу въ кругахъ пять Свв. Мученицъ: Анастасія, Фекла, Агаѳія, Февронія и Евгенія. Въ первомъ изображеніи, очевидно, не лѣзя искать какихъ-нибудь *именныхъ* намековъ. Можетъ быть, оно свѣдѣтельствовало собою только о какомъ-нибудь достопамятномъ днѣ изъ жизни ктитора, на-пр. о днѣ его рожденія. Второе изображеніе можетъ быть общаго значенія: такъ какъ Мученицы всѣ суть наиболѣе славныя и чтимыя на Востокѣ. Третье изображеніе, видимо, имѣетъ въ себѣ смыслъ особенный. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что Святые Константинъ и Елена суть Ангелы-покровители Константина Багрянороднаго и жены его Елены—дочери Романа Старшаго и матери Младшаго. Извѣстно, что у нихъ было пять дочерей; и это наилучшимъ образомъ сходится съ изображеніемъ пяти Мученицъ (25). Скорѣе всего строителемъ великой церкви могъ быть, дѣйствительно, Императоръ Константинъ—отличный Ученый и наилучшій Художникъ своего времени. Положеніе его при двадцатилѣтнемъ правленіи Имперіею тестя было самое стѣснительное для политической, и самое благоприятное для художнической дѣятельности. Къ живописи онъ былъ привязанъ страстно. Прекрасныя мозаическія изображенія церкви Св. Луки могли быть собственноручнымъ его произведеніемъ, или, по крайней мѣрѣ, могли быть выполняемы по его ри-

(25) Однакожъ имя одной изъ дочерей Константина, вышедшей замужъ за Цимисхіа, было Θεодора, котораго нѣтъ между именами Мученицъ; напротивъ того именемъ одной изъ нихъ называлась дочь Романа Старшаго— Агаѳія.

сункамъ. Даже этотъ особенный родъ Церковной Архитектуры, великолѣпный и изящный, древнѣйшимъ памятникомъ своимъ (по крайней мѣрѣ въ Греции) имѣющей церковь Св. Луки, могъ быть именно плодомъ творческой способности Багрянороднаго. Мы не отвергаемъ, что Романъ Старшій могъ положить начало дѣлу; но, по трудности и медленности работъ, оно не могло окончиться при Романѣ, — могло даже продолжиться до царствованія Романа Младшаго, и, во всякомъ случаѣ, должноствовало интересовать Константина, какъ Художника. Отзывъ о немъ Кедрина: «посвящать въ даръ святымъ храмамъ великолѣпныя и Христолюбивому Императору приличествующія вещи» также можетъ подтверждать пожертвованіе церкви Св. Луки чудныхъ 9 камней, престола и входныхъ дверей, по преданію серебряныхъ. Старшій Романъ имѣлъ на своемъ попеченіи другой, имъ выстроенный монастырь — Мурилейскій, въ которомъ и похороненъ вмѣстѣ съ женою (Феодорою), старшимъ сыномъ (Христофоромъ) и дочерью (Еленою). Едва ли можно думать, что этотъ монастырь есть одинъ и тотъ же съ монастыремъ Св. Луки. Константинъ похороненъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Львомъ, слѣд. тоже не въ монастырѣ Св. Луки. Романъ Младшій также не былъ погребенъ гдѣ-нибудь вдали отъ Константинополя. Слѣд. преданіе монастыря о томъ, что стоящія въ нижней церкви два каменные гроба суть гробы ктитора церкви и жены его надобно считать требующимъ еще значительнаго подтвержденія, или по крайней мѣрѣ уясненія (26). Во всякомъ случаѣ, эпоха построенія большой

(26) Гробы стоятъ симметрично по бокамъ церкви между столбами. Одинъ изъ нихъ имѣетъ поверхъ себя мраморную доску съ рѣз-

церкви, кажется, не должна выходить за предѣлы царствованія двухъ Романовъ. Принимая же во вниманіе части зданія, общія той и другой церкви, можно заключить, что если большая церковь строилась и ранѣе меньшей (27), планъ сей послѣдней однакожь существовалъ уже тогда въ мысли Архитектора. Кажется, здѣсь кто-то хотѣлъ сдѣлать наглядное сравненіе двухъ церковныхъ архитектурныхъ стилей Греціи, чтобъ имѣть возможность одновременно испытать впечатлѣніе на душу того и другаго. И надобно сказать, что онъ достигъ своей цѣли. Торжественное чув-

ными кругомъ украшеніями, залитыми по углубленіямъ чернымъ составомъ. Доска другаго гроба не имѣетъ никакихъ украшеній. Надписей нѣтъ, равно какъ и никакихъ памятныхъ знаменъ. Бюшонъ мечталъ видѣть въ сихъ гробахъ прахъ двухъ Константинопольскихъ Латваскихъ Императоровъ.

- (27) Надъ входными дверями этой церкви вложена въ стѣну небольшая четырехугольная мраморная плита съ 12-ю строками стиховъ, начертанныхъ большими связными буквами:

Τὰς κλήσεις πάσας φερωνύμως πλετήσας
 Τὰς τε γενικὰς καὶ τὰ ἐκ Βασιλέων
 Ἐν τῷ ἔργῳ με γεύσασθαι σωτηρίας
 Αἱ κλήσεις... μετῆ... βιάσθησαν ἕτως
 Θεόδωρος πρὶν — Θεοδοσίος αὖτις
 Ἀνθύπατος — καὶ ὑπὸ αὐτοῦ μονάζων
 Ὁ πατρίκιος — πατρικῶς ὑπηγμένος
 Ὁ κατεπάνω — κάτω τῶν ὑψαυγμένων
 Ὁ δέστης γε βρύσης — τριχοφόρος
 Οὐδὲν ἐπαγόμενος τῶν ὑπαρξάντων
 Τῆς λάρνακος πλήρης κέδρους ἔδεν ἄλλο
 Τῶν ἐν τῷ βίῳ συγκάλυμμα θανῶσι

Очевидно, это есть надгробіе какого-то Теодора, въ монастырѣ Теодосіа, Аношпата, Патриція, Веста и Миста (одеждохранителя и тапьявика— придворные чины, извѣстные въ IX и X вѣкахъ). Можетъ быть, это былъ Теодоръ— пѣстунъ Багрянороднаго, можетъ быть Теодосій монахъ, котораго Романъ Старшій посылалъ въ городъ Месимирію для мирныхъ переговоровъ съ Болгарами.

ство величія и высоты, испытываемое въ церкви Св. Луки, разрѣшалось у насъ всякій разъ живымъ веселіемъ и восхищеніемъ подъ легкими очертаніями церкви Богоматери, не смотря на то, что первая, въ настоящемъ положеніи своемъ, болѣе похожа на темницу, а послѣдняя на опустѣлую развалину. Каково же долженствовало быть впечатлѣніе, которое онѣ производили первоначально, еще во всей свѣжести и полнотѣ своего изящества и великолѣпія?...

Кромѣ двухъ церквей въ монастырѣ, есть еще трапеза современной имъ постройки; но и внутри и снаружы она до такой степени искажена, что едва можно отыскать въ придѣлкахъ и передѣлкахъ ея древнее устройство. Снаружы она кажется длиною заломъ съ рядомъ большихъ двойныхъ оконъ. Въ настоящее время всѣхъ живущихъ въ монастырѣ съ работниками около 100 человекъ. Игумень имѣеть тѣ же преимущества, что и Мегаспилютскій. Избирается также ежегодно, и отъ того имѣеть мало власти. Уставъ, порядокъ и обычаи — общіе со всѣми Греческими монастырями. Библіотеки нѣтъ. Братія имѣють каждый по малому участку земли съ садомъ или огородомъ. Монастырь весьма богатъ землею, но большею частию не приносящею дохода. Стада козъ, овецъ и коровъ — главнѣйшій источникъ продовольствія братій. Обыкновенно онѣ пасутся на Парнасѣ или Геликонѣ, гдѣ монастырь имѣеть метохи. Есть также масличныя сады и виноградники. Вообще говорятъ, что, при лучшемъ порядкѣ дѣлъ, монастырь могъ бы быть отлично устроенъ, и своими драгоценными памятниками древности и прекраснымъ мѣстоположеніемъ могъ бы привлекать къ себѣ болѣе всѣхъ другихъ монастырей. Не лзя не пожелать ему лучшихъ дней. Обремененное другаго рода дѣлами и заботами,

Правительство не обращает вниманія на этотъ монастырь, и едва ли скоро настанетъ время, когда Греція вступитъ въ живое сочувствіе съ временами своего минувшаго Христіанскаго величія. Для этого нужны такія обстоятельства, которыя однимъ разомъ отдалили бы ее и отъ вліянія Магометанскаго, и отъ воспоминаній древней языческой жизни, и отъ подражанія Западно-Европейскимъ дѣламъ и идеямъ, и отъ многого другаго. Братія монастыря хорошо знаютъ цѣну тому, чѣмъ они обладаютъ, ежегодно видя столько у себя посѣтителей изъ различныхъ частей свѣта; сожальютъ о томъ, что ихъ славные памятники древности не имѣютъ своего надлежащаго великолѣпія, но заняться поддержаніемъ или очищеніемъ ихъ никто не рѣшается. И, кажется, это лучше. Возстановить въ прежнее великолѣпія царское зданіе можетъ только царская щедрость. По соображенію нашему, для этого нужно не менѣе 50,000 драхмъ (около 11,000 р. сер.). Блаженъ, кто будетъ имѣть возможность пожертвовать такою суммою. Онъ возстановитъ лучшую и прекраснѣйшую послѣ Св. Софій церковь Православно-Христіанскаго міра. Радуюсь тому, что нынѣшній О. Игумень монастыря рѣшился наконецъ спасти куполъ, а съ нимъ, конечно, и всю церковь отъ разрушенія, и покрылъ его свинцемъ, а въ то же время желалъ внутренно, чтобы усердіе его не простерлось далѣе. Столь изящныя и столь цѣнныя произведенія Искусства человѣческаго должны быть возобновляемы и украшаемы людьми съ тонкимъ архитектурнымъ вкусомъ и съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, за которое принимаются.

Монастырь, какъ примѣтно, выстроенъ на развалинахъ какого-то древнѣйшаго зданія. Въ нѣсколькихъ де-

сяткахъ шаговъ отъ него видны остатки древнихъ стѣнъ изъ синювато-сѣраго камня. Часть трапезы складена изъ огромныхъ камней бѣлаго мрамора и, вѣроятно, есть нетронутый остатокъ языческихъ временъ. Внизу подъ монастырскою горою и теперь ясно обозначается мѣсто, гдѣ былъ въ древности храмъ Артемиды. Спонъ видѣлъ въ стѣнѣ церкви камень, съ надписью языческаго времени; но мы его не нашли. Прочитали только вставленную въ одномъ мѣстѣ замѣтку о томъ, что храмъ Св. Луки возобновленъ въ 7130 (1622) году, 15 Августа, при Иеромонахахъ Софроніѣ, Теооклитѣ, Митрофанѣ и Симеонѣ. Жаль, что, послѣ многократныхъ искушеній и бѣдъ, претерпѣнныхъ монастыремъ, теперь не сохраняется въ немъ никакихъ ни устныхъ, ни письменныхъ предацій о его мившемъ. Многочисленныя исцѣленія отъ гроба Святаго дѣлали обитель его славною во всей Греціи. Истекавшее отъ св. мощей его миро служило обыкновеннымъ средствомъ врачеванія всякихъ болѣзней. На самомъ мраморѣ смежнаго съ гробницею столба находили часто выступившую маслянистую влагу, которую собирали хлопчатою бумагою и употребляли, какъ врачующее средство. Хотя давно уже остается неизвѣстнымъ, куда и когда взяты мощи Святаго (28), духъ его однакожь всегда присущъ его обителн.

(28) По вышеприведенному свидѣтельству рукописи Иверскаго монастыря, мощи Преп. Луки взяты Папою. Сочинитель Мегасплютскаго Проскинитірія говоритъ, что это былъ Папа Николай, преемникъ Евгенія IV, надѣлавшій столько зла на Св. Горѣ. Между тѣмъ Спону монахи говорили, что мощи Святаго похищены Готами во время одного изъ набѣговъ ихъ на Грецію. Вѣроятное первое. Именемъ Папы Св. Гора едва ли не называется всѣхъ Крестовосцевъ; и похищеніе мощей Св. Луки, безъ сомнѣнія, надобно приписать одному изъ сихъ святотатственныхъ походовъ.

Во время послѣдней войны за независимость Греціи, братія всѣ разбѣжались изъ монастыря; мѣсто ихъ заняли Турки и жили тамъ цѣлый годъ. Не смотря однакожь на то, церкви остались совершенно цѣлыми и неприкосновенными, къ удивленію всѣхъ. Посему понятна увѣренность братій въ томъ, что монастырь ихъ имѣетъ у себя приснаго попечителя, который и безъ нихъ заботится обо всемъ. Послѣ страшнаго землетрясенія 6 Августа, заставшаго насъ за трапезою у Игумена, все желали знать, не потерпѣла ли чего-нибудь церковь, на что Игуменъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ сказалъ: «не бойтесь, и міръ развалится, а церковь стоять будетъ. Ее держать отецъ».

6 Августа мы имѣли счастье служить божественную Литургію въ большой церкви, и въ слѣдующее за тѣмъ Воскресенье, 9 числа, оставили гостепріимную обитель. 6 или 7 часовъ горной дороги прошли для насъ незамѣтно. Чувство удовольствія отъ исполненія давняго желанія моего видѣть столь славную и достопримѣчательную церковь было во мнѣ весьма живо и заставляло забывать и палящій зной солнца и утомительность верховой ѣзды. Мы объѣзжали гору Курела (4,037 ф.), при подошвѣ которой стоитъ Ливадія. Къ вечеру достигли города, подобно Дельфамъ лежащаго подъ навѣсомъ скалъ. Еще разъ возвращаюсь къ убѣжденію, что древняя религія Грековъ выходила если не вся, то большею частію своею, изъ мѣстныхъ причинъ и обстоятельствъ. Верхушка горы, пещера, ключъ, роца — все, что плѣняло чувство, еще свѣжее и вѣрное Природѣ и набожное, привлекало къ себѣ религіозныя преданія, и, однажды ими оживленное, въ свою очередь имъ потомъ давало жизнь и силу. Особенно это надобно сказать о ключе-

вой водѣ, столь дорогой и вождѣнной въ жаркомъ климатѣ и на каменистой почвѣ. Почти съ увѣренностію можно сказать, что $\frac{2}{3}$ ключей въ Греціи имѣютъ при себѣ остатки древнихъ зданій. Преемница простосердечнаго вѣрованія и благоговѣйнаго взгляда на Природу временъ первобытныхъ, — жизнь отшельническая — поддержала древнее обыкновеніе чтить мѣста, особенно чѣмъ-нибудь замѣчательныя. Если не цѣлые монастыри, то уединенныя церкви или часовни повсюду стали стражами чтимыхъ или любимыхъ народомъ мѣстъ съ тѣхъ поръ, какъ статуи боговъ получили назначеніе не освящать, а только украшать собою жилище человѣка, и, будучи дѣломъ рукъ человѣческихъ, естественно уступили свое первенство дѣлу рукъ Божіихъ— Природѣ, а Природа, подъ взоромъ Христіанства, явилась служительницею и истолковательницею воли Божіей. Все это невольно тѣснилось мнѣ въ голову въ виду мѣстъ, бывшихъ нѣкогда столь знаменитыми. Передо мною была славная пещера Трофоніева. Хотя и не надобно много усиливаться, чтобы понять тайну Трофоніевыхъ таинствъ, хотѣлось бы однакожь повѣрить рассказываемое о нихъ какимъ-нибудь живымъ слѣдомъ. Въмѣсто того, пришлось увидѣть только нѣсколько высѣченныхъ въ скалѣ нишей и печурокъ, и внизу ихъ многими ключами обильно бьющій источникъ чистой воды (въ старину имѣвшей два чудныя свойства производить въ пьющихъ ее или забвеніе или припамятованіе минувшаго). Самое мѣсто пещеры еще подлежатъ археологическому изслѣдованію. Ливадія, не смотря на то, что на многихъ картахъ Греціи печатается большими буквами, представляется столь малымъ и ничтожнымъ мѣстечкомъ, что только въ Греціи можетъ заслу-

живать имя города. Есть въ ней четыре бѣдныя церкви, изъ коихъ одна передѣлана изъ мечети. Печать Турецкаго времени еще лежитъ на большей части города. Господствующая надъ нимъ крѣпость доканчиваетъ картину разрушенія, рисующуюся повсюду. Между тѣмъ всѣ согласно увѣряють, что это могъ бы быть однимъ изъ богатыхъ и цвѣтущихъ городовъ, по его счастливому мѣстоположенію и богатымъ средствамъ. По церковному раздѣленію, Ливадія принадлежитъ къ Оивской Епархіи, и есть второй (по доходамъ — первый) городъ ея.

Отъ Ливадіи широко разстилается знаменитая *Віотійская равнина*, представляющая такую рѣзкую противоположность съ общимъ характеромъ Греціи. Въ зимнее время здѣсь можно любоваться картиною нашихъ прекрасныхъ луговъ; лѣтомъ, вмѣсто луговъ, видишь голыя степи. Во всякомъ случаѣ, имѣешь рѣдкое удовольствіе посмотреть на то, что съ малыхъ лѣтъ положило на душу впечатлѣніе родственной близости и чего надобно искать и поискать въ усыпанной горами Греціи. Вмѣстѣ съ мѣстностию и растительность встрѣчаешь знакомую. Вмѣсто маслинъ и лавровъ, видишь Малороссійскіе тополи и осокорь, дорогу опушаетъ ожина, подъ ногами стелется цикорій. Какъ бы нарочно къ увеличенію нашего очарованія, передъ нами пролетѣла сорока. Какъ называется это озеро? — спросили мы нашего проводника. *Топѡля*. А эта деревня вправо подъ горою? *Скрипу*. А эта — лѣво? *Граница*. А тотъ голый гребень, что выставляется изъ-за горы? *Заѡра... Курѣли, Ливадія, Загора, двѣ Границы, двѣ Топѡли, три Горицы, Рѡди, Лѣзи, Кускі, Братцы, Ямполъ, Добрѣла, Вѣтерница*. Гдѣ мы? Не перенесла ли насъ какая невидимая сила въ Россію? Такое обмліе

родныхъ для слуха звуковъ въ глубинѣ Греціи, между Парнасомъ и Геликономъ! Самый Геликонъ, при имени коего воскресаетъ въ представленіи чистѣйшая, древнѣйшая, непримѣсная Греція, называется теперь Загора! — Съ утра до полудня, 10 Августа, мы не могли нарадоваться на свою ровную и мягкую дорогу; съ полудня подъ палящими лучами солнца не разъ пожелали возвратиться въ горы. Издали намъ указали на взгорьѣ нѣсколько бѣлѣвшихся точекъ, которыя и назвали намъ *Ойвами* или Оивою; также какъ Аѳины простой народъ называетъ Аѳиною, Патры — Патрою. Съ нетерпѣніемъ желали мы увидѣть этотъ несчастный городъ. Еще въ монастырѣ Св. Луки мы слышали, что землетрясеніе 6 Августа разрушило его совершенно, такъ что не осталось въ немъ ни одного жилища дома; естественно, мы сочли это преувеличеніемъ. Въ Ливадіи намъ повторили то же самое, и мы отвѣтили тѣмъ же самымъ, т. е. сомнѣніемъ. Даже и подѣзжая къ городу и имѣя уже весь его передъ глазами, мы еще позволяли себѣ шутить надъ легковѣрною молвою; но, вѣхавъ въ главную улицу города, ужаснулись отъ неожиданнаго зрѣлища повсюднаго разрушенія. Справедливо, что не осталось ни одного жилища дома: потому что жители всѣ до одного кочевали около домовъ, боясь, отъ продолжавшихся повсечасно ударовъ, быть погребенными подъ развалинами. Справедливо и то, что не осталось ни одного дома не поврежденнымъ, но совсѣмъ развалившихся было не болѣе десяти, съ выхваченными боками — значительное количество, покрякивавшихся и разсѣвшихся — множество. При внимательномъ осмотрѣ города, такое разрушеніе не показалось намъ слишкомъ удивительнымъ. Постройка вездѣ самая жалкая. Стѣны кла-

дены изъ булыжника, большею частію мелкаго, не только безъ извести, даже безъ глины, на одномъ растворѣ земли съ водою. О фундаментѣ, о связяхъ, объ отвѣсныхъ линіяхъ и не думали. Отъ того часто достаточно бываетъ сильнаго вѣтра, чтобы стѣна или разсѣлась или раздвоилась. Въ страшную минуту трясенія городъ былъ весь во мракѣ отъ пыли, летѣвшей изъ стѣнъ. Изъ пяти церквей, три понесли равную участь съ домами, и между ими такъ-называемая соборная осталась безъ алтаря. Въ неблагопріятное для археологическихъ изысканій время прибыли мы въ Фивы. Бюшонъ своею книгою пополнилъ намъ богатую жатву изслѣдованій. Онъ насчиталъ въ Фивахъ около 10 древнихъ церквей, и одну даже Римскокатолическаго Святаго. Намъ удалось видѣть только двѣ древнія и малыя церкви, складенныя частію и изъ остатковъ языческихъ храмовъ — обѣ теперь внѣ города. Одна изъ нихъ носитъ имя Евангелиста Луки. Въ продолженіе одного мѣсяца мы имѣли удовольствіе видѣть уже третій Апостольскій городъ. Здѣсь, по преданіямъ церковнымъ, проповѣдывалъ и скончался Св. Евангелистъ Лука. Здѣсь нетлѣнное тѣло его почивало до временъ Императора Константія, по повелѣнію коего воиномъ и въ послѣдствіи мученикомъ Артеміемъ оно взято и перенесено въ Константинополь, къ тѣламъ Апостоловъ Андрея и Тимофея. Общее и давнее убѣжденіе Фивянъ есть то, что Святыя мощи Евангелиста покоились въ той самой церкви, о которой мы упомянули. Церковь находится въ полуверстѣ отъ теперешняго города, на небольшой возвышенности; цѣлы ея четыре стѣны и алтарь, и большая часть мраморнаго пола. У самаго мѣста иконостаса,

съ правой стороны, по длинѣ церкви стоятъ большая бѣлаго мрамора гробница, похожая на Кіевскую Ярославову или еще болѣе на древнія Греческія гробницы Римской эпохи. Передняя сторона ея имѣетъ четырехугольное отверстіе, завѣшиваемое теперь полотномъ; внутри гробницы постоянно теплится лампада, поддерживаемая усердіемъ христіанцевъ. Тамъ лежало тѣло Апостола: такъ всѣ вѣрятъ въ Фивахъ. Будь это въ Россіи, гробницу обложили бы золотомъ; здѣсь же она не имѣетъ никакой покрывки, кромѣ свода небеснаго (29). Съ откры-

(29) На правомъ изъ продольныхъ боковъ гробницы изсѣчена слѣдующая надпись:

Σχῆνος μὲν γενετήρες ἐπεὶ γέρας ἐστὶ θανάσι
 Τριμῶντες κλαίεσκον ἀναίσθητον περὶ τύμβον
 Ψυχῆ, δ' ἐς τὸ Δίκαιον ἔβησε τοῦνομα τὸ ἐμὸν
 Νῆδυμος Ἰταλικῆς Ἀδαῆς καὶς ἡμερος ὄντως
 Οὐκ ἤμην ἐμπροσθε πολὺν χρόνον εἰ τε γενήθη
 Εἰς ὀλίγον ἐτέων ἐναρίθμιος ἄστατος αἰῶν
 Οὐκ ἀνέδρασκον ἔχων ἴδιον δρόμον ἢ δὲ λάχεν τις
 Μοίρης ταύτην ἐκτελέσει, καὶ γὰρ βασιλῆες
 Ταῦτ' ἐπέγραψε πατήρ Ζώσιμος εἴνεχ' ἐμεῖο
 Ἀίμηστον ἔχων ψυχῆς πόθον ἀθανάτσιοι.

«Отецъ и мать мои почтили мое тѣло своими слезами вокругъ сего безчувственнаго памятника, какъ это привыкли дѣлать надъ усопшими. Но душа моя отошла къ праведнымъ. Мое имя было Нидимъ, сынъ Адаи Италіинки — оплакиваемое поистинѣ многими. Немного времени я существовалъ, родившись съ тѣмъ, чтобы прожить мало лѣтъ по жестокости непостояннаго вѣка. Но всякій долженъ повиноваться судьбѣ, которая его ожидаетъ. И самые Цари не изъяты изъ сего. Мой отецъ Зосимъ написалъ это ради меня, всегда вздыхая по моей душѣ бессмертной». Такъ переводитъ это надгробіе Спонъ. Какимъ образомъ на гробѣ Апостола очутилась надпись, принадлежащая совсѣмъ другому лицу? Естественно, довѣряя больше ей, чѣмъ мѣстному преданію, уже Спонъ говорилъ о гробѣ, что это «sarcueil, que les Grecs pretendent être de S. Luc». За нимъ и другіе путешественники считаютъ долгомъ

тіємъ въ послѣднее время особенной Фивской Епархіи и съ назначеніемъ на кафедру ея одного изъ почтеннѣйшихъ Іерарховъ Греческихъ, была надежда, что Святое мѣсто не останется безъ призрѣнія; но послѣднее несчастіе Фивъ едва ли не оставитъ еще надолго въ томъ же жалостномъ положеніи церковь и гробъ Евангелиста, не смотря на все боголюбивое усердіе Первостоятеля Церкви Фивской. Среди печальнаго зрѣлища всеобщаго несчастія, мы утѣшены были встрѣчею этого въ высокой степени почтеннаго лица. «Миѣ говорили— рассказывалъ Преосвященный — чтобы я выѣхалъ на это время въ Ливадию; но я думаю, что это было бы не по-Христіански. Ко миѣ съ утра до вечера идутъ за помощію. Бѣдные люди не думаютъ, что я такой же бѣднякъ, какъ и они. Чтò дѣлать! Утѣшаю ихъ словами. Если бы я выѣхалъ, у

безпристрастнаго изслѣдованія отзываться о гробѣ Апостола въ томъ же тонѣ. Но весьма легко согласить надпись съ преданіемъ. Гробъ точно могъ быть сначала Нидимовымъ; но потомъ Христіане, нашедши его можетъ быть давно уже пустымъ, положили въ немъ мощи Евангелиста. Что это точно была Христіанская рака, а не гробница языческая, неоспоримымъ доказательствомъ служитъ то, что она находится въ церкви и у самаго алтаря, а что изъ языческой превращена въ Христіанскую, это свидѣтельствуется отвертіемъ на передней сторонѣ ея, сдѣланнымъ во время сего превращенія, какъ надобно думать, для того, чтобы можно было усердствующимъ лобызать стопы Апостола. Затрудненіемъ при семъ соглашеніи, болѣе дѣйствительнымъ, могло бы быть только то, если бы оказалось, что Нидимъ былъ Христіанинъ (на что какъ бы есть ясные намеки въ надгробіи); но гробъ Христіанина посреди церкви и у алтаря— это неслыханное дѣло въ Исторіи Христіанства, по крайней мѣрѣ на Востокѣ. Исключеніе могло быть одно: если бы сей Христіанинъ былъ Святой Угодникъ, если бы Нидимъ былъ на-пр. Мученикъ. Но тогда, безъ сомнѣнія, и надпись была бы въ другомъ родѣ, и гробница имѣла бы на себѣ хотя какое-нибудь Христіанское украшеніе.

нихъ не было бы и этого утѣшенія. Въ прошлое Воскресенье нарочно отслужилъ для нихъ обѣдню на свой счетъ, говорилъ при этомъ, что Богъ послалъ въ нихъ утѣшеніе и назиданіе. Добрый народъ. Всѣ плакали, даже дѣти. Теперь всѣ говѣютъ. Въ Успеніе отслужу опять, и приобѣщану ихъ». Любезная простота! Выраженіе: *на своей счетъ* дастъ въ Россіи, надѣюсь, довольно точное понятіе о положеніи церкви въ Греціи. Оно значить, 1) что Пресвященному никто не заплатилъ за его трудъ; 2) что онъ самъ заплатилъ за свѣчи, даданъ, вино, просфору и, по всей вѣроятности, даже Діакону и Псалту за служеніе. Какъ о любимой мечтѣ, говорилъ онъ о возобновленіи церкви Евангелиста. Подпискою и разными другими средствами у него было уже собрано около 2,000 драхмъ, и на эту сумму онъ надѣялся возстановить ее (30). Но теперь, кажется, сумма эта получить другое назначеніе, при множествѣ другихъ вопіющихъ нуждъ города и каедры.

Во все время пребыванія нашего въ Эивахъ мы не переставали слышать по временамъ подземные удары, изъ коихъ три или четыре были весьма значительны. Не смотря однакожъ на всю поразительность своего положенія, бѣдные жители, при одномъ слухѣ о прибытіи Русскихъ, пришли въ движеніе, и толпами ходили за нами между развалинами домовъ своихъ. Прекрасное чувство! Да будетъ ему достойное возмездіе въ одинъ изъ дней весьма ожидаемой счастливой будущности Греціи.

Часа на два разстояніи дорога отъ Эивъ идетъ по прежнему равнинно, хотя и болѣе возвышенно, а по-

(30) Этого весьма мало; надобно по крайней мѣрѣ (1,500 р. сер.)

тѣмъ вдругѣ круто поднимается на горный кражъ, соединяющій Киверонъ съ Парниоомъ и служащій Сѣверо-Западною границею Аттики. Съ высоты его мы долго любовались картиною горъ Віотіи, Фокиды, Фѳіотиды и отдаленной Этолїи. Грамада Парнаса царствовала надъ всѣмъ окружающимъ. Дикимъ ущелиемъ спускались мы потомъ въ Аттику, и въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ повстрѣчали сидѣвшихъ за кустами человекъ 10 или 12 съ дикими и суровыми фizioномїями. Не совсѣмъ равнодушно перенесли мы эту встрѣчу. Одинъ изъ нихъ немедленно вступилъ въ переговоры съ нашимъ провожатымъ; оказалось, что это были стражи лѣса. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно было разумѣть ихъ, хотя освѣдомленіе ихъ о нашемъ паспортѣ, не входящее въ обязанности ихъ службы, говорило намъ на ихъ счетъ нѣчто другое. Въ послѣдствїи мы узнали, что и другимъ проводилось встрѣчаться въ этомъ мѣстѣ съ подобнаго рода лѣсничими. Думаю, что Русское имя, магически дѣйствующее на всѣ классы общества Греческаго, спасло насъ на этотъ разъ отъ какого-нибудь болѣе прямого обыска, чѣмъ одно освѣдомленіе о законномъ видѣ, о которомъ мало кто думаетъ въ Греціи. Переѣхавъ долину, мы стали подниматься на другую купу горъ, всю покрытую лѣсомъ, называемую теперь Кесриди (3,360 ф.). Вершины ея остались вправо отъ насъ. Отъ самой Ливадїи мы ѣхали большою экипажною дорогою, почти единственною въ Греціи; она идетъ до самыхъ Аеннъ. Съ наиболѣе возвышенной точки ея намъ открылись и знакомыя горы Имиттосъ (3,160 ф.) и Пендѣликъ (3,420) — сосѣди наши, любимыя мѣста уединенныхъ прогулокъ нашихъ. Прїятно было увидѣть ихъ, какъ вѣстниковъ нашего покоя, въ кото-

ромъ наконецъ уже довольно настоятельно стали чувствовать надобность. Часа два спускались потомъ съ горъ, и, спустившись, еще часть времени ѣхали до Лепсіны — древней Элевзины, лежащей на самомъ берегу сомненнаго ей залива, въ древней области Аттики Мегаридѣ. Здѣсь мы были уже какъ дома: потому что многократно прежде посѣщали это знаменитое мѣсто. Отказавшись отъ широкихъ размѣровъ Русскаго географическаго взгляда, подъ живыми впечатлѣніями Греціи, мы можемъ съ важностію говорить о Віотіяхъ (Беоціяхъ), Фокидахъ, Мегаридахъ и т. п. Скажемъ такимъ образомъ, что Аттика на-пр., при возвращеніи нашемъ изъ другихъ *странъ*, показала намъ имѣющею свой особенный рѣзкій характеръ строгости и важности (классической). Веселая, привольная, цвѣтущая Віотія столько же похожа на Аттику, сколько молодость похожа на старость. Весьма понятно, отъ чего на ея почвѣ явились такія божества, каковы Аполлонъ и Артемиды со всѣмъ обществомъ Музъ; понятно, отъ чего жизнь тамъ шла всегда объ-руку съ Поэзіей, и религія имѣла характеръ игры, наслажденія, одушевленія и вдохновенія. Въ Атикѣ сухая, большею частію ровная и обнаженная почва земли, почти исключительно (и за то наилучшимъ образомъ) пригодная только для развода и воздѣлыванія маслинъ, на двухъ третяхъ протяженія своего ограничиваемая моремъ и открытая потому для всякаго рода нападений и чужеземныхъ вліяній, породила иные обычаи, нравы, взгляды, понятія, другія открыла нужды, пробудила иные силы, дала другую Исторію и иные произвела божества. Женоподобный Аполлонъ не могъ быть туземцемъ Аттики. Его должна была замѣ-

нить собою мужевидная Аѳина (Минерва, Паллада и проч.), переспорившая самого Посидона (Нептуна). Кто такая была исторически эта соименница столицы Атики, для насъ это дѣло безразличное. Довольно того, что ея образъ болѣе всѣхъ другихъ понравился Атикѣ и заслонялъ собою всѣ пришлыя божества. Самою сильною соперницею Аѳины въ Атикѣ была Димитра (Церера), съ именемъ коей соединялось понятіе матери, вводящее ее въ ближайшее отношеніе къ людямъ. Прежде, чѣмъ Аѳина и Посидонъ стояли на скалѣ (παῖος) передъ Ареемъ т. е. въ Ареопагѣ, и судились за свои честолюбивыя притязанія, городъ Кѣкроповъ имѣлъ уже свой насущный хлѣбъ, который дала ему мать Димитра. Кто такая исторически была Димитра, для насъ опять дѣло неважное. Можетъ быть и она, какъ Додонская голубка, прилетѣла изъ-за моря, изъ Египта. Ее увидѣли въ первый разъ на берегу залива Мегарскаго сидящею и плачущею по утонувшей (похищенной Посидономъ) дочери. Ея прибытіе (ἔλευσις) признательные жители вѣзали, такъ сказать, въ Исторію страны памятникомъ, доселѣ живущимъ и говорящимъ его именемъ. Какъ не льзя болѣе по духу и потребностямъ мѣста была эта пришлица. Она научила окрестныхъ жителей великому таинству Природы—сѣянію и воздѣлыванію хлѣба. Атика обоготворила за то Димитру и положила праздновать память ея всенародно. Знаменитыя таинства Элевзинскія были прямымъ послѣдствіемъ признательности дѣтей къ матери. Находя себя не въ состояніи судить о семь актѣхъ религіозной жизни Грековъ, мы ограничимся тѣмъ, что признаемъ его мало согласующимся съ физическими и нравственными условіями мѣста, на которомъ онъ выродился. Открытое взморье не наво-

дать мысли ни на какую тайну, а тѣмъ менѣе на таинство; то же самое можно сказать и о таинствахъ Аѳины въ Аѳинскомъ Акрополѣ, гдѣ такъ мало существуетъ благоприятныхъ для ихъ образованія и развитія условій. Призывая несомнѣннымъ весьма сильное вліяніе *мѣстности* на религію, мы при всемъ томъ должны думать, что ея первый производитель и движитель всегда есть другой, а именно Исторія (31) — какое-нибудь событіе, часто неизвестное и позабытое, почти всегда неполное и искаженное. Віотійцу Исіоду (Гезіоду) съ высотъ Киверона вѣра отцевъ могла казаться слишкомъ низкою и простою, требовавшею дополненій и уясненій; въ плоской и низкой Аттикѣ она казалась священною и неприкосновенною, тѣмъ болѣе цѣнною, чѣмъ проще и безсвязиѣе ея содержаніе. Все, что здѣсь позволила себѣ сдѣлать на счетъ религіи мысль, это только ее облечь въ обрядность, въ таинственность. Такъ вышли, можетъ быть, тѣ таинства, на мѣстности коихъ мы стояли въ это время, и слѣдовъ коихъ напрасно искали между хижинами Лепсины. Элевзинскій храмъ Димитры состязался въ славѣ съ Дѣвичникомъ (Парененомъ) Аѳины. Судя по немногимъ остаткамъ мраморныхъ колоннъ — единственной древности Лепсины, можно вѣрить тому. Къ удивленію, не лѣзя замѣтить ни на нихъ, ни въ окрестности ихъ никакихъ слѣдовъ церкви, что рѣдко пропускало сдѣлать древнее Христіанство, селившееся на мѣстахъ язычества. Можетъ быть,

(31) Третій производитель могъ быть *интересъ жреческій*, четвертый — *политическій*, пятый — *Поэзія*, и развѣ шестой уже *идея*, — ученое построеніе религіи, которое такъ легко дѣлать, не имѣя никакой религіи, и не зная того, чѣмъ была древняя религія Востока.

справедливо то, что разносила молва нехорошаго о таинствахъ Элевзины, и, можетъ быть, цѣломудренное чувство Христіанъ стыдилось воздвигнуть на ихъ мѣстѣ чтилище Богу.

Подъѣзжая къ горамъ, чрезъ которыя идетъ проходъ въ Аѳинскую равнину, мы видѣли влѣво въ косогорѣ развалины какого-то монастыря, вѣроятно бывшаго метохіей монастыря Дафнійскаго. Постройка его, впрочемъ, сколько можно было замѣтить въ трубу, не казалась очень древнею. Ночью достигли мы Дафни. Первый взглядъ на церковь, столько меня прежде занимавшую, увѣрилъ меня, что это далеко не церковь Св. Луки. Размѣры ея значительно тѣснѣе и планъ несовершеннѣе, хотя во внутреннихъ украшеніяхъ замѣчается большое сходство. Также арки и своды ея (съ тѣмъ различіемъ, что кажется и стѣны — даже чего нѣтъ въ церкви Св. Луки) покрыты были золотою мозаикою съ иконами, изъ коихъ нѣкоторыя такъ прекрасны, что не уступаютъ иконамъ Св. Луки (32). Представивъ, чѣмъ была нѣкогда эта прекрасная церковь, и что она теперь, я съ болѣзнію души пожелалъ ей привлечь къ себѣ вниманіе какого-нибудь христіолюбца, и возстать изъ уничиженія и разрушенія въ прежней славѣ Византійскихъ временъ. Мы нашли церковь загроможденною лѣсомъ: къ храмовому

(32) На этотъ разъ церковь Дафнійская показала намъ болѣе древнею, чѣмъ церковь Св. Луки. Какъ бы въ подтвержденіе того, недавно Археологомъ здѣшнимъ Г. Питтаки открыта въ сей церкви надпись на языкахъ Греческомъ и Латинскомъ. Первая говоритъ: *Αὐτοκράτορι, καίσαρι... εὐσεβει, εὐτυχει, σεβασῶ, ἔξ ἄρκως, ζ* (т. е. 6,000 отъ Сотв. Мира = 491 отъ Р. X.). Вторая: *DDNNI Arcadii. t Nonogiu. subic... spectat.. proconsul. Eusebio.. S.—O*, если бы эту церковь заговорилъ предъ нами V вѣкъ Христіанства, котораго такъ мало мы имѣемъ живыхъ и совершенныхъ памятниковъ!

празднику Успенія Божіей Матери кто-то поусердствовалъ, прислалъ новый иконостасъ простой работы. Бѣныя старицы съ великою радостію спѣшили рассказать объ этомъ. Пріятно было узнать также, что у нихъ теперь уже правится служба по праздникамъ. Понемногу все идетъ къ порядку.

Рано утромъ 12 числа мы возвратились въ Аены. Первымъ дѣломъ нашимъ здѣсь было, разумеется, увидѣться поскорѣе съ нашимъ *Никодимомъ*, чтобы повѣрять его достоинства свѣжими еще впечатлѣніями видѣнныхъ въ дорогѣ храмовъ, его соперниковъ по древности и архитектурному изяществу. Мы нашли его уже весь оштукатуреннымъ внутри и покрываемымъ цинкомъ сверху. При вступленіи въ него, тотчасъ оказалось, что онъ дѣйствительно малъ, не смотря на то, что есть самый большой изъ 15 древнихъ церквей. Дафнійскій храмъ выше, а храмъ Св. Луки еще выше, хотя всѣ три, вмѣстѣ взятые, не составляютъ и одной Св. Софіи. Но, будучи послѣднимъ по величинѣ, Ликодимъ безспорно есть первый между тремя по стройности, легкости и правильности плана. Дафнійскій, въ этомъ случаѣ, долженъ стать послѣднимъ, такъ какъ вовсе не имѣетъ хоровъ. Храмъ Св. Луки хотя имѣетъ хоры, но неправильные и вообще не отличается особенною симметриею частей. Нашъ Ликодимъ имѣетъ кругомъ себя открытыя и изящныя галереи, и представилъ бы совершеннѣйшій образецъ Архитектуры своего рода, еслибы болѣе обширные размѣры дали ему возможность имѣть въ стѣнахъ окна въ каждомъ изъ отдѣленій хоръ, какъ въ церкви Св. Луки, а не черезъ отдѣленіе, и еслибы въ симметрію съ кимитириемъ и алтарь имѣлъ подобныя ему окна въ нижней галерей.

Не знаю, есть ли гдѣ-нибудь церкви этого плана въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ церковь Св. Луки. Воображаю, что, при размѣрахъ Св. Софїи, построенная по этому плану церковь избѣгла бы впечатлѣнія тяжести и представила бы великолѣпнѣйшее и изящнѣйшее зрѣлище своимъ вѣнцемъ подкупольныхъ дугъ и самымъ куполомъ, который представлялся бы тогда не падающимъ и угрожающимъ раздавить, а влекущимся и увлекающимъ въ небо. Торжества этого еще дожидается Церковная Архитектура: о, еслибы честь имѣть его досталась Россїи!

A.

